

ЧЕЛО

альманах

№ 1 [50] 2012

Издаётся с 1995 года

Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого

ОДИН ДЕНЬ В ЗИМНЕМ

«...В советское время Октябрьская революция представлялась главным событием XX века, во время Перестройки переписали учебники и, в результате, получили поколение, которое не слышало имени Керенского и смутно даже представляет себе, кто такой Ленин.

Несколько лет назад учебник истории снова переписали, уже, естественно, без пафоса 1950-х—1970-х и, как это ни странно, пришли примерно к тому же, с чего начинали...»

Статью А.В. Конивец
читайте на стр. 51

СОДЕРЖАНИЕ:

новгород	
<i>Л.А. Секретарь</i> — К истории усадьбы князей Васильчиковых	3
<i>И.И. Кушнир</i> — Земляной вал будет благоустроен	11
<i>Ричард Кнапиньски</i> — Врата веры	12
эхо	
<i>М.Ю. Данков</i> — «Где уклад промышленяют?»	14
<i>Д.А. Михайлов</i> — Крестцы продолжают писать историю	23
<i>С.Ф. Витушкин</i> — Фронт не был пассивным	26
кафедра	
<i>В.М. Семёнов</i> — Деревенские святыни Чудовского района	31
<i>А.С. Ананичев</i> — Образ преподобного Сергия Радонежского в романе Дмитрия Балашова «Похвала Сергию»	34
архив	
<i>Л.А. Вавилова, Т.А. Данько</i> — «Время разбрасывать камни и время сбирать камни»	37
имена	
<i>М.П. Курбанова</i> — У истоков российской исторической топографии	45
<i>В.В. Демидов</i> — Дедушка гения	47
эрмитаж	
<i>А.В. Конивец</i> — Один день в Зимнем	51
мастера	
<i>С.В. Акифьева</i> — От сложного к простому	60
вернисаж	
<i>Т.В. Володина</i> — Силуэты XX века	64
exlibris	
<i>В.В. Рукавичникова</i> — «Нет ни одного армейского полка, который не имел бы своей библиотеки...»	67

Н.И. Морылёва —
Строгова В.П. Древние топонимы
Великого Новгорода и его окрестностей 74

перо

В.П. Краснов —
Облака 77

Ю.А. Симонов —
Я — школьник 84

Г.К. Насурдинова —
Часовня 87

О.В. Запольская —
«Не назначайте встречи, я больше не приду...» 90

В.А. Клебанова —
Литературные переводы 91

Редакционная коллегия:

Барканова Е.В.
(главный редактор)
Бурьяк М.К.
Витушкин С.Ф.
Данько Т.А.
Дудкин В.В.
Коваленко Г.М.

Морылёва Н.И.
Петрова Л.А.
Савинова И.Д.
Секретарь Л.А.
Сигалова Т.Н.
Ядрышников В.А.
Ярыш В.И.

К ИСТОРИИ УСАДЬБЫ КНЯЗЕЙ ВАСИЛЬЧИКОВЫХ

Среди многочисленных дворянских усадеб Новгородской губернии в историческом и художественном отношении выделяется усадьба князей Васильчиковых «Выбити», расположенная недалеко от г. Сольцы на берегу реки Колокша. Местные жители переделали этот необычный для современного человека топоним в хорошо понятный «Калошка».

И хотя в настоящее время усадебный комплекс с великолепным парком сохранился далеко не полностью, да и постройки его находятся в плачевном состоянии, он впечатляет стилистически цельным и гармоничным решением парадной зоны и обширностью, развитостью хозяйственной зоны, что свидетельствует о хорошо налаженной экономической деятельности большого имения.

История усадьбы подробно прослеживается по сохранившимся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) документам личного фонда князей Васильчиковых. Материалы по данной теме содержатся также в периодических изданиях, мемуарах и других источниках.

В основу предлагаемой читателям статьи положен доклад, сделанный в 1971 году на научной конференции Новгородского государственного музея-заповедника с некоторыми изменениями и дополнениями.

Усадьба «Выбити» досталась роду князей Васильчиковых во второй половине XVIII в. от богатых дворян Овцыных в результате удачного брака Василия Алексеевича Васильчикова с Екатериной Илларионовной Овцыной. Сам Василий Алексеевич, как вспоминал его внук, князь Александр Илларионович, происходил из бедных малообразованных дворян, но был хорош собой при этом и на 31-м году жизни, «приобретая любовь» одной из богатейших невест Овцыной, стал обладателем 5000 душ в Новгородском и Старорусском уездах Новгородской губернии и около 2000 душ в Порховском уезде Псковской губернии¹.

Его сын Илларион Васильевич (1777–1847) сделал блестящую карьеру. При Александре I он дослужился до командира отдельного Гвардейского корпуса (1817–1821), а при Николае I стал в 1833 году председателем Государственного Совета (с 1821 г.) министров — совещательного органа при государе императоре². В то время, когда Васильчиков командовал гвардейским корпусом, адъютантом у него был П.И. Чаадаев, один из умнейших и образованнейших людей своего времени, который в одном из писем родственнице Щербатовой дал очень нелестную характеристику своему командиру: *«Нет на свете ничего более глупо-высокомерного, чем этот Васильчиков...»*. Этот отзыв Чаадаева вполне объясним, т. к. Илларион Васильевич был противником революционных перемен в жизни общества и резко осудил декабристское движение.

В то же время великий князь Николай Михайлович дал прямо противоположную характеристику Васильчикову:

«Рассудительный, правдолюбивый, бескорыстный, самостоятельный в своих мнениях, истинный рыцарь чести, он пользовался доверием Александра I и Николая I»³.

Илларион Васильевич участвовал в войне 1806–1807 гг. в качестве шефа Ахтырского полка. В период Отечественной войны 1812 г. командовал кавалерийской бригадой, потом пехотной дивизией. Был дважды ранен, первый раз — в Бородинском сражении⁴.

В архиве Васильчиковых есть интересные материалы о волнениях в Семёновском полку в 1820 году (этот полк входил в состав Гвардейского корпуса — Л.С.)⁵. После этих событий И.В. Васильчиков вынужден был временно уйти от дел. В то время даже такие деятели как он казались либералами. При Николае I он вновь возвратился к государственным делам. В 1833 г. получил графский титул, а в 1839 г. возведён в княжеское достоинство.

Илларион Васильевич удачно приумножил богатство отца благодаря браку с Татьяной Васильевной Пашковой. К имениям в Новгородской и Псковской губерниях присоединились имения жены в Саратовской губернии с овчарным заводом и в Тамбовской губернии с сахарным заводом⁶.

Сын Иллариона Васильевича Александр Илларионович (1818–1881 гг.), которому досталось имение «Выбити» после смерти отца, в отличие от него не входил в число высшей бюрократии, а почти всю жизнь провёл в своих имениях, занимаясь экономическими исследованиями, беллетристикой, земской деятельностью и налаживанием своего собственного хозяйства.

«Я прожил большую часть моей жизни в провинции и в деревне управлял имениями, занимался хозяйством в разных полосах России на севере — в Новгородской и Псковской губерниях, в срединной полосе — в Ковенской губернии, на самой границе Пруссии, в черноземной Тамбовской губернии и в степной части — Воронежской и Саратовской губерниях»⁷.

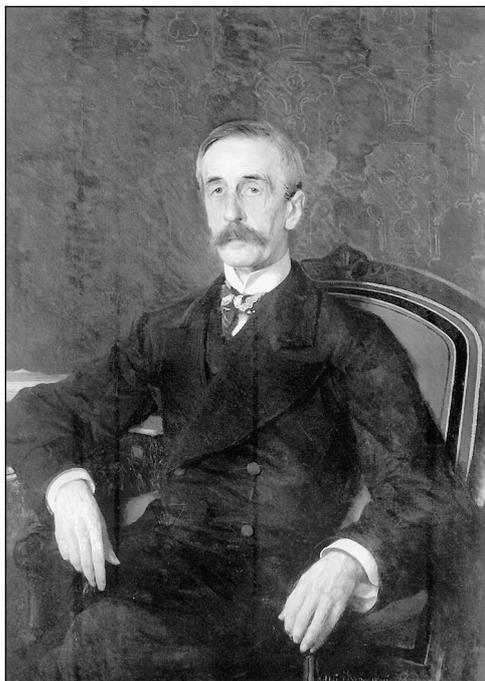
Крупный помещик, владелица тысяч десятин и тысяч душ крепостных, сын председателя Государственного совета, он, как это ни странно, по своим взглядам примкнул к либеральным народникам. Это было довольно смело для человека из высшего света. Портрет Александра Илларионовича Васильчикова работы известного художника-передвижника И.Н. Крамского экспонируется в картинной галерее Новгородского государственного музея-заповедника. Он происходит из усадьбы «Выбити» (илл. 1).

В 1839 г. Александр Илларионович окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1840-х годах работал на Кавказе по устройству края, где ему пришлось быть секундантом на дуэли М.Ю. Лермонтова и Н.С. Мартынова. В архиве Васильчиковых есть рисунок пером с надписью *«Богатыри — не вы»*, выполненный и подписанный Лермонтовым⁸.

В 1848 г. новгородские дворяне избрали Александра Илларионовича предводителем дворянства в Новгородском уезде, затем и губернским.

В период проведения крестьянской реформы 1861 г. он являлся членом Новгородского губернского по крестьянским делам присутствия, затем гласным Новгородского земства. В 1869 г. появился его труд *«О самоуправлении»*, в 1876 г. — *«Земледелие и землевладение»*. Как человек, для которого частная собственность была священным правом, Васильчиков испытывал страх перед социальным вопросом и видел возможность избежать социальных катаклизмов в укреплении экономического положения крестьян. В книге *«О самоуправлении»* он предлагал

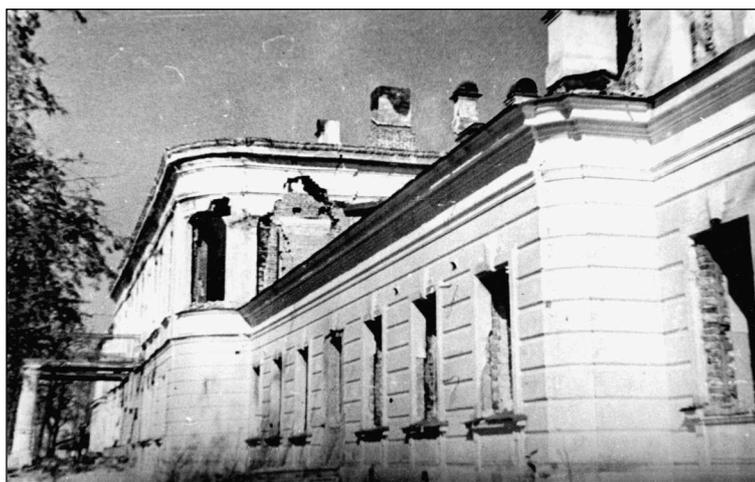
следующие меры для избежания социальных потрясений: *«Для действительной помощи, для предупреждения этого страшного явления, которые под именем пауперизма потрясает современные европейские общества и развивается параллельно обогащению высших сословий, — нужно прибегнуть к другой методе лечения, методе, оказывающейся в новейшее время более полезной и радикальной, к организации дешевого кредита в пользу тех классов, которые всего более в кредите нуждаются и никогда, нигде им не пользовались. Взаимный кредит и взаимное страхование, таковы нам кажутся главные основания этой новой организации, заменяющей и частную благотворительность, и общественное попечительство»⁹.* Для организации взаимного кредитования Васильчиков предлагал устраивать ссудо-сберегательные сельскохозяйственные товарищества и сам был ревностным распространителем их. Для укрепления экономического благосостояния крестьян он полагал возможным передать им часть государственных земель. С воодушевлением Васильчиков встретил отмену

Илл. 1. И.Н. Крамской. Портрет А.И. Васильчикова

крепостного права и земскую реформу, активно занимался в 1860-е—1870-е гг. земской деятельностью. Являясь председателем Петербургского отделения Комитета о ссудо-сберегательных товариществах, Александр Илларионович организовал такое товарищество в своей Выбитской вотчине — селе Доворицы Старорусского уезда¹⁰. Волновал его вопрос и нравственного воспитания народа. Этой цели, по его мнению, должны будут служить народные школы и органы местного самоуправления.

Изучая экономическое состояние западноевропейских стран, Васильчиков поставил вопрос о том, должна ли Россия для достижения европейского уровня культуры воспринять и экономические её реформы, давшие в результате социальные движения. На этот вопрос он ответил отрицательно. Боясь пролетаризации деревни, Васильчиков выступил за сохранение крестьянской общины.

Илл. 2. Дворец в усадьбе «Выбити». Вид с северо-запада. Фото 1944 г. НГМ ОПИ. Ф. 7. Д. 524

В книге «О самоуправлении» он писал: *«Мы считаем нужным повторить, что в этом положении вещей (т.е. в оригинальном экономическом строе России с крестьянскими общинами — Л.С.) мы не видим особого преимущества нашего русского быта, а, напротив, сознаем, что в этом чрезмерном преобладании крестьянства кроется явная опасность для нравственного прогресса и цивилизации нашего отечества, и в общинном землевладении главнейшее препятствие к улучшению земледельческой культуры. Но мы не видим возможности расстраивать вековой ход нашего общественного построения и полагаем, что с ним надо помириться, как мы миримся с суровостью нашего климата...»*¹¹.

В некоторых вопросах и, в частности, внутренней политики правительства, Васильчиков довольно резко высказывался против официальных взглядов, за что некоторые современники называли его «социалистом». Интересна в этом плане его книга «Тайная полиция в России». Рукопись книги хранится в Российском Государственном архиве (РГИА). Вот некоторые выдержки из его книги:

*«Во все царствование императора Николая I, когда тайная полиция действовала неусыпно, она оставалась для публики, даже для придворного и великосветского общества, невидимой, хотя и вездесущей властью, но нашему времени суждено было видеть такое полное торжество жандармского управления, что оно даже не стыдится своего ремесла и своих служителей и что со своей стороны высшее общество не стыдится прибегать к этому тайному ведомству, коль скоро прочие явные и гласные власти не могут удовлетворять их требования»*¹².

Очень резко критиковал Васильчиков великосветское петербургское общество, «которое дает направление и нашей моде и нашей внутренней политике...».

С явной симпатией относился он к декабристам (не разделяя при этом их взгляды — Л.С.), а вот идеи А.И. Герцена пугали его своей революционностью.

*«Лучшие из дворян, — писал он — (т.е. декабристы — Л.С.) томились в рудниках, и этот недостаток сведующих и способных людей наложил на все царствование Николая I отпечаток посредственности, ничтожества и окончательной несостоятельности разразившейся Крымской кампании»*¹³.

Вот ещё выдержка из этой книги:

*«Реакционное движение настоящего времени началось с 1866: печальное сознание, что кратковременная эра благотворительных реформ пресеклась в самом своем начале, что правительство усомнилось в их пользе и своевременности, что дальнейшее их упрочение и развитие надолго прекратилось, сознание это проникло во все слои русского общества»*¹⁴.

Кроме экономических и политических исследований Васильчиков упражнялся в беллетристике, где обнаружил гораздо меньше таланта. В архиве хранятся слабые сентиментальные беллетристические произведения под

Илл. 3. Дворец в усадьбе «Выбити». Фрагмент северного фасада. Фото 1944 г.

интригующими названиями: «Две любви — две измены», «Женщина-чудо»¹⁵.

Сын Александра Илларионовича Борис Александрович (1860—1931) — последний владелец усадьбы «Выбити» — стоял твёрдо на позициях своего класса и был одним из тех представителей высшей российской бюрократии, которые последовательно выражали общеклассовые интересы дворянства. Васильчиков был выразителем и проводником государственно-капиталистической политики «насаждения капитализма сверху». При Николае II (с 1906 по 1917 гг.) он являлся членом Государственного Совета и шталмейстером Императорского двора. В течение четырёх лет Бо-

Илл. 4. Восточный флигель дворца с переходом и «кухонный» корпус. Первая половина XIX в. Фото 1960-х гг.

рис Александрович исполнял обязанности губернского предводителя дворянства в Новгородской губернии.

В период проведения столыпинских реформ он занимал пост министра земледелия и был ревностным сторонником взглядов П.А. Столыпина, который делал ставку на крепкого мужика, стоял за разрушение крестьянской общины и являлся сторонником хуторских

Илл. 5. Пекарня (или кухонный корпус). Первая половина XIX в. Вид с юго-запада. Фото 1960-х гг.

хозяйств. Впрочем, о своей деятельности в должности министра Борис Александрович выражался критически: «Я был в свое время очень хорошим предводителем, хорошим губернатором, никуда не годным министром и абсолютно бесполезным членом Государственного Совета»¹⁶.

Илл. 6. Дом управляющего. Первая половина XIX в. Фото 1970-х гг.

Б.А. Васильчиков был женат на Софье Николаевне Мешерской, дед которой Пётр Иванович состоял в браке с дочерью известного историка Н.В. Карамзина. От жены Борис Александрович получил в наследство майораты: «Таурроген» в Прибалтике и «Нижний Кисляй» в Воронежской губернии с сахарным заводом. Сахар из имения продавали Торговому Дому «Вагау и К°».

Свои взгляды на экономическое устройство деревни в резкой откровенной форме Б.А. Васильчиков выразил

в обращении к крестьянам деревни Угощи по поводу их жалобы на его действия: «...и пока вы будете жить не по-человечески, а стадом и все ждать, что кто-то вам должен помочь, — вы с места не сдвинетесь, а начнется у вас новая жизнь, когда вы поймете, как уж много миллионов русских поняло, что для того, чтобы жить по-человечески, надо обособиться и стать хозяином в своем хозяйстве, выделив, что есть к одному месту, и тогда на нем хозяйничать и работать, как самому лучше, а не так, как лучше всем остальным»¹⁷.

Васильчиковы были владельцами тысяч десятин земли и тысяч крепостных. В 1833—1834-х годах одному имению «Выбити» Иллариона Васильевича Васильчикова, с принадлежавшими к нему деревнями в Старорусском уезде, относилось 17 714 десятин 1511 сажень. В их владении находились следующие деревни: Нижняя и Верхняя Угощи, Оловня, Шапково, Большое Данилово, Смехново, Чудинцевы горки, Захонье, Поглездово, Вязовка, Блошня, Веретье, Возули, Марково, Цыпино, Шухлово, Высочки, Подложье и другие¹⁸.

В то же время (в 1830-е—1840-е годы) в Новгородском уезде в их владении было 15 969 десятин 2133 сажень. В Ровской вотчине Псковской губернии насчитывалось тогда же 5000 десятин земли.

Все владения Иллариона Васильевича разделялись на семь вотчин: четыре вотчины в Новгородской губернии (самая большая из них Выбитская), одна в Псковской и по одной вотчине в Саратовской и Тамбовской губерниях.

Во всех семи вотчинах в 1846 году числилось 4760 душ, в том числе в Выбитской — 629 душ¹⁹.

До реформы 1861 г. имения Васильчиковых, в том числе и имение «Выбити», были типичными помещичьими хозяйствами.

Довольно полную характеристику доходности имений Иллариона Васильевича в 1846 г. даёт «Оценка имений по оброчным положениям».

По оброкам, получаемым со всей земли (крестьянской, господской, заводов), стоимость имений в 1861 г. оценивалась следующим образом: Новгородское и Псковское — 949 183 рубля, Тамбовское — 1096 763 рубля, Саратовское — 742 663 рубля²⁰.

Из 35 060 рублей оброков, получаемых с крестьянских земель четырёх новгородских и одной псковской вотчины в 1861 г., имение «Выбити» давало 13 845 рублей.

После реформы 1861 г. часть земель отошла крестьянам, но такие крупные латифундиальные хозяйства, как Васильчиковых, сумели сохранить достаточное количество земли и обогатиться за счёт выкупаемых. В 1904 г. Б.А. Васильчиков владел 4836,7 десятинами земли в Новгородском уезде и 7984,6 десятинами в Старорусском уезде,

т. е. 12 821,3 десятинами²¹. Часть средств, полученных за проданную крестьянам землю, пошла на устройство обширного хозяйства капиталистического типа: покупку инвентаря, строительство новых хозяйственных построек, в том числе в усадьбе «Выбити». В 1914 г. была составлена «Поверочная опись имения „Выбити“», по которой можно отчётливо представить экономическое состояние имения в предреволюционный период.

Всё имение было разделено на шесть отрубков.

Постройки имения оценивались в 157 670 руб., причём господские — в 75 500 руб., хозяйственные — в 63 970 руб. и механического производства — в 18 200 руб. Все они находились в образцовом состоянии и были приспособлены к ведению обширного хозяйства.

Живой инвентарь оценивался в 62 350 руб., рабочих лошадей насчитывалось 60, коров — 160, быков — 5, нетелей — 38, телят — 50, бычков для продажи — 70, рабочих волов — 41.

Стоимость „мёртвого“ инвентаря составляла 16 147 руб. В имении развивалось полеводство, лесное хозяйство, молочное животноводство. Более 50 000 рублей валового дохода в год давало лесное хозяйство, покосы — 17 730 руб. Развивалось в имении полеводство, причём для обработки полей использовались усовершенствованные орудия и машины. Полеводство давало 52 579 руб. валового дохода, молочное животноводство — 24 000 руб. Скот был отборный, крупный английских пород.

На территории имения действовало три завода: винокуренный, лесопильный, кирпичный. Всё хозяйство велось в основном силами наёмных рабочих, и лишь незначительная часть земель сдавалась крестьянам в аренду.

В имении постоянно работали 30 годовых работников, в летние сезоны нанимались поденщики. Таким образом, хозяйство Васильчиковых служило образцом хозяйства капиталистического типа с сохранением в небольших размерах отработочной формы²².

Подробное, иллюстрированное фотографиями описание экономического состояния имения «Выбити» на 1911 г. содержится также в статье управляющего имением А.В. Кисилёва, опубликованной в 1913 г.²³ Ценность данной Описи состоит в том, что в ней содержится полный перечень усадебных построек, причём не только основного комплекса, но и хозяйственных, производственных, а также жилых, предназначенных для рабочих и служащих.

Никаких архивных материалов, касающихся строительства усадьбы, обнаружить пока не удалось, за исключением

проекта деревянной больницы вблизи усадьбы в деревне Угощи (архитектор В.А. Кенель, 1882 г.), выполненного в ропетовском стиле с измелённой деревянной резьбой, и документа, свидетельствовавшего о том, что в конце XIX в. велись ремонтные работы во дворце, главным

Илл. 7. Жилой дом и контора. Вид с северо-запада. Первая половина XIX в.

образом в интерьере. Знакомство с сохранившимися усадебными постройками и документальными источниками позволяет выделить два периода в строительстве усадьбы:

Конец XVIII в. — первая половина XIX в. В это время возникает интересный ансамбль построек в стиле классицизма, удивительно гармонично вписанный в пейзажное окружение.

1860—1870-е годы, когда сооружается большая часть хозяйственных построек. В этот период после реформы 1861 г. усиленно занимается устройством хозяйства Александр Илларионович Васильчиков.

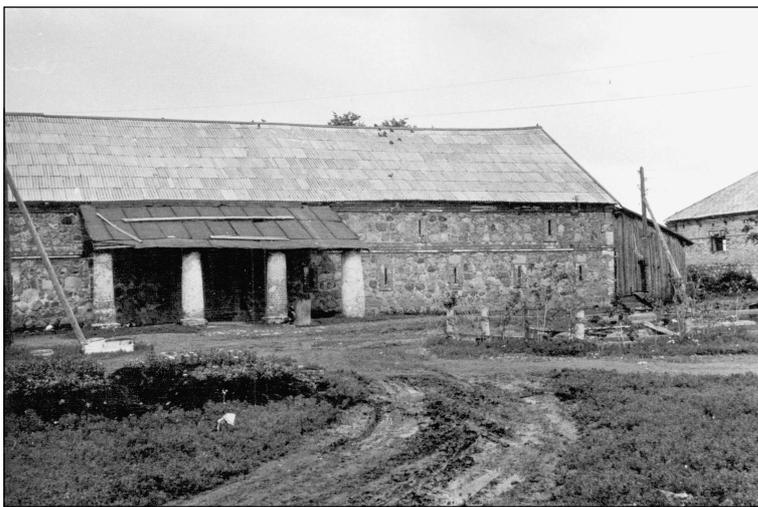
Строительные работы велись также при Борисе Александровиче. Известно, что при нём освятили церковь во флигеле дворца, ремонт проводился в интерьере дворца, строился скотный двор взамен сгоревшего, в деревне Угощи появилась больница. Князь построил

Илл. 8. Жилой дом и контора. Западная часть здания. Первая половина XIX в. Фото 1970-х гг.

для крестьян на свои средства экономическую лавку «Сбережение».

Архитектурной доминантой всего усадебного комплекса был двухэтажный барский дом с двумя флигелями, построенный в пору расцвета классицизма. В 1944 г.

Илл. 9. Амбар. Первая половина XIX в. Фото 1970-х гг.

дворец и западный флигель были сожжены, и представление о доме можно получить лишь из дореволюционных открыток, снимков, сделанных после войны, и из описаний (илл. 2, 3).

Илл. 10. Амбар. Кладка стен. Фото 1960-х гг.

После войны до 1950-х г. над крутым спуском к реке Колокше стоял разрушенный дворец, но понадобился кирпич для строительства и его разобрали. Дворец был решён как единый двухэтажный блок с закруглёнными боковыми фасадами, обработанными плоскими нишами. Первый этаж был рустован, а второй украшен дорическими пилястрами. И со стороны парадного двора, и со стороны реки дом украшали балконы, покоящиеся на колоннах. Парадный дворцовый фасад украшало большее количество колонн.

По свидетельству Н.Г. Порфиридова, дворец первоначально соединялся с флигелями земляными брустверными переходами, — он видел довоенные материалы по обследованию усадьбы. В XIX в. эти переходы были заменены одноэтажными постройками, связывавшими дворец с флигелями. Одна из них сохранилась до сей поры, вместе с уцелевшим восточным флигелем. Автором проекта данной перестройки был, со слов Порфиридова, петербургский архитектор А.С. Хренов²⁴. Одним из самых значительных произведений этого зодчего является особняк великого князя Николая Николаевича младшего на набережной реки Невы²⁵ (илл. 4).

Флигели были двухэтажными, имели рустованный первый этаж, как и дворец, и дорические пилястры на втором этаже. Боковые фасады флигелей имели полукруглые экседры (выступы), которые вторили скруглённым фасадам дворца. К настоящему времени сохранился восточный флигель дворца с переходом, перестроенные в советское время. На флигеле разобрана главка домового церкви.

Дворец с флигелями определил основную ось симметрии усадебного комплекса, которую продолжили к востоку двухэтажный «кухонный» корпус, или пекарня, и дом управляющего. Обе постройки сохранились.

Пекарня — невысокое здание в два этажа, разделённых междуэтажной тягой. Имеет три ризалита (выступа), центральный представляет глубокий арочный проём на высоту двух этажей и предназначен для входа. Второй этаж оформлен рядом арочных проёмов с вписанными в них небольшими окнами. Тройные окна украшают нижние этажи боковых ризалитов (илл. 5).

Новая деревянная пристройка скрывает большую часть центрального фасада дома управляющего, вход в который оформляют сейчас две тосканские колонны. Вполне возможно, что здесь был четырёхколонный портик (илл. 6). Подобные портики тосканского ордера так же, как и аналогичное пластическое решение фасадов, повторялось в жилом доме, расположенном к югу от этих построек параллельно им. Это придавало необходимую целостность всему архитектурному ансамблю. Жилой дом составлял вторую параллельную ось усадебного комплекса. Это самое интересное сооружение из со-

хранившихся.

Жилой дом представляет трёхчастную композицию: к центральной вытянутой одноэтажной части с двух сторон примыкают двухэтажные боковые объёмы. Всё здание имело пять ризалитов, три из которых украшали четырёхколонные портики строгого тосканского ордера. Сохранилось западное крыло дома с портиком, восточный объём во время войны был разрушен и восстановлен как современное здание. Центральный портик одноэтажной части не сохранился, но остались четыре

постамент для колонн. Штукатурка отваливается сейчас во многих местах и видны следы незначительных перестроек. На первом этаже бокового западного фасада рядом с вновь прорубленным окном просматриваются заложенные арочные проёмы. Интересно было бы восстановить это здание в первоначальных формах. Нагурные исследования дадут, вероятно, все данные для его реконструкции. Интересный орнаментальный фриз из прямоугольных, треугольных и полукруглых ниш с замками опоясывает второй этаж западного крыла и продолжается в центральной части²⁶ (илл. 7, 8). Возможно, в линии с этим жилым домом, где размещалась и контора, стоял так называемый «круглый» дом, который упоминается в описи имения 1914 г. Известно, что в 1920-е гг. в усадьбе разобрали много построек, в том числе башню (по-видимому, «круглый» дом)²⁷.

От этой архитектуры не веет холодом, в ней нет излишней торжественности и величия, всё здесь дышит спокойствием и уютом. Камерная, соразмерная с человеком, не угнетающая мощью форм архитектура, изящные портики, множество скруглённых мягких линий, пластическая обработка стен создают ощущение интимности и обыденной красоты, красоты без претензий.

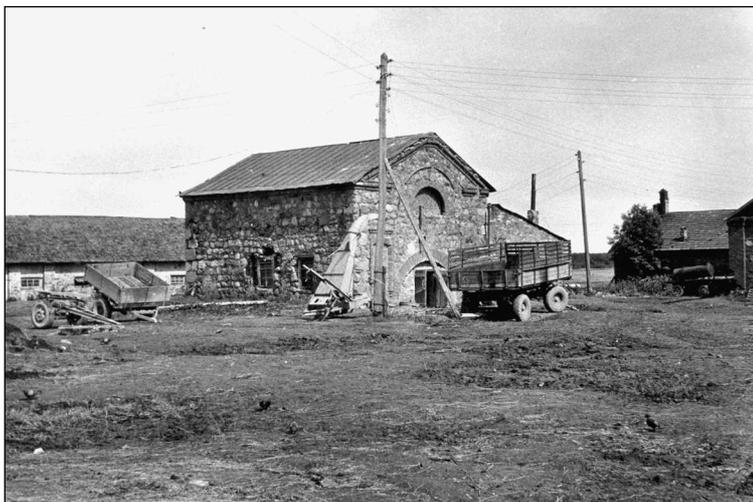
Все перечисленные постройки усадьбы главным фасадом обращены к парадному двору и в плане образуют две параллельные линии. Фланкировали въезд врата со стороны дороги на Сольцы, к сожалению, не сохранившиеся.

Рядом с дворцом к западу от него начинался парк. Мнения о характере усадебного парка расходятся. Б.А. Удальцов определяет его как пейзажно-регулярный. Начинаясь как регулярный, парк переходит в пейзажный, а за рекой растворяется в лесопарке²⁸. М.М. Игнатенко предполагает, что парк заложен в конце XVIII в., и относит его к пейзажным, в котором «открытые ландшафты сочетаются с полуоткрытыми и закрытыми»²⁹.

Центром парковой композиции является археологическая сопка VIII—X вв. От неё лучами расходятся аллеи. Три аллеи — из вечнозелёной туи. Есть в парке лиственная аллея длиной 200 метров.

Деревья на территории усадьбы сохранили следы былой подстрижки. Несмотря на то, что многие деревья вырублены, парк и сейчас ещё поражает своей красотой. Сохранившиеся живописные аллеи из лиственниц, древовидной туи напоминают о былом великолепии парка. Более 50 видов деревьев и кустарников были посажены умелыми садовниками, в том числе такие редкие породы, как кедр сибирский, грецкий орех, клён татарский. В специальных оранжереях выращивались цветы для усадьбы. Перед дворцом у реки устроены были искусственные пруды, обязательные для усадеб того времени.

Хозяйственный комплекс располагался по другую сторону дороги, ведущей к усадьбе, и не смешивался с ней самой, хотя и тесно примыкал. Дошедшие до нас постройки возведены в разное время, главным образом после реформы 1861 г.

Илл. 11. Здание для паровой машины. Первая половина XIX в. Фото 1960-х гг.

Наиболее интересными из них являются самые ранние постройки периода классицизма: амбар и здание для паровой машины³⁰. Необыкновенно живописна кладка стен из крупных камней неправильной формы в обрамлении из раствора с замешанными в него дроблёнными

Илл. 12. Жилой дом для служащих (на первом плане), каретная (на втором). Фото 1960-х гг.

мелкими камнями. Центр вытянутого здания для амбара с окнами, напоминающими бойницы, подчёркивается четырёхколонным портиком. Колонны наполовину срублены. Кладка из камня, окна-бойницы создавали суровую красоту этой постройки, которую по праву можно считать одной из лучших во всём усадебном комплексе (илл. 9, 10, 11).

Остальные постройки гораздо более позднего времени. Часть из них сложена из кирпича, часть — в технике смешанной кладки: камень и кирпич на булыжном

основании. Скотные дворы, молочная ферма выстроены во второй половине XIX — начале XX вв. Чёткие границы кирпичной кладки, рисующиеся на фоне каменной, окна с геометрический ровной линией тяги над ними, форма проёмов придают этой архитектуре определённую сухость и лишают её романтической привлекательности более ранних хозяйственных строений. Добротная архитектура, вполне соответствовавшая запросам владельца усадьбы.

С хозяйственным комплексом с севера граничила жилия застройка, предназначенная для служащих и рабочих, обслуживающих обширное усадебное хозяйство (илл. 12).

После революции в 1917 г. усадьба была национализирована, а 7 августа 1918 г. Совет народного хозяйства Старорусского района вынес постановление о создании на базе имения совхоза «Выбити». 5 марта 1920 г. дворец в «Выбитях» был признан памятником быта, подлежащим охране государством, и передан в ведение секции по делам музеев и охране памятников искусства и старины Новгородского губернского отдела народного образования³¹. Музей быта разместился на втором этаже дворца, куда было передано 595 предметов как бытового характера, так и представляющих художественную ценность.

Сохранилась подробная опись переданных Новгородскому отделу народного образования предметов: мебель из красного дерева, дуба, карельской берёзы, посуда, старый рояль, картины, в том числе портреты участников Отечественной войны 1812 г. (в количестве 38), исполненные художником Д. Доу, а также портреты членов семьи Васильчиковых и их родственников³². Коллекция картин включала работы таких известных художников, как И.Н. Крамской, А.П. Соколов, П.Л. Чистяков, Н.П. Богданов-Бельский³³.

В 1925 г. после решения малого президиума Новгородского губисполкома закрыли церковь в восточном флигеле дворца³⁴. В 1920-е гг. разобрали часть усадебных построек: башню, псарню, гумно, оранжереи, ограду³⁵.

После того, как музей закрыли в 1926 г. и «ликвидировали» имущество (часть более ценных предметов передали в музей, остальные распродали), дворцовые сооружения приспособили в 1929 г. для дома отдыха артистов и художников³⁶.

Пострадавший в годы Великой Отечественной войны дворец разобрали в 1950-е гг. и на его месте построили современное безликое здание. Уцелевшие постройки пришли в такое ужасающее состояние, что там впору снимать сцены Апокалипсиса. Кажется, что и вернуть жизнь великолепному усадебному ансамблю уже невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.; ГАНО Ф. 528. Оп. 2. Д. 165. 1785. Л. 2.

² И.Н. Божеянов. Памяти князя И.В. Васильчикова // Русская старина. 1897. № 3. С. 291–297.

³ Давыдов А.Ю. Князь-кооператор А.И. Васильчиков // Вопросы истории. М., 1993. № 8/93. С. 138.

⁴ Военная энциклопедия. Бомбарда–Верещагин. СПб., 1911. С. 255.

⁵ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 146.

⁶ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 1144. Л. 1.

⁷ Вестник Псковского губ. земства. 1881. № 40.

⁸ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Ед. хр. 1462. Л. 1.

⁹ Васильчиков А.И. О самоуправлении. СПб., 1872. Т. 2. С. 86.

¹⁰ Давыдов А.Ю. Князь-кооператор... С. 141.

¹¹ А. Градовский. А.И. Васильчиков. Некролог // Неделя. № 41.

¹² РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 936. Л. 14.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Там же. Д. 677.

¹⁶ Князь Борис Васильчиков. Воспоминания. Псков, 2003. С. 204.

¹⁷ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 1035. Л. 2об.

¹⁸ Там же. Д. 1187. Л. 3об.

¹⁹ Там же. Д. 1153. Л. 3.

²⁰ Там же. Последние листы не пронумерованы.

²¹ ГАНО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. «Сведения об имуществе дворян Новгородской губернии».

²² Там же. Ф. 593. Оп. 13. Д. 1473. Л. 27–39.

²³ Киселёв А.В. Имение «Выбити» князя Б.А. Васильчикова // Ежегодник Главного Управления землеустройства и земледелия по Департаменту земледелия. Петербург. 1913. С. 285–343.

²⁴ Эти сведения сообщены Н.Г. Порфиридовым в подробном письме, написанном по моей просьбе в связи с подготовкой доклада.

²⁵ Лисовский В.Г. Иван Фомин и метаморфозы русской неоклассики. СПб., 2008. С. 205.

²⁶ РГИА. Ф. 593. Оп. 13. Д. 1473–13. Л. 6.

²⁷ Совхоз «Выбити» // Звезда. 1929. 20 февраля.

²⁸ Удальцов Б.А. Ландшафтные объекты Новгородской области. Рукопись. 1984. С. 32. Хранится в библиотеке Новгородского государственного музея-заповедника.

²⁹ Игнатенко М.М. В усадьбе «Выбити» // Лес и человек. М., 1984. С. 81.

³⁰ Здания атрибутированы по кратким описаниям, имеющимся в Поверочной описи 1914 г. (РГИА. Ф. 593. Оп. 13. Д. 1473–13. Л. 6–6об).

³¹ ГАНО. Ф. Р-482. Оп. 2. Д. 1117. Л. 8–20; Степанова И.Е. Музеи быта в новгородских усадьбах. 1918–1941 годы. Великий Новгород, 1911. С. 11.

³² ГАНО. Ф. Р-482. Оп. 6. Д. 1117. 1920.

³³ Степанова И.Е. Музеи быта... С. 20.

³⁴ ГАНО. Ф. Р-822. Оп. 1. Д. 718. 1925. Л. 16.

³⁵ Совхоз «Выбити» // Звезда. 1929. 20 февраля.

³⁶ Выбити — дом отдыха артистов и художников // Звезда. 1929. 9 июля.

Внешние укрепления Новгорода, как известно, охватывали кольцом весь древний город по обеим сторонам Волхова. В летописях вплоть до XV века оборонительный пояс называли Острогом, а более поздние источники — Большим Окольным городом. Он состоял из земляного вала с крепостными стенами и башнями и обводненного рва с внешней стороны. Ныне вал и ров Окольного города — объекты показа гостям нашего древнего города: только вот в надлежащем ли виде предстают они пред взором требовательных любителей истории? Этот вопрос только за последнее десятилетие не единожды поднимался в новгородских СМИ, хотя волновал новгородцев и 45 лет назад...

В 1967 году была опубликована статья «Земляной вал будет благоустроен» Ильи Иосифовича Кушнира, главного архитектора города (1966—1972 гг.), которую мы предлагаем читателям нашего альманаха. Пройдя путь от рядового до главного архитектора, Илья Иосифович участвовал в восстановлении разрушенного Новгорода и в разработке планов охранных зон, «Правил застройки Новгорода», мероприятиях по охране культурного слоя.

Спустя пять лет, в 1972 году, Марк Хаимович Алешковский, историк-медиевист и археолог, в статье «Городской вал сегодня и завтра» отмечал, что «разрушение крепостного вала, начавшееся в XVIII веке, продолжается и по сей день. Сегодня вал имеет многочисленные утраты. Ещё сильнее пострадал ров. Русло его большей частью нивелировано. Несмотря на утраты, вал и ров Окольного города являются уникальным по протяжённости и редким по сохранности памятником древнерусского военно-оборонительного зодчества».

Минуло ещё сорок лет, а планы по благоустройству и восстановлению «памятника древнерусского военно-оборонительного зодчества» так и остаются в большинстве своём только на бумаге.

Е.В. Барканова

И.И. Кушнир

Земляной вал будет благоустроен

Земляной вал — одно из древнейших укреплений Новгорода, единственный из сохранившихся валов на территории Российской Республики. Упоминание о нём, «окольном городе» (так его называли в старину), относится к XII веку. Он опоясывал весь древний Новгород. Его общая протяжённость достигала 11 километров.

С внешней стороны вала находился глубокий ров, который сохранился и поныне. На валу высились рубленные из брёвен стены и башни. Они шли не только по земляному валу, но и по берегу Волхова.

В XIV веке были попытки заменить деревянные башни и стены на каменные, и в первую очередь на Торговой стороне, вдоль юго-восточного края, где вал размывался паводковыми водами.

В XVII веке укрепления обветшали. Ремонт начался, но вскоре прекратился. Пожар 1696 года уничтожил многие деревянные сооружения на валу на Торговой стороне, поэтому Пётр I в 1697 году издал указ с деревянных укреплений Новгорода «...медный и железный наряд обрат и поставит на пушечном дворе для того по деревянным городам мосты и лестницы и пушечные стены все оградило от мокроты и от пожарного времени опасно». Стены и башни были окончательно разобраны в XVIII веке.

В 30-х годах XIX века в результате некоторых земляных работ вал в ряде мест изменил свою форму.

В Великую Отечественную войну вал был использован для устройства окопов и огневых точек.

В настоящее время центральные научно-реставрационные мастерские в Москве начали работу по разработке предложений по благоустройству и восстановлению как самого вала, так и рва. Ставится задача сохранения окольного города.

Мастерские разработали эскиз, который недавно был рассмотрен на градостроительном совете города. По этому эскизу профиль вала приводится в порядок: его откосы выравниваются и одерновываются. По валу предполагается проложить пешеходную дорожку. Там, где были башни,

следы фундаментов которых видны и ныне, делаются, по форме фундаментов, площадки. Чтобы попасть на вал, дополнительно к существующим лестницам устраиваются, где их нет, новые.

Намечено восстановление некоторых башен. Так, например, эскизом предлагается у въезда в город со стороны Москвы на валу поставить две деревянные башни с высокими шатровыми покрытиями.

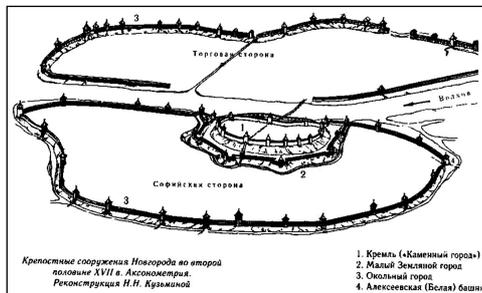
Сохранилось описание башен XVII века, по которым можно восстановить их облик. Безусловно, башни значительно украсят въезд в город.

Намечено восстановить некоторые башни на валу, прилегающему к Ленинградской улице.

Утраченная часть вала на Торговой стороне (юго-восточная часть) будет восстановлена. Здесь вал станет служить и дамбой для защиты от паводковых вод.

Первоначальная работа — привести в порядок профиль вала и сделать две башни при въезде со стороны Москвы. Предполагается уже в 1968 году начать строительство этих двух башен.

«Новгородский комсомолец». № 149 (1624).
9 декабря. 1967. С. 3.

Вал и ров Окольного города. XIV—XVI вв.

Текст публикуется без изменений

Ричард Кнапиньски родился в 1941 году в Млаве (Мазовия). В 1966 был возведён в чин капеллана (приходский священник у католиков) в Плоцке, откуда в 1975 году отправлен на учёбу в католический университет в Люблине. После окончания учёбы с 1980 по 1988 гг. работал хранителем католического музея в Плоцке.

В 1988 году — руководитель университетского католического музея в Люблине.

Защитил диссертацию на тему «Кredo апостолов (Das Credo Apostolorum) в иконографии Плоцких врат, отлитых в 1052 году при архиепископе Вихмане в Магдебурге», которая была опубликована в журнале «Нижнегерманские вклады в историю искусства» на немецком языке 1991 году. В 1991 году состоялась защита докторской диссертации по работе «Романская Библия Плоцка».

Перечисление его научных публикаций 1981—2011 гг., включая многочисленные книги, в основном на польском, а также на итальянском, испанском, немецком и русском языках, в специальном издании, посвящённом 45-летию юбилею его служения в качестве католического священника и в связи с окончанием его преподавательской деятельности в университете, заняло 13 страниц.

Ричард Кнапиньски является членом различных комиссий польской Академии наук в Варшаве, членом научного совета польской Академии наук в Варшаве, совета при министерстве наук и исследований в Варшаве, экспертом при польской конференции епископов по вопросам литургии и искусства.

Тема его научных работ — общая христианская иконография, особенно иконография святых, Символ Веры в европейском искусстве, а также теория и значение изображения в церковном искусстве в распространении христианской веры.

Ричард Кнапиньски

ВРАТА ВЕРЫ

Врата к собору в Плоцке были заказаны архиепископом Александром из Малонны (умер в 1156 году). Мастер Риквин со своим помощником Вайсмутом сам отливал врата из бронзы в литейной мастерской Магдебурга. Эта мастерская относилась к так называемой церковной фабрике, которая была подчинена епископу Вихману. В рельефах врат присутствуют изображения литейщиков и епископов. В XV веке к ним было добавлено изображение мастера Авраама. Он встроил врата в западный портал Софийского собора. Врата были похищены из Плоцка в XIII веке и неоднократно меняли местонахождение, прежде чем были установлены в православном храме Новгорода в XV веке.

Конструктивно врата состоят из 46 пластин, укрепленных на деревянной основе и украшенных растительным орнаментом. На большей части пластин латинские надписи, к которым в XV веке были добавлены надписи кириллицей. Пластины отливались по отдельности и были укреплены на деревянном корпусе, неоднократно демонтировались, были даже закопаны в землю и собраны вновь. Это нарушило первоначальный порядок расположения пластин. Оригинал, сохранившийся до сих

пор в Новгороде, имеет множественные повреждения и трещины, возникшие из-за небрежного ремонта. Используются другие крепёжные материалы, а форма поздних окантовок пластин не соответствует оригиналу.

В 1971—1982 гг. в реставрационных мастерских Штетина и Варшавы была изготовлена копия врат, которая была освящена в 1982 году. Несмотря на то, что копия кажется правдоподобной, она во многом отличается от оригинала. Литейщики изменили некоторые элементы, чтобы по их понятиям «улучшить» оригинал.

Сегодняшний порядок расположения пластин показывает различные события Нового и Ветхого заветов, исторических деятелей, различные аллегории, логически не связанные между собой. Видно, что художники не знали ключа к порядку их расположения. Исследование иконографии пластин обнаружило, что пластины представляют не жизнь Христа, а двенадцать догм христианской веры.

Подбор сюжетов иллюстрирует Символ Веры. По христианской традиции считается, апостолы создали Символ веры ещё до начала процесса христианизации в момент Явления Христа апостолам (Divisio Apostolorum).

1. Верую в Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли

*Сотворение Евы
Первородный грех*

2. И во Иисуса Христа, единого Его Сына, Господа нашего

Крещение Иисуса

3. Который был зачат от Духа Святого, родился от Девы Марии

*Благовещение
Встреча Марии и Елизаветы
Рождество Христово
Сретение
Поклонение волхвов
Ирод, Рахиль
Избиение младенцев
Бегство в Египет*

4. Пострадал при Понтии Пилате, был распят, умер и погребен

*Вход в Иерусалим
Предательство Иуды
Взятие Христа под стражу
Бичевание
Мистерия креста*

5. Сошёл в ад; и на третий день воскрес из мертвых

*Никодим
Иосиф Аримафейский
Сошествие во ад*

6. Восшел на небеса и сидит одесную Бога Отца Всемогущего

*Вознесение Христа
Христос во славе*

7. Оттуда придёт судить живых и мёртвых

*Христос во славе
Чудовища с львиными головами*

8. Верую в Духа Святого, святую Вселенскую Церковь

*Благовещение
Крещение
Сошествие Святого Духа
Сотворение Евы
Вдова из Сарепты
Отослание апостолов на проповедь
(Traditio legis)
Освобождение Петра из темницы
Епископы Александр и Вихманн*

9. Святых общение

*Двенадцать апостолов
Мария
Святые в разных сюжетах
Святой Маврикий с друзьями*

10. Прощение грехов

*Крещение Иисуса
Отослание апостолов на проповедь
(Traditio legis)*

*Дьякон с кадилом
Первородный грех
Мистерия креста*

Борьба добра и зла

11. Воскресение плоти

*Взятие Илья-пророка в Рай
Мистерия креста
Пустой гроб*

*Отправление грешников в ад
Чудовища с львиными головами*

12. Жизнь вечную. Аминь

*Христос во славе
Изображения святых*

Для собора в Плоцке Якубом Хойнаким, председателем просветительского общества в Плоцке была изготовлена копия врат. Они установлены в западной части собора под соборной башней. Этот замечательный памятник искусства украшает собор и служит как в момент создания, так и сейчас религиозному просвещению через искусство — вратами веры.

Благодаря Мареку Хойнакиму, его сыну, который в сентябре 2010 года предпринял поездку в Новгород с целью сфотографировать оригинал, была устроена выставка фотографий. Это мероприятие получило горячую поддержку епископа. В 2012 году запланировано издание каталога. Обработка объёмного цифрового фотоматериала из Новгорода была проведена в мастерской христианской иконографии «Кул» доктором М. Паствой. Он же подготовил фотографии к выставке.

СМ. НА ВКЛЕЙКЕ:

Плоцкие врата

1. Фотомонтаж Р. Кнапиньски в соответствии с Символом Веры
2. Современный вид

Открытки с сюжетами сцен Плоцких бронзовых врат в Великом Новгороде:

1. Избиение младенцев в Вифлееме.
2. Богоматерь как Трон Мудрости (Sedes Sapientiae) на осле — фрагмент сцены Бегство в Египет.
3. Богородица на осле — фрагмент сцены Бегство в Египет.
4. Крещение Иисуса в Иордане и Благовещение Марии.
5. Рождество Христово за пределами Вифлеема.
6. Встреча Марии и Елизаветы и Бегство в Египет.
7. Сретение (жертвоприношение в храме).
8. Сиф — сын Адама и Волхвы (фрагмент сцены Поклонение волхвов).
9. Симеон и пророчица Анна (фрагмент сцены Сретение).
10. Богоматерь на троне и Рахиль (фрагмент сцены Поклонение волхвов).

Фото Р. Кнапиньски

Перевод с немецкого С.И. Цветковой

Примечание переводчика:
Символ Веры в русском варианте публикуется по тексту, официально признанному католической церковью.

«ГДЕ УКЛАД ПРОМЫШЛЯЮТ...?»

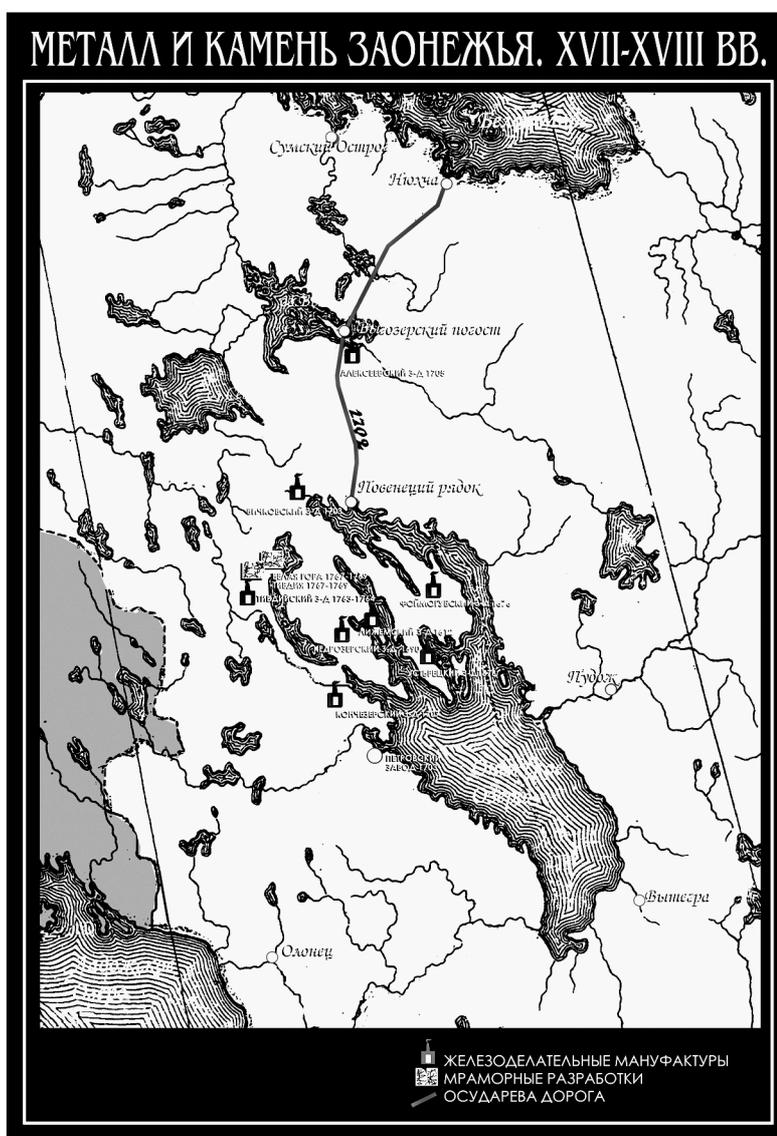
О рейдерском захвате в начале XVIII столетия
железодельных заводов датского промышленника А.И. Бутенанта

Хочется прикоснуться к завораживающей и запутанной биографии датского негодянта Генриха Бутенанта фон Розенбуша, который на переломе XVII—XVIII вв. вопреки многому приступил к созданию «железного щита» России. В 1682 г. он с успехом, граничившим с феноменальной осведомлённостью, информировал датский двор о трагических событиях стрелецкого восстания в Москве. Оказавшись очевидцем бунта, Розенбуш создал «Правдивое известие», переизданное в 1691 г. в томе «Theatrum Europaeum». Для нас же любопытна череда во многом драматических эпизодов, связанных с не столь известной историей Карелии.

В июле 1702 г. Бутенант, хозяин Устьрецького металлургического завода в Заонежье, по государеву «наказу» снабдил русские войска артиллерийскими двенадцатифунтовыми пушками и «припасами»¹. «Олонецкая» артиллерия, очевидно, влилась в обоз армии, преодолевший легендарную «Осудареву дорогу», и вскоре способствовала выдающимся викториям у Нотебурга и Ниеншанца.

Однако правительственный заказ поставил точку в «лихой», но яркой судьбе иноземного «комисара» и промышленника. Имя Бутенанта, талантливого металлурга, создавшего в Заонежье несколько железодельных заводов², в год основания Петербурга исчезает из отечественной истории³. Московский истеблишмент и нарождающаяся элита страны безжалостно отторгнули из своей среды, пожалуй, самого удачливого заводчика. Сейчас трудно утверждать, в каком датском (германском)⁴ городе и когда точно⁵ родился Генрих Бутман (он же в русских писцовых документах и бытовом обращении Андрей Иванович Бутенант — М.Д.)⁶. До сих пор непонятны обстоятельства появления купца в землях Московии. Не всегда полно и последовательно отмечаются этапы биографии колоритного «голландца». Последние годы жизни «торгового

иноземца», комиссара датского короля, монополиста по продаже мачтового леса, основателя и владельца Олонецких заводов, вообще имеют глухую природу. Во всяком случае, трудно однозначно утверждать даже о месте и времени кончины деятельного промышленника⁷. Со слов датского посланника Ю. Юля, можно лишь

Карта. Автор М.Ю. Данков

отметить, А.И. Бутенант скончался в жуткой бедности и одиночестве.

Скупая информация о Бутенанте, «иноземце галанской земли»⁸, в письменных источниках появляется с середины 70-х гг. XVII столетия. Именно тогда вёрткий торговец обосновался в Архангельске у концессионера Питера Марселиса, хорошо известного при царском дворе. Бутенант «на посылках» проводил коммерческие сделки с северогерманскими городами, предлагал Западу русское сало, лосося, ворвань и корабельный лес. Исследователь из Гарвардского университета Я. Котилайне, анализируя значение Гамбурга в русской внешней торговле во второй пол. XVII столетия, подчёркивал разнообразие менеджерских интересов представителя «анбургской земли»⁹ (Гамбурга — М.Д.) Генриха Бутенанта.

Вместе с купцами Ф. Ферпортенем и А. Белтгенсой он не только скупал «икру лосося», но «принимал участие в монополии по продаже корабельных мачт». Интерес к русскому корабельному лесу подтверждает профессор из Гронингеновского Арктического центра Я.В. Велувенкамп. Он считает, после кончины в 1673 году П.Г. Марселиса, через амстердамского купца В. Мюллера в руки Генриха Бутенанта перешёл монопольный «Контракт о мачтах из Московии». Вплоть до начала XVIII столетия «гамбургинин» вместе с Д. Гартманом регулировал весь «оборот» мачтового леса, отправляемого с Северной Двины в Амстердам.

К этому времени относится «Переписная книга Архангельска 1678 года»¹⁰ — ценный источник для персонифицированного изучения посадского населения. В описании иноземных дворов документ указывает усадьбу Бутенанта: «У Архангельского города... двор иноземца Андрея Бутмана, в нем дворник Алешка Тойнокур»¹¹.

После кончины старшего Марселиса, «патрона» и компаньона Бутенанта по торговле с Ганзой, наследником российских мануфактур и правопреемником на разработку рудных месторождений в Обонежье становится его сын Пётр Марселис и голландский купец Еремей Ван дер Гатен (в документах встречаем «Еремей фон дер Гартен»)¹². Считается, младший Марселис появился в России в 1669 году, в чине капитана датского королевского флота. Однако вскоре, после кончины отца, он в 1675 году также уходит из жизни.

Рудокопный проект в Олонецком крае по жалованной грамоте 1677 года переходит в руки Генри Бутмана, который по завещанию являлся опекуном малолетнего Крестьяна (Христиана — М.Д.), сына П.П. Марселиса. Торгуя в «Архангельском городе» с Гамбургом и Бременом, «датцкий фактор» Бутенант безусловно знал о дальнем «заонежском железе», появившемся на Северной Двине. Он реально представлял гигантский масштаб солеварения Соловецкого монастыря и осознавал острую необходимость варниц Поморья в «Лопском укладе». Бутенант быстро оценил выгоду торговли карельским металлом и проникся страстью к развитию горнорудного проекта на «краю света». Тяга к «демиурговским тайнам» вскоре изменила дальнейшую судьбу иноземца и скорректировала уклад его жизни.

В 1679 году упорный коммерсант добился статуса «комисара» датского короля. Затем, в 1688 г., незадолго до ввода в строй третьего металлургического завода в Заонежье, получил от короля Христиана V дворянский титул и приставку к имени — «Бутенант фон Розенбуш». На рубеже 90-х гг. XVII века «дацкий фактор» совмещает дипломатические, торговые и горнозаводские действия с судостроением. Сначала на Переславском озере Бутенант воплощает мечту Петра и строит первые корабли русского флота. Затем, в 1697—1698 годах, по наряду Иверского Святозерского монастыря возводит для кумпанства Саввино-Сторожевской обители несколько галер¹³. Судя по «рядным записям», предприниматель вместе с сыном Андреем в «складничестве» превратился в ведущего подрядчика на строительстве гребных судов.

В числе более известных иностранцев — А. Стейльса, Х. Бранда, И. Любса, П. Марселиса и Ф. Тиммермана, хозяйничавших на Севере России, А.А. Бутенант постепенно завоевал монаршую благосклонность и получил «правительственное» покровительство в Кремле. «Гамбургинин» приобрёл у «его величества крайнюю

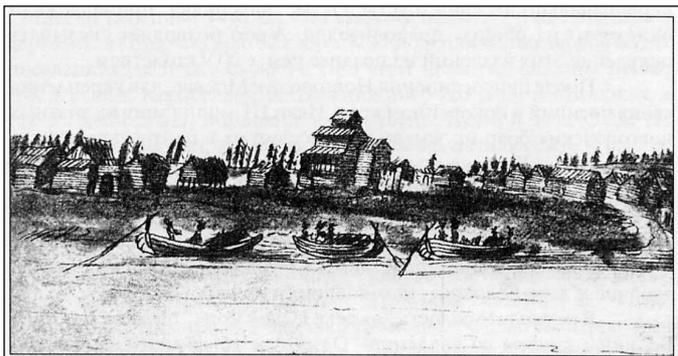

Способ передвижения в Повенецком уезде. XIX в.

милость и конфиденцию» и завоевал «свой свободный вход». Одновременно в российскую экономическую жизнь вовлекается его сын Андрей Бутенант. Составитель политической истории с «запасом сведений» князь Б.И. Куракин в тексте «Гистории о царе Петре Алексеевиче...» отмечал: «А для езерщицей на штагах и лошадях» монарх регулярно в качестве учителя привлекал «датчанина, сына Андрея Бутенанта». Без сомнения, сообщение определяет высокий статус при дворе фамилии Бутенант. С 1684 года имя «сына Андрея Бутенанта» регулярно упоминается в «Книге расходной денежной казны в-го г-ря царя», находящейся в «столпцах дворцовых приказов». В выписке от «июля 9-го» находим: «...четыреста рублей... заплачены Королевского величества датцкого фактору Андрею Бутенанту за приобретенные «у него запасы золотые алмазные, орлами, которые нашиты на верхний кафтан... нового дела»¹⁴.

Роспись «стоялым и подъемным лошадям» от мая 1690 года отмечает лошадей иноземца «в селе

Преображенском на корму». Документ, наряду с поставками в «потешные конюшни» от Нарышкиных, упоминает «Бутенанских» лошадей. Мастерские палаты щедро в размере «300 р. 17 а. 2 д.» возместили фартовому «иноземцу Андрею Андреевичу Бутенанту» стоимость за скакунов, отправленных «на потешный двор», за «немецкие платья» и «седла с конскою сбрую», приобретённых для «великих государей». С этого времени судьба А.А. Бутенанта, его возможное участие в событиях Северной войны (1700—1721) и политических процессах в стране исследователям неизвестна. К сожалению, пока невозможно подтвердить факт посещения молодым Бутенантом металлургических заводов отца в Фоймогубской волости. Его имя к началу XVIII столетия исчезает из реляций, корреспонденций и жалованных грамот.

Олонецкая деревня. Альбом Мейрберга. XVII в.

Между тем обустройство железодельных «заводиков» в Кижском погосте Обонежского ряда, строительство рабочих слободок, поиск месторождений руды, так называемых «волчьих ям» и сам рудокопный процесс, очевидно, стартовали в 1676 году. К месту работ прибывали «мастерские люди» с ярославо-тульско-каширских железных заводов¹⁵, ранее принадлежавших семье Марселисов. Очевидно, среди волонтеров находились специалисты из Европы. Место первого шихмейстера¹⁶ Устьрецкого завода занял шведский мастер Венедикт Беэр, основавший одну из самых ярких династий на российских горных заводах.

Таким образом, усилиями А.И. Бутенанта и его партнёров в Олонецкой глуши стал отстраиваться Устьрецкий молотовый завод. Мануфактура расположилась на Усть-реке, впадающей в Онежское озеро¹⁷. Тогда же приступили к строительству молотового Фоймогубского завода. В 1696 году Пётр Алексеевич указывал: «...и заводу для того железного и укладного дела завели и построили в Фоймогубской волости меж Ковш Пудко озер на Спиридоновском ручье, да в Кижском погосте подле Онеги озера, на Усть речки...». Мастера возводили усовершенствованные плотины, кузницы, хозяйственные «анбары», позже большую и малую плавильные печи.

После кончины в 1690 году¹⁸ бездетного Крестьяна (Христиана — М.Д.) Марселиса закрывается филиальный «заводишко» у Верхозера на Устьматке, недалеко от Устьрецкого завода¹⁹. Тогда же Бутенант строит два новых вододействующих завода. Лижемский молотовый завод на реке Лижма, впадающей в Чорга-губу Онежского

озера, вскоре переоборудованный в доменный, и в 25 километрах от Устьрецкого — Кедрозерский молотовый завод.

Заметим, железодельные предприятия образовывались «в местах, коими ведал гость Семен Гаврилов» и датский авантюрист Иорис. Здесь издавна заводились «лопские заводцы», следы — «ямы и насыпи» — которых сохранялись до начала XX столетия. Крестьянские мастера выделяли железо из руды в «так называемых сыродутных горнах». Жители Заонежья по наследству передавали секреты превращения «крицы» в «карельский уклад» — железо, по качеству близкое к образцам современной стали. До появления иностранцев правительство Алексея Михайловича кредитовало новгородского купца для оснащения медеплавильного завода на «Спиридоновском ручье». Но развить медный промысел не удалось. «Датцкому фактору» пришлось возводить горные фабрики и создавать инфраструктуру производства по существу вновь. Серьёзную поддержку коммерсанту оказали дешёвые сметливые от природы рудознатцы и взятые в наём талантливые кузнецы, литейщики и «угольные мастера».

До середины 90-х гг. XVII столетия наёмный труд местных крестьян являлся основной формой производства. В 1694 году из-за дефицита рабочей силы к «заводишкам» Бутенанта по «наказу» отписали черносошных крестьян Кижского погоста. Эта акция внешнеэкономического принуждения считается первой и показательной в Карелии. Поводом послужила идея правительства использовать «крестьян и со всеми угоды» в мануфактурном производстве. Силовая приписка «тутошних» жителей на деле закрепляла феодальные формы эксплуатации и означала выполнение «работы всякой на железных ево заводах»²⁰. К личной зависимости добавлялись мануфактурные обязанности будущих «мастерских» — добывание железной руды, ломка известняков, выжигание древесного угля, рубка дров. Датчанин же гарантировал Москве оплату в казну крестьянских податей и налогов.

«Жалованная грамота Петра Алексеевича» 1696 г., адресованная «заводовладельцам Андрею Бутенанту и его сыну», суммирует репрессивные меры против крестьян, приписанных к Олонецкой мануфактуре. Народное сопротивление в историографии получило название первого Кижского восстания²¹. Документ поимённо указывает руководителей стрелецкого отряда: «...посланы из Преображенского... стольник Афанасий Брянчанинов да Новгородского приказу подьячий Петр Курбатов», и уточняет численность карательной группы — «да с ними московских и вологодских, и двинских стрельцов 335 человек». Стольник и подьячий имели предписание: «...тот Кижский погост с селы и деревнями, и со всякими угоды, и со крестьяны, и с бобыли... переписать» и закрепить жителей «к работам к железным заводам Андрея ж Бутенанта». Царский текст сообщает о сопротивлении «ослушных» заонежан, которые «учинили бунт и у церкви Преображения господня били в колокола в сполох», а затем «собрались из деревень с дубьем и с кольем». Появление в крае «чуждых» иноземцев и ранее вызывало у «работного люда» активное неприятие, доходившее до открытого противостояния владельцам концессии.

Упомянем челобитную А. Бутенанта в Пушкарский приказ от 17 февраля 1684 года о неожиданном нападении «*Костянтина Семенова сына Попова*» на заводы промышленника. «*Голштинец*» жаловался, якобы тот «*воровским вымыслом*» пришёл «*на наши Олонецкие заводушки на Усть реку многолюдством с пищальми, и з бербыши, и с рогатинами, и с кистенями*».

Представляет интерес другая «Челобитная», отправленная на имя государей Иоанна и Петра Алексеевичей не позднее 30 апреля 1684 года. Иноземец обвинял крестьян «*в воровстве угля*», так как «*сроки давно минули, а оне не платят*», и от того «*учинились убытки великие и рудосыскным делам простой большой*»²².

Сохранились не только архивные источники, но и народные предания жителей Заонежья. Образ заводчика, словно в причудливом гротеске, «отлился» в тексте былины «О Петре Первом и Бутмане Колыбановиче». В ней хмельной Бутенант якобы хвастал, что сильнее самого Петра Алексеевича. Государь сначала пригрозил наказанием, но вскоре простил иноземца.

Но всё-таки социальная напряжённость, географическая удалённость от метрополии, отсутствие транспортных коммуникаций и тяжёлые условия труда не могли «заглушить» производство Андрея Бутенанта. Технология плавки «железа всякого» совершенствовалась. Крестьяне с навыками, «*где уклад промышляют*», быстро осваивали выпуск конкурентного металла и продукции для «марсовых потех». Уже в 1681 году горные фабрики датчанина регулярно снабжали рынок «*полицами железа дощатого*»²³, а также готовыми изделиями собственные «пильные» мельницы под Холмогорами. Отметим, молотовые заводы Бутенант постепенно переводил в доменное производство. Жалованная грамота 1696 года «*Андрею и Крестьяну и детям и наследникам их...*» уточняет год возведения в Фоймогубе доменных печей. Документ фиксирует: «*...а урочные годы считать велено со 189 году (с 1681 года — М.Д.) генваря с 25 числа*», так как «*у них о том заводе челобитье началось быть и железо из руд плавить начато*».

Однако производительность заводов остаётся неясной. Исследователи не владеют реальной статистикой. В 1683 году с Олонецких и Пустозерских укладных заводов Бутенанта «*привезено к Архангельскому городу 6449 пуд. 25 гривенок*», из которых 3488 пуд. 25 гривенок отправлено «*за море*». Кроме того: «*...Да к нынешнему ко 193 году (1685 г. — М.Д.) изготовлено 6903 пуда 5 гривенок*». Однако утверждать, что «*6903 пуда 5 гривенок*» составляет годовой объём бутенантовских заводов, дело рискованное. Кроме экспорта железа через Архангельск в Европу, администрация реализовывала металл в округе, в Поморье, а также на континентальных ярмарках, в том числе Тихвинской, Белозерской и Макарьевской, вблизи Нижнего Новгорода. Значительный объём Заонежского железа попадал на торговые ряды Великого Новгорода и Старой Руссы.

Разгорающаяся война со шведским королевством потребовала выпуск качественной боевой продукции.

По указу Петра Алексеевича от декабря 1701 года²⁴ заводы обязывались к марту 1702 г. поставить «*ко двору*» железные «*припасы*» и 100 пушек. Новгородский генерал-губернатор «*Иаков сын Брюс*», на основании «*доношений*» А. Бутенанта сообщал, «*Фоймогубские*» заводы в июле 1702 года изготовили сто орудий двенадцати-фунтового калибра, 75 590 ядер этого же калибра, 5160 ядер 10-фунтовых и 1244 бомб 4-пудовых. Дополнительно Бутенант отлил более 2039 пудов пруткового железа, 200 ломов большой руки, 99 ломов малой руки, 100 ломов средней руки, а также 2288 лопаток железных²⁵. Правительственный заказ, пожалуй, стал крупнейшим по объёму и сжатым срокам исполнения²⁶.

Чтобы оценить потенциал молотово-доменных заводов А. Бутенанта, воспользуемся сведениями «Ведомости» о военной продукции Александровского завода

Миниатюра Лицевого летописного свода. Кузнец за работой. XVI в.

1774 года²⁷ и смоделируем цифру годовой мощности заводов датского промышленника. Примерный вес армейской продукции Бутенанта с декабря 1701 г. по июль 1702 г., не считая «*прибылей*», шедших в переплавку, мог определяться цифрой в 34 012 пудов. Исходя из 200-суточного цикла работы, можно представить приблизительный годовой вес продукции, равный 20–24 тыс. пудов. Домна «заводцев» Бутенанта за выпуск давала 100–110 пудов чугуна. Если довериться цифре в 150 000 пудов, представленной И.В. Германом, равной всей продукции доменных печей России в конце XVII в.²⁸, определим примерную производительность Олонецких мануфактур. Потенциал заводов, как считает советский исследователь А.П. Васильевский, составлял 22,6% металлургической промышленности страны. Выкладка поражает своим индустриальным масштабом. Продукция частных заводов завоевала высокую репутацию в России и в Европе. Конкурентоспособность металла подтверждает первый командующий Балтийским флотом, вице-адмирал К. Крюйс. В корреспонденции полковнику, коменданту горного округа «на Олонце» И.Я. Яковлеву, сообщалось: «*Я такое бутенантово железо возил на кораблях в дальние государства, и то железо было и пробу свою держало против доброго шведского...*»²⁹.

Развитая инфраструктура, обученный персонал, система комплектования «горных мастеров», правительственные заказы создавали ощущение стабильности производства. Однако развитие металлургии в Заонежье неожиданно прервалось. Москва немотивированно и парадоксально «отписала» производство А. Бутенанта на администрацию Олонецкого округа. «Губернатор Шлютенбурха»³⁰ А.Д. Меншиков в депеше от 14 июля 1703 года указывал олонецкому коменданту И.Я. Яковлеву: «Известую тебя, что которые в Олонецком уезде железные заводы за Андреем Бутенантом были, те заводы со всеми к ним принадлежностями и строением и с крестьяны велено ведать к новозазаванным крепостям к Шлиссельбургу и Шлотбургу и ведать их во всем попрежнему»³¹.

27 июля 1703 г. Меншиков вновь демонстрирует неограниченную власть и окончательно разрушает коммерческую инициативу Бутенанта. Он докладывает царю о запрете отправлять на рынок уже готовую продукцию заводов «в посторонние дела... без указа»³².

Опись имущества Устьрецкого завода 1720 года также подтверждает свёртывание «дацкой» мануфактуры: «...и иные домны обветшали и распались...»³³. Царский указ вынес окончательный приговор: «...Устьрецкий завод оставить». Чем можно объяснить «политико-административный произвол» в Фоймогубской волости? Исследователи, часто несправедливо, ссылаются на туманную формулировку о передаче заводов государству «как оставленных на произвол судьбы их владельцем», не выполнившим заказа правительства.

Подобная оценка, по крайней мере, представляется неточной. Очевидно помимо экономических притязаний, существовали иные основания для «рейдерской» акции. Прислушаемся к мнению датского дипломата петровской эпохи Ю. Юля. По существу, посол предложил политизированную гипотезу захвата князем А.Д. Меншиковым собственности А.И. Бутенанта. Хотя формально исполнение воли правительства перепоручалось подполковнику Селиверсту Незнанову «со товарищи». Именно этот офицер лейб-гвардии после «отписки» ведал мануфактурой «впредь до указа». Однако ситуация иницировалась всё-таки Меншиковым. Заводы престарелого Бутенанта оказались в «государевой казне» после интриг и распоряжений влиятельного Ингерманландского генерал-губернатора. Аналогичный взгляд высказывался многими очевидцами событий. В том числе чрезвычайным и полномочным послом датского короля Фредерика IV Георгом Грундом и интенированным шведом Ларсом Юханом Эренмальмом.

Посланник Юль с нескрываемой симпатией к герою сообщал: «...*Boutenant de Rosenbusk*», пожалованный датским королем Христианом V в дворяне в чине

королевского комиссара, вскоре «стал жертвой жёсткого насилия». Обнаружив у «города, называемого Олонецком... чугунную и медную руду», промышленник, имея царские привилегии, основал «на собственный счет, с большими затратами, два завода чугунный и медный». Вскоре, по мнению Ю. Юля, коммерсант получил «значительные барыши», потому что «заложенные под Олонецком... заводы давали хороший доход». Датский дипломат подчёркивал: «...алчный князь Меншиков решил завладеть ими», так как заводы «находились в подведомственной ему губернии» и у «Розенбуска не хватало средств на их содержание». К тому же Меншиков отказался «даже уплатить бедному Бутенанту де Розенбуску те 20 000 рублей за поставки с заводов»³⁴. Очевидно посол имел в виду

Сохранившаяся стена доменной печи одного из металлургических заводов в Заонежье. Фото середины XX в.

более 80 тысяч ядер и 1200 бомб, необходимых для атаки в Ингрии шведских крепостей Нотебург и Ниеншанц.

Царь Пётр Алексеевич, «хорошо осведомленный о великой несправедливости, которой подвергся этот человек... обнадеживал», как считает посол, «добрыми обещаниями», хотя, по мнению Юля, государь «в сущности, не знал, как ему извернуться и к какой уловке прибегнуть». Дело в том, что царь «не находил возражений против... законных требований» и не захотел «лишить князя Меншикова приобретенных... выгод»³⁵. В итоге: «Розенбуск никогда не получил обратно ни заводов, ни денег», лишь «генерал адмирал Апраксин (Ф.М. Апраксин — М.Д.) из сострадания оказал ему незначительную денежную помощь». В завершении дипломат с прискорбием отмечал: «...Розенбуск умер в бедности, удрученный горем».

Так, по мнению посла, завершилась жизнь соотечественника, оказавшегося на чужбине без средств к существованию и без политической благосклонности. Однако острые, но путанные сведения посланника из Копенгагена требуют коррекции. Представитель датского короля Фредерика IV находился в России с октября 1709 г. по март 1711-го. Наблюдения о крахе Бутенанта и скором возвышении Меншикова относятся именно к этому времени. У дипломата тогда сформировался взгляд на «имперского князя» как на «самого надменного человека». Однако признаем, железодельные заводы в Фоймогубе никогда лично не принадлежали «игрлицу нечаянного счастья» А.Д. Меншикову.

Между тем именно он «отсель» с Олонецкой верфи «в 29-й день (августа 1703 — М.Д.)... поехал на заводы», можно предположить, на заводы датского комиссара³⁶. Тогда же, очевидно после прямого разговора с заводчиком, любимец Петра принял решение заложить чуть южнее на территории Шуйского погоста альтернативное производству Андрея Бутенанта казённое металлургическое предприятие, вскоре названное Петровскими заводами.

Как ни странно, многие историки горнозаводского дела в XIX столетии не отмечали разгром заморских заводов в Заонежье и не касались дальнейшей судьбы «голштинца». Они лишь косвенно указывали: «...сии заводы не могли удовлетворить требованиям для войны артиллерийских снарядов, а по сему в 1703 году заложены выше упомянутые Петровские заводы».

Бесспорно, мощност мануфактур А. Бутенанта ограничивалась рудной базой, отсутствием дорог, отстойной оторванностью «дацких» заводов от метрополии и от театра боевых действий. В этом смысле закладка в конце августа 1703 года на реке Лососиница Петровских заводов явилась не только символом военного времени, но и реальной экономической необходимостью страны.

Пётр I стремился развивать современное отечественное железодобывательное производство. Отчаявшись закупать за границей пушки, «дельные вещи», крепёжные детали для кораблей, государь в начале XVIII столетия устроил Ухтусский, Алапаевский и Шуйский (с 1713 г. Петровский — М.Д.) заводы.

Ликвидационная акция и пуск нового предприятия в Карелии осуществлялись в условиях военных действий. Мероприятия требовали серьёзного финансового обеспечения и полной мобилизации экономических резервов.

Похоже, А. Бутенант не ожидал столь явной операции по передаче предприятий в казну. Иначе коммерсант не командировал бы саксонского приказчика Петра Магнуса в Слуцк для вывоза в Карелию литейщиков Юрия Депрея и Антона Фраевина. Видимо, «датский фактор» не желал «дарить» заводы и участвовать в сомнительных сделках с центром. Версию подтверждает упоминаемое ранее «доношение»

Я. Брюса от июля 1702 г.³⁷ о срочном московском заказе на отливку пушек для битвы за Балтийский плацдарм.

Однако Андрею Бутенанту вскоре пришлось признать своё поражение. Об этом свидетельствует корреспонденция промышленника царю от 18 августа 1703 года, за десять дней до приезда «на заводы» А. Меншикова. Датчанин умолял государя хотя бы разрешить держать на реквизированных мануфактурах личного представителя, который «досматривал, чтоб кроме вашего царского величества дела... нигде железо не отсылали»³⁸.

Спустя месяцы имя Бутенанта фон Розенбуша навсегда исчезает из числа фаворитов государя. Что нельзя сказать о судьбе приказчиков Бутенанта — ингоземца Герасиме Тределе (в документах встречается «Еремей Традел»³⁹ — М.Д.) и Лаврентие Неторте (Нейдгарте — М.Д.).

Деятельный сотрудник Г. Тредел известен с января 1676 года⁴⁰. После закрытия Заонежской мануфактуры

он возводит Шуйский завод. При Вилли де Геннине назначается начальником пушечного Повенецкого (Алексеевского? — М.Д.) завода. Его сослуживец Л. Нейдгарт ранее, в 1697 году, отправлен в Казань для строительства медных заводов, и впоследствии прекрасно себя зарекомендовал.

В деле «разгрома» мануфактуры в Фоймогубе кое-что проясняет депеша генерал-фельдцейхмейстера Я. Брюса. В корреспонденции дьяку Приказа артиллерии Н.П. Павлову, от 18 июня 1705 года, сообщается: «...По отъезде своем приказывал я тебе выдать деньги Андрею Бутенанту за взятые припасы...». Далее на грани сожаления: «Ведаешь ты... какой он ныне недостаточный человек. А ко мне от него непрестанная докучка». В конце письма он умоляет подчинённого: «И ты

буде никаких денег в приказе нет, выдай из продажи колокольных денег, чтоб мне от него впредь докучи не было»⁴¹. Я. Брюс, требуя защиты от «недостаточного человека», благородно подтверждает право датчанина с «русской физиономией» иметь заслуженное вознаграждение за «взятые припасы». Обстоятельства «утухания» металлургии Заонежья с трудом объясняются не всегда позитивным отношением волонтеров к России. Советские исследователи считали, дружба А. Бутенанта и П. Марселиса с «неутомимым тружеником» Артамоном Матвеевым и приобретённые привилегии помогали «тянуть на сторону иностранных гостей во вред русским интересам»⁴². Однако подтвердить враждебные умыслы к «вздыбленной» стране от «жалованных» коммерсантов мы не можем.

При внимательном анализе ситуации 1701—1702 гг. можно сделать ещё один вывод. Видимо, А.И. Бутенант фон Розенбуш ока-

зался причастным к акции национального масштаба. Похоже, фоймогубская артиллерия влилась в армейский обоз «Осударевой дороги» и сыграла существенную роль в дни захвата шведских цитаделей Нотебурга и Ниеншанца. Тем самым карельская артиллерия, отличая по датской технологии, помогла России прорваться к берегам Балтики.

Между тем отправка «пушечной посылки» в войска до конца не прояснена и требует привлечения дополнительных источников. Исследователи не владеют материалами о маршруте готовых «припасов» к истоку Невы для разгрома сухопутных войск Вильгельма фон Шлиппенбаха и эскадры Гедеона фон Нуммерса. Скорее всего, использовались плоскодонные барки, «ходившие» на Онежском озере, с предпологаемым «перегрузом» пушек в истоке Свири на «обозные корабли» Петра. Известно, к августу 1702 года сержант М.И. Щепотев «со товарищи» собрал и подтянул к театру боевых действий в Ижории более 85 судов⁴³. Тем самым, появляется

Фрайбергский металлург. Так выглядели саксонские мастера, прибывшие в Олонецкий край. XVIII в.

обоснованный шанс разрешить головоломку о целесообразности перемещения архангельского артиллерийского парка от Белого моря к Балтике. Оказывается, прямой необходимости оголять Двинский стратегический район, демонтировать и тащить пушки в обозе по «Осударевой дороге» не существовало. Заметим: «...всего у Архангельского города и на Малой Двинке у новой крепости, великого государя яхте и на Колмогорах», а также «взятых завоеванных швейцарских... и с торговых кораблей», числилось «медных и железных 100 пушек да монжер медной»⁴⁴.

«Росписной список... столника и воеводы Василия Ржевского» от 2 февраля 1702 г.⁴⁵ поразительно уравнивает боевой потенциал Архангельска и разовый государственный заказ Андрея Бутенанта. В этой связи напомним, участники НИЭ «Осударева дорога»⁴⁶ в последние годы обнаружили в тайге Карелии десятки фрагментов царского маршрута⁴⁷. Выявленные в ходе ландшафтных работ археологические объекты однозначно свидетельствуют о конструктивной слабости «мостовой настилки», не позволявшей в скоростном режиме «волочить по суху» боевую артиллерию. Это относится и к возможности перемещения малых морских фрегатов постройки И. Избранта «Сошествия Святого Духа» («Св. Дух») и «Скорый гонец» («Курьер»), которые якобы были транспортированы в акваторию Ладозского озера. Таким образом, петровская лейб-гвардия на подходе к землям Ингрии, очевидно, лишь «подхватила» отлитые на заводах Бутенанта 12-фунтовые пушки и благополучно переместила в Приневье к шведскому Нотебургу.

Завершая работу, предложим ещё одну неожиданную версию. Город-завод и слобода Петровских заводов

(современный г. Петрозаводск) имели реальные предпосылки возникнуть не на территории Шуйского погоста, а в Фоймогубской волости. Там с 1676 года стараниями энергичного «гамбургинина» А. Бутенанта формировалась новая коммуникационная инфраструктура, промышленная среда и оригинальный для северной деревни тип рабочего посада. Дефицит данных, недостаточная изученность темы позволяют высказать мысль о целесообразности археологической разведки в зоне исторических промышленных объектов. Результаты инструментального поиска могут по-новому представить забытый объект рубежа XVII–XVIII столетий и существенно расширить представления о полузабытых «олонецких чугунных» мануфактурах. Изучение культурного слоя и остатков древних сооружений раннепетровского времени позволит сохранить «архив исторической информации» и значительно расширить историко-культурный потенциал памятника. Имеются в виду усилия, связанные с музеефикацией объектов, создание экспозиции под «открытым небом» и обустройством туристического маршрута.

В этом смысле частные заводы А.И. Бутенанта превратились не только в экономическое чудо в малолюдных и ранее нехоженных землях Зонежя, но, без сомнения, сыграли весомую роль в успехах русского оружия в Северной войне. Поэтому сегодня невозможно умалить роль Андрея Бутенанта фон Розенбуша, крупного иностранного концессионера, владельца первых железодельных заводов Карелии. Его имя неумолимо возвращается к современникам, чтобы занять достойное место в пантеоне героев раннепетровской эпохи.

Берггауз — горнозаводской рабочий. XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. Сборный, связка 4156. Л. 13.

² Фоймогубский, Устьрецкий, Лижемский, Устьмацкий (Шунгский — ? М.Д.) и Кедрозерский железодельные заводы.

³ Одновременно, с 1702 года биография «дацкого фактора» Андрея Бутенанта фон Розенбуша — престарелого металлурга оказывается вне поля зрения исследователей.

⁴ Исследователь XIX столетия Меньшенин Д., без ссылок на источник указывал: «...горные разведки в нынешней Олонецкой губернии» проводил «уроженец Гамбурга Бутенант, известный... более под именем Розенбуша».

⁵ Современный историк Ю. Беспятых считает, А.И. Бутенант родился около 1643 года.

⁶ В отечественной традиции отсутствует устоявшаяся транслитерация имён иностранцев, призванных на службу в XVII–XVIII вв. Источники отмечают различное написание фамилии и имени — Андрей Бутенант фон Розенбуш. В русских

канцеляриях германские фамилии прописывались с «фон», голландские вместо «ван» писались с «фан».

⁷ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса отмечает дату смерти Генриха (Андрея) Бутенанта фон Розенбуша — «(после 1710)»; Георг Грунд, посол Датского короля в начале XVIII в., косвенно уточнял дату кончины А. Бутенанта до 31 октября 1710 г.; исследователи последнего времени Ю. Беспятых и А. Пашков указывают дату смерти А.И. Бутенанта фон Розенбуша — 1701 г.; историк Л. Ивина считает, дата кончины А. Бутенанта — 1702 г.; исследователь Г. Коваленко приводит текст письма Г. Бутенанта к царю с датой 18 августа 1703 года.

⁸ ГААО. Ф. 1027. Оп. 1, Д. 53. Л. 3—3 об.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ РГАДА. Поместный приказ. Ф. 1209. Кн. 15051. ЛЛ. 33 об—37.

¹¹ Там же.

¹² РГАДА. Ф. 151. Дела о горных промыслах и заводах. Д. 30. Л. 2.

Запись указа от января 1676 г. «по челобитью иноземцев Христиана Марселеса и Еремея фон дер Гартена о выдаче ямских подвод приказчику Еремею Траделу посланному для поиска руд в Вологду, на Белоозеро и в Олонецкий уезд».

¹³ Русская историческая библиотека. Т. 5, СПб., 1878. № 393; Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. Иверского монастыря (181). Кар. 97. Д. 13. Л. 4—8.

¹⁴ Исследователь А. Пашков считает, что после смерти А.И. Бутенанта в 1701 году заводы перешли к его сыну А.А. Бутенанту.

¹⁵ РГИА Ф. 1341. Оп. 303. Д. 1534. Т. VII. Л. 159.

¹⁶ Шихмейстер (от нем. Schichte – смена рабочих, т.е. начальник смены) – низший горный чин, соответствовавший XIV классу «Табели о рангах», приравнен к III классу.

¹⁷ Продолжительное время исследователи ошибочно утверждали о первоначальном строительстве Кедрозерского завода.

¹⁸ Исходя из даты смерти П.П. Марселеса (1675 г.), можно допустить, что в 1690 году его сыну Христиану (Крестьяну – М.Д.) Марселесу было не менее 15 лет.

¹⁹ Очевидно Шунгский завод.

²⁰ Цит. по кн.: Беспятовых, Коваленко. Карелия при Петре I... С. 79.

²¹ По царскому указу 1694 года территория Кижского погоста приписана к заводам Андрея Бутенанта. Акция вызвала вооруженный протест населения. Правительство подавило восстание крестьян лишь к середине 1696 г.

²² Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. Олонецкой приказной избы. № 180.

²³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4863. Л. 4. См.: Тревожные годы Архангельска. 1700—1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск. 1993. № 78. С. 189.

²⁴ Некоторые авторы считают, указ датирован 1702 г.

²⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. Сборный, связка 4156. Л. 13.

²⁶ Для сравнения: на Александровском заводе при А.С. Ярцове с 1774 по 1782 год мастера отлили 595 орудий. См.: РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 119. Л. 48—57.

²⁷ НАРК Ф. Олонецкого горного правления (вне стр.) Д. (без №). Л. 2 об.

²⁸ НАРК Ф. Олонецкое Губернское Правление. Оп. 32. Д. 73/886 за 1787 г.

²⁹ Цит. по кн.: История Экономии Карелии... С. 27; Беспятовых, Коваленко. Карелия при Петре I... С. 15.

³⁰ П и Б. СПб. 1889. Т. 2. Примечания к № 513. С. 527—528.

³¹ Материалы для истории русского флота (МИРФ). Отд. IV. № 2. СПб. 1865. Ч. 3. С. 493.

³² Цит. по кн.: Коваленко. Первые металлургические заводы в Карелии... С. 64.

³³ РГАВМФ. Ф. 1212. Д. 12. № 246 об.

³⁴ О значительности суммы долга свидетельствует бюджет правительства России. Доходы страны в 1702 году составили 3,15, а расходы — 2,47 млн. рублей.

³⁵ Версия посла Ю. Юля о судьбе предпринимателя Бутенанта фон Розенбуша имеет много исторических подтверждений. Современные исследователи объясняют необходимость изменения формы собственности на заводах Андрея Бутенанта централизацией управления промышленностью в военное время (1700—1721).

³⁶ Цит. по кн.: Пашков А.М., Филимончик С.Н. Петрозаводск. СПб., 2001. С. 8; Андреева Е.А. Кто строил Петербург в 1703 г.? // Меншиковские чтения 2004. СПб., 2004. С. 18.

³⁷ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. Сборный. Св. 4156. Л. 13.

³⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. № 2. Л. 646—647.

³⁹ Там же. Ф. 151. Дела о горных промыслах и заводах. Д. 30. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Запись указа от января 1676 г. «...по челобитью иноземцев Христиана Марселеса и Еремея фон дер Гартнера о выдаче ямских подвод приказчику Еремею Траделу посланному для поиска руд в Вологду, на Белоозеро и в Олонецкий уезд».

⁴¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Д. 6. Л. 526 об. Черновик.

⁴² Цит. по: Васильевский. Очерк по истории металлургии... С. 60.

⁴³ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 44. Л. 395.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 137. Д. 44а. Л. 20.

⁴⁵ Там же. ЛЛ. 1—22 об.

⁴⁶ Под патронажем Карельской республиканской общественной организации «Осударева дорога» (г. Петрозаводск) на протяжении 1993 по 2003 гг. осуществлялись научно-исследовательские экспедиции «Осударева дорога».

⁴⁷ Сорокин П.Е. Отчет об археологических исследованиях 1994 г. по трассе «Осударевой дороге» // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 47; Отчет о проведении археологических исследований в районе мыса Вардегора на Белом море в 1999 г. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 47.

ЛИТЕРАТУРА

Angermann N. Hamburg und Russland in der Früher Neuzeit. (Die Ost-Reiche; 17). Hamburg, 1972.

Butenant H. Eigentlicher Bericht wegen des in der Stadt Moskau am 15/16 und 17 May Anno 1682 entstandenen greulichen Tumults und grausamen Massacre. Hamburg, 1682; Relation der traurigen Tragodie in der Stadt Moscau // Theatrum Europearum. 1691. XII. *Veluvenkamp J.W.* «N huis op Archangel»: De Amsterdamse koopmansfamilie Thesingh. 1650—1725 // Jaarboek Amstelodamum. 1977. Bd 69.

Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса. СПб., 2004.

Архив князя Куракина. Редакция М.И. Семевского // Вестник Европы. Кн. 1. СПб., 1890.

Балязин В. Петр Великий и его наследники. М., 2007.

Беспятовых Ю.Н. Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998.

Беспятовых Ю.Н., Коваленко Г.М. Карелия при Петре I. Петрозаводск. 1988.

Богатырев И.В. Судостроительная база Азовского флота в 1700—1734 гг. // Судостроение. № 8. 1987.

Васильевский А.П. Очерк по истории металлургии Олонецкого

края в XVI—XVII вв. Петрозаводск. 1949.

Велувенкамт Я.В. Голландские купцы и их роль в торговле с Архангельском в XVII—XVIII веках // Архангельск в XVIII веке. СПб. 1997.

Гамель И.Х. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826.

Георг Грунд. Доклад о России в 1705—1710 годах. Перевод, статья и комментарии д.и.н. Беспятовых Ю.Н. Указатели. М., СПб., 1992.

Гистория о царе Петре Алексеевиче 1682—1694 гг. Сочинение князя Б.И. Куракина // Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб., 1993.

Глаголева А.П. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII века. М. 1957.

Григорьев С.Г. Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск. 1973.

Данков М.Ю. Балтийская идея России в начале XVIII столетия (О национальном стратегическом проекте 1702 года) // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции. Историко-археологический сборник // Материалы международной научной

- конференции 4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия. СПб., 2007.
- Данков М.Ю.* Донесения строителей «Осударевой дороги» 1702 года // Двинская земля. Выпуск 5. Материалы пятых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих чтений. Котлас. 2007.
- Данков М.Ю.* Таинственный архив мегапроекта XVIII века (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года) // «Петровское время в лицах — 2007». Труды Государственного Эрмитажа. XXXVIII. Материалы научной конференции. СПб., 2007.
- Данков М.Ю.* Феномен «Осударевой дороги» 1702 г. Современные полевые исследования // Краевед. Петрозаводск. 2007.
- Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Петр Великий. Воспоминания, дневниковые записи, анекдоты. СПб., 1993.
- Захаров В.Н.* Иностранцы купцы в Архангельске при Петре I // Архангельск в XVIII веке. СПб., 1997.
- Ивина Л.И.* Об участии датского резидента Бутенанта фон Розенбуша в строительстве русского флота в конце XVII в. // Исторические связи Скандинавии и России: IX–XX вв. Л., 1970.
- История Экономики Карелии. Кн. 1. Петрозаводск. 2005.
- Капустя Л.И.* Марциальные воды. Страницы истории первого русского курорта. СПб., 2006.
- Карелия в XVII веке. Сборник документов. Сост. Мюллер Р.Б. Петрозаводск. 1948.
- Коваленко Г.М.* Первые металлургические заводы в Карелии (1670–1703). Л. 1979.
- Котилайне Я.Т.* Русская торговля с северогерманскими городами через Архангельск в XVII в. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999.
- Краткое описание Олонецких заводов // Горный журнал. 1835. Кн. 8.
- Крепостная мануфактура в России. Ч. II. Л., 1931.
- Кротов П.А.* Новые материалы об Осударевой дороге 1702 г. (Пролог основания Санкт-Петербурга) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2007.
- Кротов П.А.* Осударева дорога. 1702 г. // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999.
- Куратов А.А.* Метрология России и Русского Севера. Архангельск. 1991.
- Лавров А.С.* Новый источник по истории Переславской флотилии: Донесения Генриха Бутенанта фон Розенбуша // Петербургские чтения — 97. СПб., 1997.
- Лотарева Р.М.* Города-заводы России XVIII – первой половины XIX вв. Екатеринбург. 1993.
- Мегорский В.П.* Горнозаводская деятельность в Олонецком крае при Петре Великом // Олонецкие губернские ведомости. 1906. № 44, 46–48.
- Меньшенин Д.С.* Об успехах горного промысла в России // Горный журнал. 1829. Кн. 2.
- Мулло И.М.* Петровская слобода. Петрозаводск. 1981.
- Овсянников О.В., Ясински М.Э.* Голландцы. «Немецкая слобода» в Архангельске XVII–XVIII вв. // Архангельск в XVIII веке. СПб.
- Овсянников О.В.* Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск. 1992.
- Паиков А.М.* Горнозаводское краеведение Карелии конца XVII – начала XX века. Петрозаводск. 2007.
- Рожков В.И.* Горнозаводской промысел в Олонецком крае // Горный журнал. 1888, № 1.
- Рожков В.И.* Горнозаводской промысел в Олонецком крае: Исторический очерк // ОГВ, № 71. 1895
- Сборник Выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. I, М., 1872.
- Соборнов А.* Олонецкий край // ОГВ, 1895. № 45.
- Сорокин П.Е.* Археологическое наследие Санкт-Петербурга // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Выпуск I. СПб., 2003.
- Тревожные годы Архангельска. 1700–1721. Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого. Архангельск. 1993. № 78.

КРЕСТЦЫ ПРОДОЛЖАЮТ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ

Небольшой городок с красивым названием Крестцы, возникший давным-давно на перекрестье дорог Санкт-Петербург — Москва и Великий Новгород — Вологда, не знаменит ни крупными событиями, ни звучными именами. Однако, как и всякое место, этот город имеет что сообщить и путнику, и жителю. Конечно, многие знаменитости просто проезжали мимо, но многие и жили в Крестцах, напоминая простую истину, что не место красит человека, а человек — место. Например, в конце XIX века в Крестцах жил писатель Ф. Сологуб, работая учителем в только что открывшемся училище. Некоторые жители Крестца оказались прототипами образов его ранних романов, в которых сами Крестцы представляли глухим захолустьем.

Среди жителей городка были и бароны Розенберги. Представители этой фамилии с середины XIX века до революции 1917 года оказались связанными со многими сторонами жизни этого небольшого провинциального городка. Можно было бы и не предавать этому особого значения, поскольку кроме Розенбергов в Крестцах нет-нет да и задерживались лица, принадлежавшие к не менее звучным фамилиям, таким как: Аничковы, Долгово-Сабуровы, Железновы, Завалишины, Зиновьевы, Колязины, но прошедшим летом Крестцы напомнили о необходимости беречь историю. В июне 2011 года на здании дома, в котором ныне помещается гостиница и который до 1917 года принадлежал Розенбергам, была открыта мемориальная доска, гласящая:

«До 1917 года этот дом принадлежал дворянской династии Розенбергов, потомственных защитников отечества, конструкторов артиллерийского вооружения, видных деятелей Крестецкого земства и суда».

На доске помещён баронский герб Розенберга, в центре щитка которого изображена пятилистная роза...

Событие знаменательное. Ещё совсем недавно принадлежность к дворянскому сословию по меньшей мере замалчивалась, а баронский титул носил унижительный и даже оскорбительный оттенок. В советское время многие Розенберги подверглись репрессиям — ссылкам и расстрелам, — правда, случались и Сталинские премии. Открытие мемориальной доски — это знак уважения к людям, честно выполнявшим свой долг.

Род Розенбергов насчитывает уже более восьми веков. Принято считать, что фамилия Розенбергов немецкая. Недавно в Германии была опубликована генеалогия лифляндского рода Розенбергов. Но это история рода только с XV века. Моя бабушка, Пульхерия Александровна, урождённая баронесса фон-Розенберг, говорила мне, что Розенберги происходят от Белой Дамы, жившей по преданию в древние времена в Моравии. Была ли в действительности эта Белая Дама — большой вопрос, скорее всего, это лишь легенда. Но вот историками установлено, что в XII веке в Моравии появились переселенцы из

Италии, которые, обосновавшись в гористой местности Карпат, стали родоначальниками влиятельного рода Витковцев. Сейчас в Праге об этом напоминает название «Виткова гора». Витковцы приняли родовой герб в виде пятилистной розы и стали именоваться Розенбергами. На юге Чехии, на берегу Влтавы стоит город Рожмберк на Влтаве, который знаменит своими замками, построенными Розенбергами. В XV веке одна из ветвей рода переселилась в Прибалтику, а оставшаяся в Моравии

пресекалась. В Прибалтике властвовал немецкий Тевтонский орден, и Розенберги, ставшие его членами, роднились со многими немецкими фамилиями.

Во времена Петра I, когда Прибалтика оказалась во владении России, образовалась российская ветвь Розенбергов, представленная Калужской, Подольской и Полтавской ветвями. Потомки рода Розенбергов расселились по разным странам. Так, один из представителей рода Розенбергов был министром в правитель-

двадцати лет избирался предводителем дворянства Крестецкого уезда. Вслед за В.П. Розенбергом в Крестцы приехали его братья, Александр и Фёдор.

Александр Петрович Розенберг (1832—1902) — участник Крымской войны, вышел в отставку в чине поручика и приехал в Крестцы, где женился на Ольге Николаевне Лейхтфельд. В Крестцах он занимал разные должности в земской управе. Кроме многих его начинаний и заслуг, можно отметить его прямое участие в организации артели по вышивке льняных тканей — это промысел был распространён среди местного крестьянства. Его желанием было дать заработок искусным рукодельницам, организовать продажу их изделий. В последующие годы эта артель превратилась в фабрику и стала своего рода символом местного промысла — «Крестецкая строчка».

Фёдор Петрович Розенберг (1829—1878) после окончания кадетского корпуса в Полтаве приехал к братьям в Крестцы и активно включился в работу по подготовке Крестьянской реформы. Будучи в должности мирового посредника, он завоевал авторитет и среди крестьянства, и, по крайней мере, у части помещиков,

улаживая непростые претензии каждой из сторон. Он был женат на Ольге Петровне Тетериной. По болезни Ф.П. Розенберг вынужден был переехать в Москву, где вскоре и умер. Двух его малолетних сыновей Михаила и Сергея их дядя, В.П. Розенберг, определил в кадетский корпус. Жизнь Михаила Фёдоровича Розенберга (1861—1928) вновь оказалась связанной с Новгородчиной. Его женой стала Надежда Дмитриевна Завалишина, владевшая имением на Валдае. Служба М.Ф. Розенберга была связана с Артиллерийским управлением в Петербурге. У него раскрылся талант конструктора, и на этом поприще Михаил Фёдорович дослужился до генеральского чина. Пушка его конструкции и сейчас находится в Артиллерийском музее Санкт-Петербурга.

Стремление Розенбергов служить Отечеству оставалось главным стержнем их жизни и в советское время, хотя, как многие члены титулованных фамилий, они терпели разного рода унижения. Сын М.Ф. Розенберга — Сергей — поплатился за баронский титул и был расстрелян. Он сам после вынужденного перерыва в военно-конструкторской деятельности во время революции, Гражданской войны и выживания на «сельских хлебах» в деревне на Валдае в 1923 году был принят на службу в Комиссию Особых Артиллерийских опытов и стал весьма заметной фигурой среди военных конструкторов уже советских учреждений. Его лично

Семья Розенбергов. Крестцы. Фото 1890 года

стве Гитлера и на Новгородчине во время оккупации Новгорода в 1941 году «грязно наследил»: вывез часть Новгородского исторического архива.

Российские Розенберги в 1841 году были официально утверждены в правах потомственного дворянства Российской империи на основании того, что «*фамилия Розенбергов принадлежит к древнему роду Курляндских дворян Розенбергов, записанных в Акте 1634 года, в котором при отмене рыцарства предоставлены все права и преимущества, дарованные дворянству*». Род Розенбергов внесён в 6-ю часть дворянской родословной книги нескольких губерний. Российские Розенберги честно служили и служат отечеству.

На Новгородчину Розенберги попали в середине XIX века, когда поручик барон Василий Петрович Розенберг (1826—1913) по делам службы приехал в Новгород. Там он познакомился с семьёй медиков Лейхтфельдов и женился на Елизавете Петровне Лейхтфельд, получив в приданое небольшое поместье в Крестецком уезде. Выйдя в отставку, он активно включился в дела только что образованного земства и вскоре стал избираться на различные должности.

Началась Крестьянская реформа 1861 года. И позиция барона Розенберга во многом способствовала бесконфликтному введению в Крестецком уезде Положения от 19 февраля 1861 года. В.П. Розенберг больше

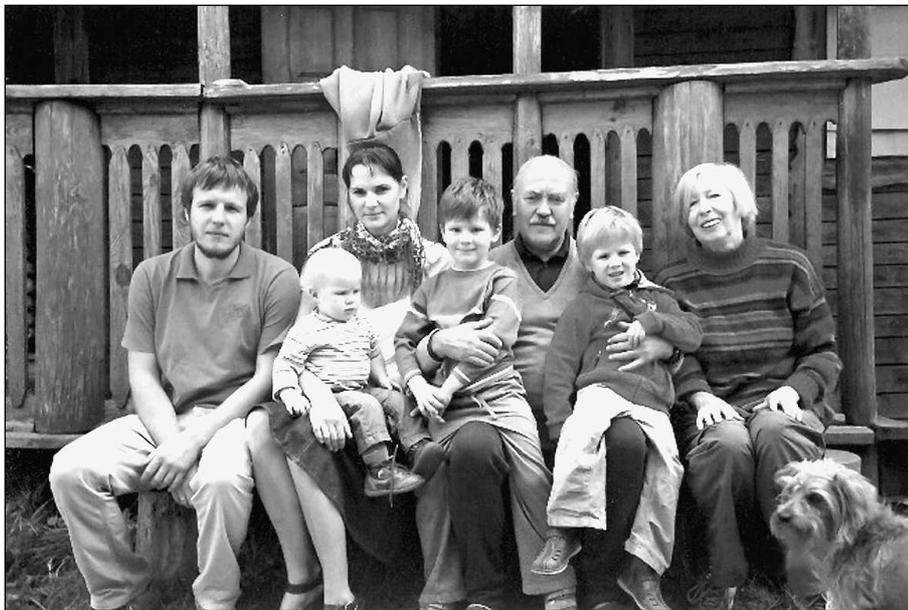
знал «красный маршал» Фрунзе. Барон М.Ф. Розенберг даже удостоился в Красной Армии звания Герой Труда. Но при этом «царский генерал» Розенберг совершенно не скрывал своего прежнего офицерского чина, ходил в дореволюционной генеральской шинели.

Дети и внуки М.Ф. Розенберга ещё больше упрочили вклад своей фамилии в обеспечение могущества страны. Его дочь Вера Михайловна Розенберг (1894—1965) осталась в памяти потомков и коллег по-настоящему

легендарной личностью. Её феноменальные математические способности могли бы стать содержанием высокой научной карьеры. Но весь свой творческий талант она отдала производству военной техники на заводах «Большевик» и «Арсенал». Маршал Д.Ф. Устинов, начинавший свою деятельность в конструкторском бюро, вспоминал: «Были в конструкторском бюро люди по своему уникальные. Среди них особое место занимала Вера Михайловна Розенберг. Она была прирождённым математиком. На неё возлагалось большинство расчётов при конструировании. Вера Михайловна выполняла их, как правило, с блеском. Когда

Вера Михайловна занималась расчётами, она отрешалась от всего. Мы хорошо понимали это и старались не мешать. Тем более, что всякие просьбы об ускорении расчётов, повышении их точности, были неуместны и даже в какой-то степени оскорбительными, т.к. Вера Михайловна и без напоминаний работала на максимуме». В сохранившемся приветственном адресе к юбилею В.М. Розенберг от Военно-Механического института было сказано: «...Как учёный — выдающийся математик — Вы вложили огромный талант, огромную работу в дело создания молодой науки — советской прикладной теории пластичности. Только лишь Ваша

скромность истинного учёного и Ваша загруженность повседневной работой мешают Вам оформить в виде докторской диссертации хотя бы одну из многочисленных ваших работ. Вложив крупный вклад в дело расчёта и создания совершенных отечественных машин специального назначения (артиллерийского назначения), Вы заслуженно — первая женщина Советского Союза — были отмечены Сталинским Лауреатством».

Александр Георгиевич Розенберг с женой Ириной Михайловной, дочерью Ксенией Александровной, зятем Максимом Александровичем и внуками Александром, Георгием и Максимом. Москва, 2010 г.

Михаил Михайлович и Владимир Михайлович Розенберги также стали выдающимися конструкторами артиллерийских систем. Предприятия, на которых они работали в послевоенные годы, меняли свой профиль, разрабатывая космическую технику, поэтому писать об их конкретных разработках, по понятным причинам, весьма затруднительно. Внуки генерала М.Ф. Розенберга, Олег Михайлович и Александр Георгиевич Розенберги, продолжили дело, ставшее уже фамильной честью этого клана Розенбергов, — успешно участвуют в конструировании ракетной техники, имеют почётные звания «Заслуженный конструктор РФ».

Автор считает своим долгом выразить благодарность Александру Николаевичу Авдееву. А.Н. Авдеев, известный новгородский краевед, очень много сделал для изучения и популяризации исторического наследия земли Новгородской. Учёный-мелиоратор, кандидат сельскохозяйственных наук, он проявляет большую активность: например, в изучении научного наследия академика Н.И. Железнова (1816—1877), создавшего уникальный парк в бывшем Крестецком уезде, где была осуществлена первая в России мелиоративная система, работающая до сих пор. Стремление А.Н. Авдеева привлечь внимание общественности к подобным достижениям в нашей культуре невозможно переоценить. Вот и в описываемом в данном очерке событии А.Н. Авдеев был главным «застрельщиком».

С.Ф. Витушкин

ФРОНТ НЕ БЫЛ ПАССИВНЫМ

1941—1942 гг. Военные события на новгородском участке Северо-Западного фронта в районе озера Ильмень по наградным документам того периода

В августе 1941 г. город Новгород нещадно бомбили самолёты Люфтваффе. Под бомбёжками и обстрелами, в безвыходной, казалось бы, обстановке, мужественно проявляли себя многие горожане и воины Северо-Западного фронта. Открытый доступ в Интернет к наградным листам воинов позволил вскрыть новые факты. В ходе поиска выявлены интересные подробности боёв под Новгородом.

Из документа о награждении орденом Красной Звезды хирурга Серафимы Александровны Заблочкой мы узнаём, что она была призвана Новгородским ГВК и определена для работы в тыловом госпитале, но по её личной просьбе переведена 6 июля 1941 г. во фронтовую ППГ-628. Он располагался с 14 июля в д. Горынево, с 8 августа — в д. Кшентицы, на 16 августа — в д. Мясной Бор, т.е. на острие немецкого наступления.

Врач Заблочкая зарекомендовала себя хорошим специалистом и целиком отдавалась делу, организовала работу хирургического блока, сама оперировала во время воздушных бомбардировок в районе д. Кшентицы и в других местах.

Другой житель города — Анатолий Михайлович Петров — был принят в РККА при отходе наших войск из района Новгорода. Судя по всему, работал до войны в конторе связи, потому что в армии стал линейным надсмотрщиком 557-го отдельного батальона связи 188-й стрелковой дивизии. Описываются два случая, когда он в июне 1942 г. восстановил проводную связь под артиллерийским огнём. В первом случае линия была перебита в девяти местах. Петров восстановил её за 15 минут, но был завален землёй от близкого разрыва снаряда и контужен. В другой раз эта же линия от штаба 188-й дивизии к её 580-му полку была перебита в 18-ти местах. Мост через реку Редья был разбит. Красноармейцы Петров и Баранов, взяв с собой провод, переплыли реку и устранили все повреждения за 20 минут под сильным артиллерийским огнём противника. А.М. Петров был награждён медалью «За боевые заслуги».

6 августа 1941 г. при действиях вражеской разведки в р-не д. Городище старшина, санинструктор 299-го полка 225-й дивизии Владимир Фёдорович Антонов под артиллерийским и миномётным огнём противника вынес с поля боя 8 бойцов с их оружием, оказав им

первую помощь. В феврале 1942 г. там же он вынес в укрытие семь человек с оружием. 20 марта 1942 г. у д. Ложитово во время действий разведки противника вынес с поля боя трёх бойцов с оружием. В июне 1942 г. он вынес четырёх бойцов. Всего на его счету 50 спасённых раненых. Награждён медалью «За отвагу».

Пётр Александрович Капралов, лейтенант, командир звена 62-го штурмового авиаполка 27-й авиадивизии, проявил героизм 16 августа 1941 г. на южной окраине Новгорода. Это был его восьмой боевой вылет. Звено в этот день получило задание обрушить груз бомб на скопление сил противника в южной части г. Новгорода. При подлёте была обнаружена понтонная переправа, наведённая через реку Волхов под защитой 18 истребителей и зениток противника. Войска Германии переправлялись на восточный берег. Капралов под прикрытием густого дыма от горящих городских объектов подошёл на высоте 1000 метров к цели и, пикировав, внезапно обрушился на цель, сбросив бомбы и послав в гущу немцев реактивные снаряды. В это время истребители противника набросились на самолёт Капралова и ведущего. В первой атаке Пётр Александрович сбил Me-109, который в пламени пошёл к земле. При этом Капралов не отставал от своего ведущего, прикрывая его с задней полусферы от огня. На ведущего напали шесть самолётов. Капралов сбивает ещё одного. Тогда все истребители противника навалились на него. Машина

20 августа 1979 г. Ветераны 225 сд у памятника однополчанам Красилову, Черемнову, Герасименко. Справа — кавалер двух орденов Славы Тамара Николаевна Шилина (Антонова). Фото В. Ищенко

была подбита. До последней возможности лётчик не покидал место боя, помогая товарищам. По уточнённым сведениям, П.А. Капралов направил горящий самолёт в колонну машин противника, а сам покинул его. Был представлен к званию Героя Советского Союза. Однако в итоге награждён орденом Ленина.

В книгах о народных мстителях часто появляется фотохроника из жизни 2-й партизанской бригады Н.Г. Васильева. Оказывается, первым до пятисот снимков сделал ст. политрук, фотокорреспондент газеты «Красная Звезда» Сергей Иванович Лоскутов, который осенью 1941 г. провёл 40 дней в Партизанском крае. До этого он прославился фоторепортажем о снятии со льдины персонала дрейфующей станции «Северный полюс-1», за который был награждён орденом «Знак Почёта». В данном случае, находясь в тылу врага, он вывез снимки через линию фронта — это было сложно сделать даже физически. Фотокорреспондент был ранен в ногу. Зато газета «Красная Звезда» получила в своё распоряжение прекрасные снимки, иллюстрирующие деятельность народных мстителей. Появилась в ней серия очерков, а позднее и первая книга о мстителях — «У партизан». Её встретили одобрительно. В своей речи, опубликованной 21 ноября 1941 г., книгу упоминал председатель Президиума Верховного Совета М.И. Калинин. По согласованию с командованием ответственному секретарю газеты Северо-Западного фронта Р. Фарберу было поручено представить фотокорреспондента газеты «Красная Звезда» к награде. Являясь одновременно старшим батальонным командиром, Р. Фарбер изложил боевые подвиги Лоскутова в наградном листе.

От человека небольшого звания, находящегося на маленькой должности, порой зависело очень многое. Красноармеец, радиотелеграфист 32-го отдельного полка связи Кирилл Семёнович Антонов обеспечивал связь штаба Новгородской армейской группы с Главкомандующим Северо-Западным направлением К.Е. Ворошиловым. 16 сентября во время его дежурства радиостанция подверглась сильному обстрелу миномётов и артиллерии противника. Осколками снарядов был повреждён кузов и разбиты стёкла радиостанции, но телеграфист не прекратил ни на секунду приём приказа Главкома. 20 сентября на радиостанции РАТ-1, которая находилась в районе д. Филиппова Гора, была получена телефонограмма о том, что в сторону Ленинграда летят 300 бомбардировщиков. В течение двух минут эта информация оперативно была доложена аппарату Главкома. Сигнал «Воздух» и действия нашей авиации позволили рассеять вражеские эскадры и минимизировать последствия бомбёжек. 18 января 1942 г. К.С. Антонов при наступлении наших войск на Осташковском направлении получил телеграмму особой важности. Несмотря на то, что среди его корреспондентов не было такого адресата, он в течение 15-ти минут разыскал нужную радиостанцию в эфире и передал боевой приказ штаба фронта, проявив смекалку и находчивость. Награждён орденом Красной Звезды.

С ноября по 15 декабря 1941 г. оперуполномоченный особого отдела НКВД 1379-го полка 225-й дивизии Матвей Тимофеевич Парамохин 15 раз вошёл в тыл противника в Новгородский район истребительный отряд третьей танковой дивизии. Лично сам сжёг один дом с гитлеровцами, уничтожил автомашину, уничтожил до 25 гитлеровцев.

Как известно, в начале января созданный Волховский фронт К.А. Мерецкова по всей передовой перешёл в наступление. 14 января 1942 г. сапёры 1-й роты 697-го отдельного сапёрного батальона 225-й дивизии получили задание проделать проходы для наступления нашей пехоты, разминировать лёд на реке Волхов, а затем и д. Теремец, освобождённую от фашистов. Героически проявил себя при этом зам. политрука роты комсомолец Александр Фёдорович Лебедев. Он участвовал с пехотой в бою, напал на немецкого офицера, заколол его штыком. В этом бою Лебедев погиб.

Незурядное мастерство, мужество и находчивость проявил капитан, командир артиллерийской батареи 1009-го артполка 225-й дивизии Алексей Федотович Остах, который при контратаке противника на д. Теремец выбросил свой передовой наблюдательный пункт впереди боевых порядков нашей пехоты и мощным огнём своей батареи отрезал пехоту противника от танков, один подбил, помог пехоте отбить контратаку.

Капитан, комбат 1347-го полка Иван Васильевич Шапков, когда противник 15 января пошёл на Теремец двумя батальонами и ротой унтер-офицерской школы при поддержке пяти танков — двух средних и трёх лёгких, из второго эшелона контратаковал противника и выбил его из деревни. При наступлении полка 2—4 апреля в районе леса в полутора километрах юго-восточнее д. Копцы Шапков уверенно управлял действиями двух батальонов. Организовал атаку, первым ворвался в траншею противника, порвал связь и в упор расстреливал из ручного пулемёта засеившую пехоту. Подразделения продвинулись на 400—500 м. Однако в последней атаке 4 апреля он был ранен и эвакуирован в тыл. Награждён орденом Красного Знамени.

Один танк в д. Теремец уничтожил бутылкой с зажигательной смесью политрук 7-й роты 3-го батальона 1347-го полка Николай Васильевич Шавкопляс, который вместе с красноармейцами Чугаевым и Садутдыновым получил задание командира уничтожить машины.

16 января 1942 г. прошёл бой под Кирилловым монастырём. В нём участвовал красноармеец ст. врач 299-го полка 225-й дивизии Сергей Иванович Калинин. Призванный в армию в ноябре 1941 г. из Кагановичского района Воронежской области, Калинин быстро завоевал авторитет и уважение личного состава. Об этом не принято упоминать, рассказывая о войне, но подлинным бичом солдат в окопах являлись насекомые. Он изобрёл сухопаровую камеру, в обиходе называемую вошебойкой, что помогло полностью искоренить завшивленность солдат полка.

В упомянутом бою он сам лично руководил выносом раненых из-под артиллерийского и пулемётного огня противника.

В бою 15 января 1942 г. в районе д. Теремец разведчик красноармеец 1347-го полка 225-й дивизии Пётр Григорьевич Елоза по своей инициативе организовал группу бойцов по борьбе с прорвавшимся противником. Своим примером увлекал бойцов идти вперёд на врага. Лично уничтожил немецкий танк, затем поднял бойцов в контратаку на наступавшего противника, уничтожил немецкого автоматчика, из его автомата продолжал уничтожать отступающего противника. Награждён орденом Красного Знамени. 25 марта боец был откомандирован в 7-ю гв. танковую бригаду.

В том же бою отличился политрук роты этого полка Сергей Александрович Тюрин, командовавший бойцами подразделения при отражении атак.

15—17 января 1942 г. воины 299-го полка участвовали в боях за д. Петровское и д. Горки.

17 января 1942 г. взвод 225-й дивизии проводил разведку боем по заданию командования. Командир отделения старший сержант Александр Дмитриевич Шоломов вёл себя достойно, мужественно и храбро, не считаясь с угрозой жизни. Действуя на правом фланге взвода, бойцы достигли цели одни из первых: Шоломов ворвался в деревню, забрасывая гранатами огневые точки противника в домах, пулемётным огнём уничтожил опорные точки с лошадьми. В дальнейшем, находясь в окружении, пробил себе дорогу огнём и без потерь вывел отделение на озеро и в своё расположение. Был награждён медалью «За отвагу».

28 января 1942 г. начальник штаба (впоследствии — командир) 299-го полка 225-й дивизии майор Александр Николаевич Петров лично руководил действиями разведки, действующей на северной окраине высоты, что в 300 м севернее н.п. Котовицы. В ходе умелой организации боя были заброшены гранатами дзоты и траншеи, где находилось до взвода солдат противника. В результате боя, длившегося 75 минут, были уничтожены четыре огневые точки, до 30 пехотинцев, подавлен огонь двух станковых пулемётов. В ходе разведки боем установлены огневые точки противника и инженерные сооружения переднего края.

В наградных листах на трёх героев из 299-го полка почти слово в слово повторяется канва событий: *«В ночном бою 29 января 1942 г. при блокировке блиндажей и ДЗОТов противника в узле сопротивления на западном берегу реки Волхов группа бойцов, в числе которых был и товарищ Красилов, открыто подползла к переднему краю обороны противника и бесшумно сняла немецких часовых, охраняющих вражеский узел. Когда взвод окружил дзоты, тов. Красилов одним из первых начал забрасывать их гранатами. В это время немцы открыли огонь из соседних дзотов. Не считаясь со смертельной опасностью [для] жизни, товарищ Красилов решает заставить их замолчать. Под ливнем вражеских пуль он бежит к огневым точкам, забрасывает их гранатами и вытаскивает пулемёты через амбразуры. С соседних трёх ДЗОТов застрочили ещё три пулемёта. Гранаты все вышли, и создалась угроза уничтожения взвода вражеским огнём. Медлить было нельзя. Три героя, в числе которых был товарищ Красилов, решили погибнуть, но спасти товарищей и до конца выполнить боевой приказ. Они бросаются на вражеские ДЗОТы, закрывают своими телами амбразуры и заставляют пулемёты врага замолчать. Три отважных героя, три патриота и коммуниста погибли смертью храбрых. Взвод выполнил боевое задание. Уничтожил 6 дзотов и 55 солдат и офицеров. За проявленный героизм, за беспредельную преданность Родине, во имя которой он отдал свою жизнь, товарищ Красилов достоин присвоения звания Героя Советского Союза».*

Представления подписаны командиром 299-го сп подполковником Ленючевым и военным комиссаром полка батальонным комиссаром Вагановым, а также

поддержаны командиром дивизии К. Андреевым и военкомом полковым комиссаром Купыревым. Заключение Военного Совета 52-й армии подписал командарм (на 12.02.1942 г.) генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев и члены Военного совета К.П. Пантас и П.С. Фурт. Заключение Военного Совета Волховского фронта за командующего фронтом (на 22.02.1942 г. — К.А. Мерецков) подписывает генерал-майор Андреев и члены Военного Совета Запорожец и Стельмах. Однако пометка о входящем номере 013404 от 24.08.1943 г. говорит, что в штабе и Военном Совете Волховского фронта наградным листам дали ход значительно позднее. Поэтому и отметка о присвоении звания Героя Советского Союза ссылается на «Указ от 21.02.1944 г.».

В наградных листах Герасименко и Красилов написано *«убит 29 января 1942 года в районе Новгорода»*. Чернилами дописано *«52 армии»*.

Участники и очевидцы боя указывали, что в ночном бою участвовало 18—20 человек из состава разведрывательного взвода мл. лейтенанта Н.А. Поленского. Удалось из публикаций и наградных листов 52-й армии выудить некоторые фамилии: разведчики Арсенин, Лифанов, Захаров, Добров, Селезнёв, Кольцов, Мусатов, Березин, санитар Дубина, командиры отделений Селявин и Лысенко и трое героев. Необходимо было найти возможные их наградные листы. Действительно, на сайте «Подвиг народа» нахожу наградные листы.

Н.А. Поленский, мл. лейтенант 299-го стрелкового полка (разведывательного) взвода 299-го стрелкового полка был представлен к ордену Красного Знамени. Награждён орденом Ленина (!) *«Действовал в ночном бою 29 января 1942 г. ... на западном берегу р. Волхов в районе быков... Группа из 18 бойцов, перейдя реку Волхов в районе Малого Волховца, вышла на вал, зайдя с тыла и сняв часового, стремительным броском ворвалась в расположение противника. Забросали гранатами 8 блиндажей... уничтожили до 70 фашистов. Подошедшее подкрепление противника со стороны Новгорода сжимало кольцо окружения. Правильно и быстро оценив обстановку тов. П... обеспечил организованный отход с боем в направлении на Городище»*. Здесь вся картина боя как на ладони.

Н.С. Лифанов, красноармеец 299-го полка, награждён медалью «За отвагу». Остался жив! (В данных ЦАМО нет сведений о его гибели.) Участвовал в ночном бою 29 января 1942 г. на зап. берегу реки Волхов в районе быков. Командарм В.Ф. Яковлев и члены Военного Совета 52-й армии Пантас и Фурт подписали представление 12 февраля 1942 г., через две недели после боя.

М.А. Герасев, командир батальона, где воевали герои, 299-го полка, был представлен к ордену Александра Невского, но в итоге был награждён летом 1942 г. орденом Красного Знамени. *«19 января 1942 г. участвовал в... разведке боем по овладению Кирилловским монастырем»*.

С.М. Дубина, красноармеец, санитар 299-го полка, представлялся к ордену Ленина. *«На западном берегу р. Волхов в районе быков на валу... смело и решительно уничтожал фашистов. ...17 и 19 января вынес с поля боя шесть раненых красноармейцев. В бою 29 января уничтожил пять фашистов и погиб смертью храбрых, стремясь вынести с поля боя храбро погибших товарищей героев Герасименко, Черемнова, Красилова. Достоин правительственной награды ордена Ленина»*. (Зачёркнуто,

вписано — Красного Знамени — **С.В.)** *Изменение внесено на основании решения Военного совета 52-й армии от 20 мая 1942 г. в результате уточнения материала в войсковых частях, согласно отношения от Волховского фронта от 04.04.42 за № 344. Начальник отдела кадров 52-й армии Арефьев, военком Казанцев».*

Т.А. Лысенко, сержант, помощник командира взвода 299-го полка, за образцовое выполнение задания командования был представлен к ордену Красного Знамени. *«В ночном бою 29 января 1941 г. ... бойцы под командой Л. забросали гранатами 3 блиндажа, уничтожив при этом до 30 фашистов. Л. лично расстрелял в упор... 5 фашистов, пытавшихся выйти из блиндажа».* Военный Совет армии снизил награду до Красной Звезды.

П.С. Арсенин, мл. сержант, стрелок 299-го полка, был представлен к ордену Красной Звезды. Награждён медалью «За отвагу». *«В ночном бою 29 января 1942 г. ... на западном берегу р. Волхов у быков... вынес с поля боя раненых, после чего вернулся и участвовал в бою 40 минут, забрасывая гранаты в блиндаже солдатами противника. Осколком мины был ранен в спину, но поле боя не оставил и своим огнем поддерживал товарищей».*

Г.И. Мусатов, мл. сержант, стрелок, раненый в том бою, награждён за него орденом Красного Знамени. В наградном листе говорится, что бой шёл *«на западном берегу реки Волхов у быков».*

И.Н. Кольцов, стрелок-разведчик, уроженец Москвы, награждён орденом Красной Звезды. *«Ночью 29 января 1942 г. при блокировке укрепленного района противника на западном берегу реки Волхов в районе быков на валу... проявил мужество и героизм. В отделении, которое первым подошло к дотам противника, тов. К. снял часового. Вместе с другими вплотную подполз к блиндажам и забросал амбразуры гранатами. Солдаты противника в панике выскакивали наружу и попадали под меткий ружейный огонь К.».*

М.Е. Березин, красноармеец, командир отделения 299-го сп, награждён за этот же бой орденом Красной Звезды. Сказано кратко: *«...узле сопротивления на западном берегу реки Волхов... удачно бросил две гранаты в ДЗОТ и уничтожил пулемёт с прислугой, грозившие опасностью пулемётного обстрела противником, после чего расстрелял из винтовки... восемь фашистов».*

9—11 февраля 1942 г. в бою за д. Копцы отличились блокировщики 4-го отдельного минно-инженерного батальона 52-й армии.

В ночь на 6 апреля 1942 г. на северной окраине д. Слутка-2 наблюдательный пункт артиллеристов подвергся нападению 30—35 немецких автоматчиков, которые окружили его. Находившийся на НП командир взвода 299-го полка 225-й дивизии мл. лейтенант Алексей Андреевич Авдеев с десятью бойцами организовал оборону и через 30 минут боя прорвал окружение. В дальнейшем перешёл в наступление, освободил НП без потерь личного состава. Награждён медалью «За отвагу». В бою участвовал и призванный Крестецким РВК Алексей Фомич Рожков.

В ночь с 6 на 7 апреля 1942 г. разведчики 299-го полка (11 человек) Иннокентий Павлович Осташинский (награждён орденом Красного Знамени), Николай Константинович Цыплаков, Иван Алексеевич Бортни-

ков, Валентин Михайлович Шишкин, Петр Дмитриевич Казаркин, мл. сержанты Григорий Иосифович Киреев, Валентин Михайлович Шушпанов, Александр Алексеевич Воробьёв и другие в составе разведгруппы ст. лейтенанта Дорохова участвовали в рейде в районе д. Спас-Пископец. Успеха группа не имела. Были обнаружены и обстреляны. У д. Ондвор увидели посадочную площадку и самолёт. Решили уничтожить его. В ходе дерзкого налёта, открыв огонь, убили охрану, взорвали самолёт. В дальнейшем вели наблюдение в ночь с 7 на 8 апреля за д. Бабки. Обнаружив блиндажи, взорвали три из них. Красноармеец Геннадий Александрович Майоров выявил систему обороны противника в районе д. Ондвор и захватил пленного.

И.П. Осташинский 87 раз ходил в тыл противника, в т.ч. четыре раза — в глубокий. Рейд 4—11 апреля в Береговые Морины и Ондвор был для него четвёртым в глубокий тыл. В атаке на самолёт он лично убил четырёх караульных, уничтожил двухместный истребитель, снял с него вооружение и авиаприборы. В ночь с 22 на 23 июля 1942 г. он разминировал проход, уничтожил до пяти гитлеровцев, вынес с поля боя раненого, забросал гранатами КП роты, взял в плен унтер-офицера. Его счёт мести достиг 24-х фашистов.

«С.И. Букин — смелый мужественный и решительный разведчик. Более 30 раз ходил в тыл врага, доставляя командованию ценные данные о противнике».

Находясь в тылу врага 5 суток и уничтожив при этом до 25 фашистов был представлен... к ордену Красной Звезды. 6 апреля в составе разведгруппы ст. лейтенанта Дорохова Т.Б. ходил в разведку в тыл врага. В течение 4 суток, находясь на оз. Ильмень, разведчики вынесли мороз, пронизывающий ветер, постоянную настороженность и ожидающую на каждом шагу опасность. По ночам уходили на операции, а днём отсиживались на оз. Ильмень в ледяных глыбах, не имея за всё время места, где можно было бы обогреться. Тов. Б. всегда шёл впереди. В р-не д. Ондвор разведчики заметили самолёт и решили его уничтожить. Группа противника, охранявшая самолёт, заметила приближающихся разведчиков и открыла по ним огонь. Тов. Б. вместе с тов. Дороховым и Кересевым незаметно под прикрытием остальных разведчиков приблизились к самолёту и противотанковыми гранатами подорвали его, уничтожив при этом 3 фашистов, остальная группа фашистов убежала в деревню. С самолёта было снято 6 пулемётов и 5 лент с патронами. Уже рассвело, когда разведчики увидели три группы противника (которые) вели беспорядочный (огонь) и приближались к самолёту в расчлнённом порядке (беспорядочной толпой). Разведчики решили не вступать в бой, окончательно взорвав противотанковыми гранатами самолет противника, отошли вглубь оз. Ильмень».

В ночь с 7.04.1942 на 8.04.1942 разведчики сделали попытку пробраться на сторону противника в р-не д. Бабки. Внезапным налётом разведчики ворвались на окраину деревни. Тов. Б. ворвался первым и с первого выстрела убил часового противника. Разведчики противотанковыми гранатами взорвали три землянки, уничтожив при этом не менее 30 фашистов. В этом бою осколками вражеской гранаты тов. Б. был ранен, вынесен из сферы огня и отправлен в госпиталь». Награждён медалью «За отвагу».

Таким образом, мы имеем массу новых подробностей о ходе, месте, результатах боёв, о поведении их участников и награждении разведчиков.

В ночь на 6 апреля 1942 г. 80 гитлеровцев пошли в наступление на высоту 31,9, которую защищал гарнизон командира взвода мл. лейтенанта Константина Дмитриевича Каратаева. При отражении атаки были убиты до 30 фашистов. Свои потери — незначительные. Участники боя награждены.

12 марта 1942 г. политрук взвода разведчиков 299-го полка 225-й дивизии Владимир Константинович Пильберг во главе группы из шести разведчиков получил задачу на разведку системы обороны, расположения огневых средств и инженерных сооружений противника. Предстояло также захватить контрольного пленного. В районе дд. Спас-Пископец, Береговые Морины группа в течение пяти суток вела наблюдение, отсиживаясь днём среди ледяных глыб. Мороз, пронизывающий ветер, грозящая бойцам каждую секунду опасность не помешали выполнить задачу. 13 марта в 20.00 трое бойцов отморозили ноги и были самостоятельно отправлены в расположение части. Оставшиеся в ночь на 14 марта сделали попытку пробраться в Береговые Морины, но были замечены и обстреляны. В.К. Пильберг взял левее, к д. Ондвор, неожиданно наскочил на группу из 10—15 человек. Завязался бой. Из деревни вышла ещё группа в 30 человек и попыталась зайти в тыл мужественной тройке. Разгадав манёвр противника, Пильберг приказал С.И. Букину и второму разведчику отходить. Противник долго не мог успокоиться и освещал лёд озера ракетами и прожекторами, обстреливал из пулемёта. 16 марта группа вновь подошла к Береговым Моринам. Не доходя 1 км до берега, заметила группу противника до 60 человек, которые ловили рыбу на озере. Пильберг решил подойти поближе и захватить пленного. С расстояния в полкилометра разведчики заметили, стали поспешно сматывать сети. С 300 метров разведчики открыли огонь. Было уничтожено много солдат, противник ответил огнём. Замаскировавшись, трое уничтожили

фашистов. Не выдержав, противник стал отходить, потащив с собой раненых. Около десяти солдат он сбросил в воду. Бой длился полтора часа. На месте боя разведчики нашли двух убитых лошадей, порубленные сети. Уничтожено было до 25-ти фашистов. 17 марта группа вернулась в часть, принесла ценные сведения. Пять суток она держала в напряжении фронт шириной 10 км. Разведчики были награждены орденами.

15 марта мл. сержант, пулемётчик 1347-го полка Виктор Николаевич Филатов, будучи первым номером пулемёта, ураганным огнём уничтожил до 50-ти фашистов и отбил три атаки противника. Когда его окружили, а патроны кончились, гранатами проложил себе путь и вынес пулемёт на новый рубеж. Получил боеприпасы и продолжил стрелять по врагу. Награждён орденом Красного Знамени.

Местные бои на фронте не прекращались ни на день. 1349-й полк 15 января 1942 г. сражался за Теремец, 14—16 марта и 3—4 апреля — за д. Заполье.

Так, 15 марта 1942 г. противник силою до батальона повёл наступление на участок обороны 3-го стрелкового батальона 1347-го полка северо-западнее д. Тютицы и севернее д. Заполье. Он начал теснить правый фланг обороны. Комбат капитан Анатолий Иванович Михайлов, правильно оценив обстановку, отрезал острие главного удара противника. Численно превосходящий противник начал окружение, отрезав правого соседа. Нарушилась связь с соседом и взводом. Михайлов бросил резерв на правый фланг и предпринял меры для восстановления связи. Связь была установлена, сосед справа получил поддержку. Раненые были эвакуированы. Наступление противника 16 марта также не имело успеха.

В написании этой статьи помогли документы сайта ЦАМО РФ «Подвиг народа» и материалы архива Совета ветеранов 225-й Новгородской стрелковой дивизии. Особая благодарность ветерану дивизии Л.И. Высочиной.

ДЕРЕВЕНСКИЕ СВЯТЫНИ ЧУДОВСКОГО РАЙОНА

В России до сих пор мало внимания уделяется каталогизации деревенских святынь. В результате большинство из них выпадает из поля зрения исследователей. В первую очередь это касается тех памятников, которые находятся в глухих (безлюдных) местах или в той сельской местности, где коренные жители постепенно замещаются новыми, большей частью выходцами из городской среды. Наблюдается затухание локальных традиций почитания природных мест.

К памятникам народной религиозной культуры, «деревенским святыням», относят:

- почитаемые водные источники (родники, колодцы, озёра);
- культовые и межевые камни;
- почитаемые каменные кресты (намогильные, памятные и поклонные);
- почитаемые деревья (рощи, дубравы, боры);
- сакральные (сложные ритуальные) комплексы.

Многу предпринята попытка каталогизировать деревенские святыни на территории отдельно взятого района. Данная работа проводится с 2007 года в рамках реализации авторской программы «Историко-этнографические изыскания на территории Чудовского района Новгородской области».

Вся информация о рассматриваемых объектах получена в ходе полевых исследований и опроса коренного населения сельской местности. В настоящее время я располагаю информацией более чем о двадцати объектах, относящихся к деревенским святыням Чудовского района.

«Кресток» — почитаемый родник возле деревни Мелехово

Надо заметить, почитаемые родники — наиболее распространённая группа деревенских святынь. Правда, как отмечают некоторые исследователи, «несмотря на широкое распространение почитаемых родников и обильной информации о них, до сих пор не существует разработанной классификации этих объектов»¹.

Почитаемый родник возле деревни Мелехово носит несколько названий — «Кресточек», «Кресток», «Крест». Чаще всего применяется название «Кресток».

До 1940-х годов святой источник находился внутри «будочки», представлявшей собой некое подобие маленькой часовни. «Кресток» почитали три раза в году: на Седьмую пятницу после Пасхи, на Ильинскую пятницу (это последняя календарная пятница перед 2 августа — днём Ильи Пророка), и на «Десятую пятницу» (10 ноября). Посещению почитаемого родника предшествовал молебен в часовне, которая стояла возле сельского кладбища в 200 м от деревни Мелехово. После молебна из часовни брали серебряный крест и несли его к роднику. Участники обряда шли друг за другом, «гуськом». Перед ними несли икону. Возле почитаемого места люди проходили под этой иконой, которую обыкновенно держали два человека. После освящения родника серебряным крестом

«Кресток» — почитаемый родник возле д. Мелехово

святую воду пили на месте и брали с собой домой в специально приспособленной таре. Такой водой окропляли домашний скот и использовали её в случае болезни одного из домочадцев.

В наши дни «Кресток» — единственное в Чудовском районе место, где ещё сохранилась живая традиция почитания святого источника. До недавнего времени здесь ежегодно проводились молебны, для чего из города Чудово специально приглашали священника.

Но сегодня всё чаще наблюдается и такая картина: к почитаемому роднику круглогодично приезжают дачники из окрестных деревень. Воду из святого источника они используют в основном в бытовых целях: например — приготовление обеда. Возможно, местная традиция почитания родника «Кресток» в строго определённые дни

¹ Платонов Е.В. Древнерусское «правило монахам» и почитаемые родники // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции 28–30 января 2003 года. Вып. 17. Великий Новгород. 2003. С. 331.

в ближайшие годы может прерваться из-за отсутствия преемственности между коренным населением и новыми жителями.

Культовый камень возле деревни Муратово

Культовые камни принято делить на следующие группы: камни-следовики, камни с выемками, камни с крестами и камни без следов обработки. Информация о культовых камнях на территории Чудовского района достаточно скудна. В настоящее время располагаю сведениями всего о четырёх таких камнях.

Один из них находился возле деревни Муратово. Он представляет собой большой плоский валун квадратной формы. До 1940-х годов на камне стояла часовня, размеры которой были столь невелики, что внутри могло поместиться от силы два человека. В годы Великой Отечественной войны часовня сгорела.

В послевоенные годы сам камень был сброшен тракторами в реку. Где находится это место, пока неизвестно. В наши дни Муратово является безлюдным, поэтому необходимо искать уроженцев этой деревни в соседних населённых пунктах. Возможно, удастся найти информаторов, которые знают точное место нахождения «муратовского камня».

По этой причине пока не представляется возможным собрать как можно более подробную информацию, которая позволила бы определить точное функциональное назначение камня в обрядовой практике местного населения.

Есть мнение, что «муратовский камень» мог использоваться в качестве фундамента для часовни. Но возникает вопрос: почему часовня была сделана столь малых размеров и именно на этом камне? К слову сказать, вполне вместительная часовня стояла на краю самой деревни Муратово.

Почитаемый каменный крест возле Гудаловской часовни в городе Чудово

Почитаемые каменные кресты делят на три группы: надгробные, памятные и поклонные. Гудаловский крест пока не представляется возможным отнести ни к одной из трёх групп. О нём можно сделать предварительное заключение: этот крест «ижорского типа» не был сделан на месте, а привезён с Ижорского плато. Наиболее схожие памятники (т.е. кресты) находятся возле деревень Беседа и Большое Заречье Волосовского района Ленинградской области.

Камень имеет следующие размеры: высота — 70 см, ширина — 60 см, толщина — 15 см. В центре креста — изображение малого крестика размером 10 × 10 см. На верхней и нижней лопастях креста сохранились две монограммы — «НИ» и «КА». Крест можно условно датировать XIV—XVI вв. Пока что остаётся нерешённым вопрос — каменный крест был поставлен возле часовни или часовня построена возле креста? Что интерес-

но, гудаловский крест не включён в Каталог памятников истории и культуры Новгородской области (Памятники археологии Чудовского района).

Почитаемые берёзы в деревне Кузино

О почитаемых деревьях на территории Чудовского района пока собрана крайне незначительная информация. Причём одно из свидетельств (о почитаемых берёзах в деревне Кузино) получено из научной монографии Лебедева Г. и Жвиташвили Ю. Вот что пишут авторы: «*Лет десять тому назад ещё можно было услышать здесь рассказы о старинных чтимых берёзах, у которых на сопке справляли богослужения „на Сампсония” (27 июня, в день Сампсония Странноприимца, покровителя странствующих и путешествующих), и о том, что в сопке „похоронены чужие — то ли турки, то ли кто”, а деревни тогда ещё не было*»². Надо заметить, в деревне Кузино отмечали только два местных престольных праздника: Николу Летнего (22 мая) и Яблочный Спас (19 августа).

В окрестных с Кузино деревнях была зафиксирована интересная информация. На престольные праздники здесь было принято «городить сад». Для этих целей в лесу срубали несколько десятков молодых берёз, которые привозили в деревню. Из них сооружали ограду прямоугольной формы, внутри которой проходили народные гуляния. После завершения престольного праздника берёзовый сад разбирали. Не исключено, что традиция «городить сад» является отголоском почитания берёз на сопке.

Сакральный комплекс в деревне Рогачи

Отдельного внимания заслуживают так называемые «сакральные комплексы» или сложные ритуальные комплексы, которые могут включать в себя почитаемые родники, культовые камни, почитаемые кресты, средневековые жальники, современные сельские кладбища, почитаемые деревья, часовни и т.д.

Один из таких комплексов на территории Чудовского района находится в деревне Рогачи. Он включает в себя: камень-следовик (на котором имеется «следочек ангела / Богородицы»), почитаемый родник, каменный крест перед входом на сельское кладбище, само сельское кладбище, средневековый жальник, небольшой сосновый бор на жальнике (этот сосновый бор считается у местных

Каменный крест возле часовни Параскевы Пятницы в городе Чудово (ул. Гудаловская)

² Лебедев Г., Жвиташвили Ю. Дракон Нево: на Пути из Варяг в Греки. Археолого-навигационные исследования древних водных коммуникаций между Балтикой и Средиземноморьем. 2-е издание. СПб. Изд-во «Нордмед-издат». 2000. С. 140.

жителей «особым» и оберегается от порубки), и, наконец, место бывшей обыденной часовни. Все эти объекты располагаются на небольшом участке 100 × 250 метров.

Камень-следовик в д. Рогачи

Ключевое место в данном комплексе занимает средневековый жальник. В 1960-е годы на нём проводились археологические раскопки, в ходе которых, по словам местных жителей, из земли было поднято несколько дубовых колод с человеческими останками.

Одна из местных легенд так объясняет происхождение названия деревни Рогачи. В давние времена на жальнике были погребены воины в рогатых шлемах («в шлемах с рожками»). И что один из таких шлемов был найден местными жителями ещё до археологических раскопок. Видимо, эта легенда появилась сразу после обнаружения данной находки.

Сакральный комплекс в деревне Рогачи нуждается в дальнейшей детальной проработке. В частности, вызывает существенные сомнения функциональное назначение родника — действительно ли он почитаемый? Местные жители связывают его с культом почитания святой Параскевы Пятницы. К слову сказать, в деревне Рогачи два престольных праздника, посвящённых этой святой: «Летняя Пятница» (последняя календарная пятница перед 2 августа — днём Ильи Пророка) и «Осенняя Пятница» (10 ноября).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Курочкин А.Ю. и др. Памятники истории и культуры Новгородской области. Каталог. Часть 2 (памятники археологии). Великий Новгород, 1999. С. 230–231.

Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб. 1998. С. 12–13.

Панченко А.А. Почитание каменных крестов на Северо-Западе России // Живая старина. № 3. 1996. С. 40.

Полевые материалы автора. Семёнов В.М., 2007 г. Д. Рогачи, Чудовского р-на Новгородской обл.

Полевые материалы автора. Семёнов В.М., 2008 г. Д. Кузино,

С 2007 года и по настоящее время в Чудовском районе выявлено и учтено свыше двадцати объектов деревенских святынь: почитаемые родники/колодцы — 7; культовые

Сосновый бор на жальнике в д. Рогачи

камни — 4; почитаемые каменные кресты — 4; почитаемые деревья — 3; «сакральные комплексы» (сложные ритуальные комплексы) — 5. По одним объектам деревенских святынь собрана исчерпывающая информация; по другим требуется сделать некоторые уточнения или существенные доработки; по третьим необходимо проверить сравнительно недавно поступившую информацию. Собранный автором материала уже достаточно для издания тематического Каталога (Краткого обзора) по деревенским святыням Чудовского района Новгородской области. Издание такого сборника планируется осуществить в ближайшее время. Но сама работа по дальнейшему выявлению и учёту почитаемых объектов Чудовского района будет продолжена.

Необходимо включение деревенских святынь в религиозную и культурную жизнь Чудовского района, наиболее интересных объектов в туристическую инфраструктуру, что позволит хоть в какой-то степени сохранить преемственность локальной традиции, таким образом популяризируя почитание деревенских святынь среди людей, равнодушных к традициям своего народа.

Арефино, Бурегу Чудовского р-на Новгородской обл.

Полевые материалы автора. Семёнов В.М., 2008 г. Дмитриева Тамара Кирилловна, 1931 г.р., д. Мелехово, Чудовского р-на Новгородской обл.

Шорин М.В. Вопросы изучения культовых камней на территории Новгородской области // Изучение истории и культуры Новгородской земли. Тез. докл. конференции. Новгород, 1987. С. 76.

Шорин М.В. Культовые камни Приильменья (по материалам Новгородской области) // Археологические вести. 1996–1997. № 5. СПб., 1998.

А.С. Ананичев

ОБРАЗ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В РОМАНЕ ДМИТРИЯ БАЛАШОВА «ПОХВАЛА СЕРГИЮ»

«Есть ли у России народный богатырь, который всего лучше отражает дух России, то, конечно, это преподобный Сергей, — писал в XX веке историк Русской Церкви Евгений Поселянин. — Основанная им обитель Живоначальной Троицы духовным самосознанием народа всегда воспринималась как сердце России, а сам преподобный Сергей — как особый покровитель, хранитель и вождь русского народа, Всероссийский игумен, может быть, точнее сказать, по замечанию священника Павла Флоренского, Ангел-Хранитель России»¹.

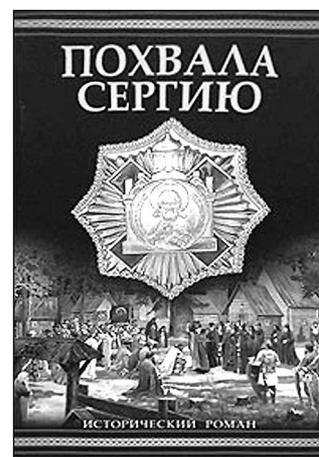
Жизнь преподобного Сергея — целая эпоха в истории Русской Церкви и в истории государства. И вместе с тем «подвиг его всечеловечен», ибо служил делу примирения и единения разобщённого грехом человечества. Чудотворец, провидец, устроитель общежитийного монашества на земле Северо-Восточной Руси, прожил 78 лет и основал более 35 монастырей. Десятки его учеников стали устроителями новых обителей по всей Русской земле. Родной племянник Сергея — преподобный Феодор — основал и возглавил Симонов монастырь в Москве; преподобный Савва — монастырь в Звенигороде; преподобный Мефодий Пешношский — Никольский монастырь на реке Пешноше; преподобный Сильвестр Обнорский — Воскресенскую обитель; преподобные Павел Комельский и Сергей Муромский — свои монастыри в Комельском лесу Вологодского края; преподобный Яков Железобровский — строитель Предтеченской обители в Костромских лесах...

Если в первый гиблый век монгольского ига на Руси появилось тридцать монастырей, то в другом столетии (1340—1440) — почти полторы сотни. А всего за два с половиной века монгольского владычества на Руси образовалось 180 монастырей. Из них ровно половину основали преподобный Сергей со своими учениками.

Прежде монастыри возникали в городах или возле поселений. А после того, как сложил преподобный Сергей келью на Маковце, сотни святых обителей выросло в лесной глуши. Уйдёт подвижник в Комельский лес или на Белоозеро спасать душу, а за ним — сначала ручейки людские потянутся, затем реки широкие. Сколько русских городов выросло возле таких монашеских келий! Русь обязана своими пространствами Муромским, Пермским, Чухломским, Волоцким святым. Именно они, осенённые Божественным светом Пресвятой Троицы и праведной

жизнью Радонежского Чудотворца, изменили лик Русской земли. Не огнём и мечом, как повелось на Западе, а миром и любовью, единством и согласием...

Первым автором жития Сергея Радонежского стал преподобный Епифаний Премудрый, Пахомий Логофет переработал житийный труд предшественника. Наконец, в конце XIX века архимандрит Никон Рождественский издал труд, вмещающий все известные факты жизни Сергея Радонежского. Сложно подобрать к этим вершинам, создать что-то новое, добавить новые краски к образу великого Чудотворца. Думаю, Дмитрий Балашов, написавший исторический роман «Похвала Сергию» в конце XX века, справился с этой нелёгкой задачей.

В своем предисловии к роману писатель отмечает: *«Духовную суть жизни и подвигов преподобного Сергея я, разумеется, передать не способен, но деятельность Сергея могущественно повлияла на события политической истории конца 14 столетия, и вот этого, политического аспекта жизни нашего величайшего святого в писанных житиях, естественно недостает, вернее, он намечен там, как и прочие внешние и светские события, лишь пунктирно, что для собственно житийной литературы, разумеется, отнюдь не недостаток».*

Писатель скромничает. Жизнь Преподобного явлена читателям ярко и всеохватно. От рождения² и пребывания в родительском доме в Ростове до переезда в Радонеж и ухода на Маковец, вплоть до самой кончины, последовавшей 25 сентября 1392 года. С каким знанием дела Дмитрий Балашов строит вместе с преподобным Сергием и его братом Стефаном келью на Маковце! «Ствол обрубают канавкою вокруг, на вид того, как подгрызают деревья боры, и срубленное дерево оканчивается полукруглым,

¹ Архимандрит Алексей (Кутепов). «Преподобный Сергей как идеал русской святости». — Богословские труды, № 29, Изд-е Московской Патриархии, 1989. С. 184.

² В 2014 году Россия официально отметит 700-летие со дня рождения преподобного Сергея. Однако Д. Балашов полагает, что датой его рождения следует считать 1322 год.

а не прямым обрубом, который, подравняв, так и оставляют, не стёсывая впрямь. А стены будут класть с выносом, каждый верхний венец шире предыдущего, чтобы вода не стекла по бревнам, не мочила сруба, заливаясь в пазы».

Сергий был великолепным плотником. А также не менее искусным земледельцем. Дмитрий Балашов, проживший почти сорок лет в глухой деревне в семидесяти километрах от Петрозаводска, безусловно, посвящён и в эти тайны крестьянского труда. «Репу сеют так: набирают семена в рот — они крохотные, точно маковые зёрнышки, и расплёвывают их по полю, прыскавая подобно тому, как опырывают пересушенное бельё. Лук, тот уже сажают грядками, предварительно обрезав сухие кончики...»

В самом деле, какой же это святой, сердцем не понимающий своих соплеменников! Не живущий, как они, не умеющий загнать полозья саней и грамотно вязать оглобли в завёртки. Преподобный, хотя и запретил себе всякое передвижение, кроме пешего, умел обрезать и чистить копыта коням, подковать любую лошадь. Вспоминается эпизод, когда святой Сергий увидел, проходя по полю, как пахарь бьёт запутавшуюся в упряже лошадку. *«Молча и властно отстранил он мужика... успокоил и распутал брыкающуюся лошадь, поднял её на ноги, живо разобрался со сбруей, связал порванную шлею двойным хорошим узлом, передвинул погоднее ремённые петли на обрудах и, утвердив рогатую соху в бороде, строго и спокойно сказал мужику: «Никогда не бей того, кто тебя кормит!»*

Чтобы приблизиться к образу преподобного Сергия, нужно обладать недюжинными знаниями в области теологии — ведь Радонежский чудотворец — первый представитель исихазма на Русской земле. Чтобы писать о той эпохе, нужно знать явные и глубинные отличия католицизма и православия, разделившие две Церкви в середине XII века. А ведь в этом случае нужно докопаться до Блаженного Августина, перелопатить труды знаменитых учителей Церкви, наконец, святого Григория Паламы и его каллабрийского оппонента. Многие, многие десятки страниц исторического романа посвящены духовному спору, охватившему в XIV веке две Церкви по поводу нетварности Фаворского света. Иному читателю они, быть может, покажутся лишними. И напрасно. Потому что победитель этого духовного противостояния обретает истину, а значит, и возможность видеть Фаворский свет.

Смысл иноческого служения преподобного Сергия — узреть Фаворское свечение. «Жизнь — это долг и труд, и постоянное отречение от себя, постоянная жертва за други своя, повторение крестного подвига Спасителя. И если освободить себя от этого подвига, непрестанного усилия — значит попросту умереть. Все прочее — мара, обман, земная пляска...». Освободить себя от подвига — значит отказаться от Фаворского света, от Божественных энергий, являющих подвижнику невидимый для других образ Божественной красоты.

Кто в наше время занят поиском Фаворского света? У современного человека много забот — прокормить семью, заработать квартиру, не потерять доходную работу, продвинуться по службе... Однако главного нет — поиска света и святости.

«Возможен народ сам себя принудить к подвигу, воскреснет ещё и не в толикой беде! Не возможен — не помогут ему ни учёность, ни богатство, ни множество людское... Но ежели каждый возможен хотя посильное ему свершить, и свершит, то воскреснет Русь».

Сказано в XIV веке. А как звучит актуально в наши времена!

«Стяжи Дух Свят, и вокруг тебя спасутся тысячи», — сказано через пять столетий, а всё о том же. О подвиге. О духовном борении над самостью своей. Только Сергия послушал народ русский на рассвете государственного становления, свершил подвиг, уйдя в леса и болота, на юг, восток и север неведомых просторов, расширяя и строя Святую Русь, но люди XIX века в стране, переживавшей, по Леонтьеву, период «цветущей сложности», остались к словам преподобного Серафима почти равнодушны.

Конечно, Дмитрий Балашов почти не отвлекается от житийной канвы. Но благодаря художественным средствам, Сергий-Варфоломей становится как бы сошедшим с иконы. Вот слова Пахомия Логофета о пострижении отрока Варфоломея: «Как некий орёл, лёгкие крылья подняв, как будто по воздуху на высоту взлетает, — так и этот преподобный оставил мир и все мирское, бежал от всех житейских благ, оставив род свой и всех близких и родственников, дом и отечество, подобно древнему патриарху Аврааму». «На деле, — как пишет Дмитрий Балашов, — всё было значительно проще и будничнее. „Род свой и имущество“ Варфоломей оставил уже давно. Вся его прежняя жизнь была, по сути, подготовкою к подвигу монашества, и токмо одного ещё не испытал он в той прежней жизни своей — полного одиночества, на которое обрекал себя ныне. И вот он стоит на холодном ветру своего малого храма в одной долгой рубахе и босиком. Стоит и не чувствует холода...»

Портретной живописи во времена преподобного Сергия на Руси не существовало. Икона, если так можно сказать, — портрет духовный, не передающая в точности изображаемый лик. Предположительно незадолго до кончины Троицкого игумена лик его нарисовал основатель московского Симонова монастыря Фёдор, приходившийся племянником Преподобному. Возможно, этот рисунок, «парсуна», не дошедшая до нас, стала основой шитого изображения Сергия на пелене, наиболее близкому к оригиналу. На нём, как и на иконе преподобного Сергия, написанной, по всей видимости, кем-то из его учеников в 14–15 столетиях, у Сергия близко посажены глаза, а в лике, как пишет Балашов, «есть нечто лесное: худоба щек, потаенная, словно спрятанная улыбка, густая шапка волос, видимо, не поредевших в старости. Вглядываясь в это изображение, начинаешь понимать, что... праведник мог быть и чрезвычайно строг, но мог и очень по-доброму улыбаться, сохраняя все тот же отстраненный „потусторонний“ взгляд человека, „перешедшего грань“ и взвешивающего на современников „оттуда“».

В самом деле, преподобный Сергий, оставаясь в своём XIV столетии, со своих икон ли или житийных страниц или исторического романа Д. Балашова всегда осторожно и строго вопрошает нас, ныне живущих, как, мол, вы там в своём XXI веке, не забыли о главном, о святом предназначении Отечества своего, о том нездешнем и далёком берегу, куда, подняв паруса куполов, плывёт страна, где духовное ценилось всегда выше земного... Не случайно монастырь на Маковце был назван им в честь Живоначальной Троицы. В Троице единство, согласие. Князья раздирают страну на части в поисках первенства и величия, а он, ещё будучи не рождён, трижды прокричав в утробе матери, уже готовится всех мирить и объединять, исполнив Божью заповедь: «Да будут все едины; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и

они да будут в Нас едино...» (Ин. 17, 21.) «Ешьте суверенитета столько, сколько захотите», — рычит на исходе XX века российский временщик, обращаясь к удельным главам нищающей Руси. «Не слушайте его, — будто слышим мы тихий голос Преподобного. — В единстве наша сила. Бог наш в Трёх ипостасях, однако же Он един. Будьте подобны Ему во всём...»

«Со слабости всегда наступает упадок, — пишет Дмитрий Балашов, нелегко переживший в конце XX века разор Отечества и глумление бесов на обломках великого государства, уходящего истоками в Московскую Русь. — Со ссор между своими. С распада, с ослабления кровных связей, когда в единой доселе семье начинаются свары, делёж накопленного предками вместо новых приращений, взаимное нелюбие вместо взаимопомощи... Единство — семьи, сообщества, племени — вот то, что держит и соединяет, и спасёт языки и народы». «Аще царство на ся разделится — не устоит, — утверждает Балашов вековечную истину, вложенную в уста преподобного Сергия во время его беседы с рязанским князем Олегом. — Это там, у католиков в латинах, возможно каждому сидеть у себя в каменной крепости и спорить то с царём, то с папою. У нас — нет. В бескрайностях наших, пред лицом тьмы языков и племён, в стужах лютой зимы, у края степей — надобна нам единая власть, соборное согласие... Не корысти ради, и не труса ради, не по слабости сил человеческих стал я служить великому князю московскому!.. Исчезнет Москва — и распадётся Русь. И некому станет её связать водино... И жребий наш тяжелее иных жребьёв, ибо на нас, на нашу землю и язык русский, возложил Господь самую великую ношу учения своего: примирять ближних... быть хранильницей судеб народов окрест сущих...»

В почти восьмисотстраничном романе Дмитрия Балашова образ преподобного Сергия, безусловно, терпит изменения. Вот как выглядит Преподобный, пожив с десяток лет на Маковце: «Суховатый и просторный в плечах, лёгкий телом, в коем не чуетя ни капли жира, ни золотника лишней плоти, лишь мускулы и сухожилия, обтянувшие ладной костяк... Долгий прямой нос выдаёт породу: не было в боярском роду Кирилла мерянской крови, наградившей московских русичей пресловутой курносостью. Но больше всего с отроческих лет изменился взгляд Сергия. Вместо распахнутого миру и добру почти ангельского открытого взора Варфоломея теперь смотрелся лик того, кто и соболезнуя, как бы глядит с высоты: высоты опыта и мудрости. Усмешливость, прячущаяся в бороде, и умные зоркие глаза, от которых, — поглядев подольше, — становится грешному человеку торопо и неуютно на земле. Знал ли он сам, как изменился его облик? Наверяд Сергий, даже отроком будучи, гляделся когда в полированное серебро зеркала! Но то, что внутри себя он изменился безмерно, Сергий знал, чуял...»

«Чуял» — очень важное слово, произнесённое Балашовым. Есть в нём что-то земное, животное. Полвека проведя в лесу, невольно сроднишься с его повадками и обитателями. Поэтому писатель, и в том заключена новизна и смелость, сравнивает, рисуя образ Преподобного, то с «рыжей лисицей», то со «старым мудрым котом». И уж, на мой взгляд, живописуя сцену явления Пресвятой Богородицы преподобному Сергию, устами келейника Михея, ставшего свидетелем, чересчур смело говорит: «Львиное, чужое лицо Сергия было страшно. Чернели глубокие западины щек. Упорный сведенный взгляд горел волчьим огнем...»³

Мне трудно представить такого Сергия Радонежского. Да, своим светлым взором он мог повелевать бесам исходить из людей, образумить прыткого князя Бориса, не по праву севшего на нижегородский стол и искавшего ярлык у Азиза-царя, смирить рязанского князя Олега и помирить его с Дмитрием Донским. Никто, даже митрополит Киприан, не сумел вразумить рязанца в бессмысленности кровавой распри. А Сергий, некогда пострадавший вместе со своими родителями, ещё живя в Ростове, от руки Москвы, видевший вокруг и грабежи, и убийства, всё же уговаривает рязанского князя, тоже, кстати, причисленного к ликам святым, не воевать с Москвой... Но представить взгляд преподобного Сергия, горящий «волчьим огнём», нет, не могу.

Как ярко в начале книги горит Стефан, родной брат преподобного Сергия, какая страстная и живая натура, как часто бросается в крайности, не умея успокоить мятущуюся душу! Чувствуется, что люб он новгородскому писателю, и он ему прощает всё — в том числе гордыню, сломленную лишь к исходу жизни. Стефана писать легко, только бросай краски на холст. А вот Сергия рисовать труднее. Стефан весь на поверхности, Сергий — в глубине. Стефан контрастен, Сергий тих и с виду небросок, как сама русская природа. Чтобы писать Сергия, нужно зажечься таким же ровным очищающим огнём, потаённым, благодатным, негасимым, который, к великому изумлению, горел в его сердце с самого рождения до исхода в иной мир.

Вот к умирающему Сергию прибыл митрополит Киприан. Он старается «узреть видимые печати увядания и близкой смерти, но от старца отнюдь не пахло смертью, в келье стоял ровный приятный „кипарисовый дух“, а сам Сергий, хотя и высохший и как бы прозрачный, был добр и внимателен зраком». Зато когда Стефана вводят двое послушников в келью отходящего игумена, его даже родной сын не может сначала узнать — так он изменился и высох. А «сломив гордыню в себе, — как пишет Балашов, — и сам будто сломался».

В 2014 году страна отметит 700 лет со дня рождения преподобного Сергия. Как нужен был всегда, а особенно России современной, такой святой сплачивающий образ как преподобный Сергий Радонежский! Именно его имя и образ Живоначальной Троицы стали во все века символом собирания Руси в единое целое, от Чёрного моря до Белого, от восточных окраин до западных порубежий⁴. А что же мы? И не находятся ответы. Думаю, что каждый, кто возьмёт в руки книгу Дмитрия Михайловича Балашова о преподобном Сергии Радонежском, всколыхнёт свою душу и задумается о главном — ради чего мы живём на земле. Пусть «лесные озерные светлые глаза» преподобного Сергия внимательно взирают на нас из молитвенных углов, призывая искать в этой жизни не чувственной улады, всегда горькой на дне, а нетленного Фаворского света, разглядеть который можно, лишь победив себя.

³ Пресвятая Богородица является Сергию Радонежскому в романе Балашова в середине 50-х годов XIV века. В Троицком же монастыре вспоминают 1382 год. Видение случилось с пятницы на субботу в самом начале Рождественского поста.

⁴ В наше время, будто пытаясь разделить Нераздельную Живоначальную Троицу, говорят: «Бог един. Един для христианина, иудея, магометянина...» Однако забывают, что «никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыться» (Мф.11, 27).

«ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ КАМНИ И ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ»

*О проекте музея истории Новгородского государственного
университета имени Ярослава Мудрого
«Остаться в светлой памяти людской»*

Воспоминание о прошлом всегда поучительно. Прошлое — это, прежде всего, люди. И вспоминать людей минувшего времени — живая пища ума и тихая радость сердцу.

Проект «Остаться в светлой памяти людской», разработанный сотрудниками музея истории НовГУ в 2010 году, стал одним из победителей V конкурса инновационных творческих проектов «Новгородика», организованного Комитетом культуры Новгородской области. Над его реализацией в 2011 году работал творческий коллектив из сотрудников музея истории НовГУ, отдела краеведения областной универсальной научной библиотеки и Государственного архива Новгородской области.

Основной целью проекта явилось изучение некрополя Антониева монастыря, выявление имён людей, захороненных на монастырском кладбище, поиск биографических сведений о них, введение выявленных материалов в научный оборот и создание на их основе электронной базы данных.

Формирование некрополя в Антониевом монастыре, который имел монастырский статус, происходило одновременно с основанием обители в XII веке. Захоронения производились в соборе Рождества Богородицы и вне его стен. Площадь некрополя, изначально располагавшегося за апсидами собора Рождества Богородицы, увеличивалась, и позже, в XVII—XIX вв., захоронения стали производить у южного и северного его приделов. Людей, особо послуживших Богу и монастырю, хоронили в соборе. Из Новгородской первой летописи известно, что здесь были погребены основатель монастыря Антоний Римлянин (†1147), иконописец Анания (†1321), архиепископ Варлаам (†1583). За алтарём собора находили упокоение игумены, в том числе: Андрей (†1157), Олекса (†1162), Моисей (†1187), священнослужители, монашествующие, строители. За исключением редких летописных сведений источники о захоронениях на монастырском кладбище в XII—XVII вв. не выявлены.

Изучение истории кладбища, формировавшегося на протяжении столетий вокруг собора, долгое время не являлось предметом внимания исследователей. Историю монастырского погребального комплекса XVIII — нач. XX вв. удалось восстановить по архивным документам отдела письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ), Государственного архива Новгородской области (ГАО), справочно-энциклопедической и другой литературе. Эти документы, дополняя друг друга, представляют собой уникальный источник сведений о новгородцах, уроженцах других российских городов и иностранцах, которые были захоронены на монастырском кладбище.

Одним из самых содержательных является документ из фондов ОПИ НГОМЗ — «Тетрадь для записи погребённых в Антониевом монастыре, а также новых и обновлённых церковных строений и предметов 1775—1886 гг.» (в дальнейшем — «Тетрадь»)¹.

В ней насчитывается около 90 имён, и первая запись в «Тетради» произведена в апреле 1769 года. Описания в «Тетради» донесли до нас не только имена, фамилии,

Рождественский собор Антониева монастыря в Великом Новгороде

возраст упокоенных, информацию о сословном положении, а в некоторых случаях — краткие биографические данные, которые оказались единственными сведениями об этих людях.

Не менее информативным источником оказалась копия «Метрической книги данной из Новгородской Духовной консистории в Новгородский Антониев монастырь. Часть третья. Об умерших»² за 1890—1905 годы, хранящаяся в ГАНУ и содержащая записи об упокоенных в Антониевом монастыре.

В источнике содержатся сведения о сословном положении, именах и фамилиях, возрасте и причине смерти 39 умерших и погребённых на монастырском кладбище: это воспитанники и преподаватели Новгородской духовной семинарии, священники и монахи, а также купцы, военные, крестьяне. Это единственный документ, в котором указаны имена священнослужителей, совершавших обряд погребения.

Сведения о 24-х захороненных на кладбище Антониева монастыря, многие имена которых нам были известны из упомянутых выше источников, встретились в первом томе книги «Русский провинциальный некрополь» (РПН)³. Эта перепись русских некрополей была составлена сотрудником Московского архива Министерства юстиции В.В. Шереметевским. Инициатором создания книги был великий князь Николай Михайлович Романов — историк, издатель, просветитель и меценат.

Сведения из дореволюционных периодических изданий «Новгородские епархиальные ведомости» (43 тома), «Памятные книжки Новгородской губернии» (57 томов), газеты «Новгородский листок», «Новгородские губернские ведомости», «Церковная жизнь», энциклопедические издания помогли дополнить список упокоенных.

Большинство из тех, кого приняла монастырская земля, являлись монахами, священнослужителями, преподавателями, служителями, воспитанниками НДС.

В XVIII — нач. XX вв. на кладбище были похоронены монахи Антониева монастыря: «*против церковной ризницы недалеко*» **Ванатолиев Симеон (1711(12)—1781)**⁴, племянник бывшего преосвященного Киевского епископа Ванатовича; «*подле палисада близ входных дверей*» монахи **Василий (?—1814)** и **Павел (?—1814)**⁵, внёсшие пожертвования на создание Новгородского ополчения в августе 1812 г.; «*у алтаря придела Преподобного Антония*» **Давид (?—1808)**⁶, семинарский эконом; «*подле придела Антония, против водосточной трубы в 2-х сажнях от крыльца*» казначей монастыря, иеромонах **Дионисий (1795—1880)**⁷, родившийся в дворянской семье. Он состоял в Комиссии о переоценке недвижимых имуществ г. Новгорода от новгородского духовенства. В 1877 году ему было временно поручено управление Антониевым монастырём; «*прямо у входных ворот*» иеромонах **Нектарий (?—1808)**⁸, который в течение 34-х лет был ризничим Антониева монастыря; **Феофилакт (ок. 1842—1904)**⁹, принявший монашество в Троице-Сергиевой лавре, бывший делопроизводителем Миссионерской духовной семинарии Терской области Владикавказской епархии. В Антониевом монастыре он исполнял череду священно-церковного служения, клиросное послушание, вёл делопроизводство, был благочинным.

Последнее пристанище на кладбище Антониева монастыря нашли: выпускник НДС, учитель сельских

училищ Демянского и Валдайского уездов, затем духовник семинарии **Мамонтов Виктор Иванович (1841—1900)**¹⁰ и его сын **Мамонтов Иван Викторович (?—1915)**¹¹ — выпускник Новгородского духовного училища, НДС, который духовной службе предпочёл карьеру военного. Служил в 85-м пехотном Выборгском полку, квартировавшем с 1864 года в Новгороде. Состоял в Обществе вспомоществования нуждающимся воспитанникам НДС, делал в пользу Общества щедрые пожертвования. Участник Первой мировой войны, он погиб на фронте зимой 1915 года. Вдова капитана Мамонтова изъявила желание похоронить мужа в Новгороде, в Антониевом монастыре, рядом с отцом и их дочерью Ларисой. Выпускник НДС **Никифоров Пётр (1760—1812)**¹² был священником новгородских соборов: Софийского, Николо-Дворищенского и Знаменского. Протоиерею Никифорову принадлежит первое монографическое исследование о Софийском соборе (1809) с приложением одиннадцати грамат XVI—XVIII веков, которое было опубликовано И.С. Романцевым в Трудах XV Археологического съезда. Выпускник НДС **Соловьёв Никанор Иоаннович (1843—1910)**¹³ с 1863 по 1865 г. бесплатно обучал детей в Ольховецкой сельской школе. Впоследствии был рукоположен священником Алексеевской церкви Череповецкого уезда, в 1872 по распоряжению епархиального начальства перемещён помощником настоятеля Ольховецкой и Хубецкой церквей Крестецкого уезда. С 1874 по 1879 г. состоял в должности помощника благочинного, был законоучителем в Суриковской народной школе, с 1882 г. — в Полищской земской школе.

После открытия в 1740 году на территории Антониева монастыря духовной семинарии на кладбище стали хоронить учащихся и учащихся НДС. Согласно выявленным данным на монастырском кладбище были похоронены девятнадцать преподавателей НДС и двадцать четыре воспитанника семинарии.

НДС стала своеобразным связующим звеном средневекового духовного просвещения и современного образования в Новгороде, знаменательно, что в её стенах в настоящее время располагаются факультеты гуманитарного института НовГУ, и авторы полагают, что подробный рассказ о преподавателях семинарии будет интересен.

Уроженец Холмского уезда, один из первых выпускников НДС иеромонах **Антоний (1728—1769)**¹⁴ был оставлен в ней преподавателем в классах фары, грамматики, синтаксисы и пиитики. Иеромонах **Вениамин (?—1813)**¹⁵, сын священника, обучался в Тверской семинарии, по завершении учёбы с 1802 года исполнял в ней должность инспектора. В 1810 был перемещён в Хутынский монастырь. С 1811 года преподавал в НДС богословие, греческий язык, риторику, красноречие, был инспектором семинарии.

Сын сельского священника Вольнской епархии **Абрамович Павел Романович (?—1888)**¹⁶ в 1851 году окончил СПДА. За курсовое сочинение на тему «Очерк истории Славянской библии в России» был удостоен степени магистра. В НДС преподавал словесность, латинский и французский языки, Священное писание. Был удостоен звания профессора. С 1867 года исполнял обязанности секретаря Правления НДС. С 1871 года преподавал гомилетiku, назначен инспектором семинарии

и состоял в этой должности до 1884 года, когда указом Синода был уволен по болезни.

Павел Романович обладал энциклопедическими знаниями, был образцовым и опытным педагогом и строгим инспектором. По отзывам воспитанников семинарии, «...более других отличался целенаправленностью и усердием к делу». Статский советник.

Сын священника Могилёвской епархии **Бровкович Николай Стахивич (1824–1899)**¹⁷ в 1843 году окончил НДС по I разряду. Со степенью кандидата в 1846 году окончил СПДА. Духовно-преподавательскую деятельность начал в должности секретаря Правления НДС. В мае 1848 года был определён преподавателем гражданской всеобщей и русской истории, православного исповедания, учения о богослужебных книгах и состоял в этой должности 12 лет. В 1859 году Н.С. Бровкович был переведён на должность преподавателя греческого языка и в разное время преподавал немецкий язык и математику.

С 1856 года Николай Стахивич был членом комитета церковно-исторического и статистического описания новгородской епархии; с 1863 года — членом комитета по преобразованию духовных училищ; в 1867 и 1868 годах исполнял обязанности инспектора семинарии, состоял членом семинарского правления. С 1879 года он возглавил кафедру греческого языка во 2-м и 3-м классах семинарии и в этой должности состоял до 25 августа 1893 года, когда подал прошение об увольнении от службы по состоянию здоровья.

Н.С. Бровкович был в числе педагогов, составляющих основную фонд семинарии. Службе в НДС он посвятил 46 лет своей жизни. Часть своего досуга Бровкович уделял литературным трудам, им было подготовлено несколько статей в журнал «Христианское чтение» и отдельно издано «Пособие к чтению Гомера по Фрейду».

В течение длительного времени Николай Стахивич исполнял поручения семинарского и епархиального начальства: производил ревизии духовных училищ, с 1881 по 1887 гг. состоял секретарём Новгородского дворянского депутатского собрания, распоряжением губернского начальства статский советник Н.С. Бровкович был утверждён заседателем Новгородской дворянской опеки. Он был избран почётным мировым судьёй, состоял гласным Новгородской городской думы. За отлично-усердную службу Николай Стахивич был награждён всеми доступными по должности знаками отличия до чина статского советника и орденом св. Владимира 3 ст. Упокоен вблизи храма Божьей Матери и Преподобного Антония Римлянина «в виду дорогой ему семинарии».

Сын причетника с. Дрегели Тихвинского уезда **Вольский Иван Иванович (1839–1909)**¹⁸ окончил Тихвинское духовное училище, затем НДС. Поступил в СПДА, курс которой окончил в 1865 году со степенью кандидата богословия. Курсовое сочинение написал на тему: «Разбор учения Римской церкви об условиях действительности таинств — „Ex ore operato“». В том же году его назначили преподавателем латинского языка и катехизиса в Александро-Невское духовное училище. По определению педагогического собрания Правления НДС, утверждённому Высочайшеосвященнейшим митрополитом Исидором, И.И. Вольский был переведён преподавателем латыни в классы среднего отделения семинарии, в 1870 году — латинского языка и педагогики во всех классах семинарии.

Гедевский Андрей Васильевич¹⁹ родился в 1848 году в Лодейнопольском уезде Олонецкой губернии. В 1873 году окончил Олонецкую духовную семинарию, в 1877 — СПДА со степенью кандидата и правом на получение магистерского звания. В том же году стал преподавателем общей и русской церковной и библейской истории НДС, в младших классах вёл уроки немецкого языка. Один из заметных деятелей семинарии. Из воспоминания С.М. Смирнова, выпускника НДС: «*Андрей Васильевич (Гедевский), всегда тщательно одетый, чисто выбритый, с густыми усами, вёл свой предмет аккуратно и основательно. В 5 и 6 классах он стремился дать учащимся такие сведения по предмету, которые не были в учебнике.*»

Коллеги отмечали благородство, ум, доброжелательность Андрея Васильевича.

Андрей Гедевский был членом педагогического собрания семинарии и Епархиального училищного совета, занимался исследовательской и миссионерской деятельностью.

Статский советник, он был награждён орденом св. Анны 2 ст. В январе 1913 года в Новгороде было создано Новгородское церковно-археологическое общество, целью которого было изучение церковно-религиозной жизни края, охрана церковных древностей и образование церковно-археологического древлехранилища. Как человек, увлечённый церковной историей А.В. Гедевский принял активное участие в организации общества и занял в нём пост заместителя председателя, был членом Новгородского общества любителей древности, участвовал в организации и заседаниях XV Археологического съезда в Новгороде.

А.В. Гедевский — автор нескольких работ по церковной истории древнего Новгорода: «Начало христианства в Новгороде. Учреждение новгородской епархии», «Иерархическое положение владык в Новгороде: отличия, в различное время представленные им», где обозначил общие замечания и различия между русскими монастырями, титулами их настоятелей, начиная со второй половины XII в., более подробно раскрыл историю новгородских монастырей и наделение их особыми привилегиями. А.В. Гедевский являлся одним из авторов «Каталога Новгородского Епархиального Церковного Древлехранилища» (Новгород, 1916).

Голинский Николай Григорьевич (?–?)²⁰ среднее образование получил в НДС. Выпускник СПДА 1851 года со званием кандидата. С 1852 по 1865 преподавал в высшем отделении НДС всеобщую и русскую историю, археологию, литургику, каноническое право и библейскую историю во 2-м классе среднего отделения.

Добронравов Тимофей Ефимович (?–?)²¹, выпускник НДС 1829 года по I разряду. Со званием магистра окончил в 1833 году СПДА. Магистерское сочинение писал на тему «Историческое известие о праздниках российской церкви, кроме известных». Был назначен в НДС преподавателем математических наук и еврейского языка. С 1841 года преподавал алгебру, геометрию, пасхалию, физику, естественную историю, сельское хозяйство и французский язык.

Долговский Глеб Михайлович (?–1872)²² окончил НДС в 1861 году по I разряду, в этот же год был зачислен в СПДА. После её окончания в 1865 году служил преподавателем в Могилёвской духовной семинарии. В 1869 году

был переведён в НДС, где преподавал Священное писание. Избирался членом правления НДС.

Жураховский Феофан Яковлевич (1813–1859)²³, сын сельского священника из Волынской губернии. Окончил Волынскую духовную семинарию в 1839 году — СПДА, со званием старшего кандидата, получив назначение в НДС преподавать библейскую и общую церковную историю, основы церковных законов, Священного писания и канонического права. В 1846 году Ф.Я. Жураховский был избран секретарём семинарского правления. В 1847 году рукоположен священником новгородского кафедрального Софийского собора.

Кудрявцев Нил Григорьевич (1834–1902)²⁴ родился в семье протоиерея Псковской епархии. В 1865 году окончил СПДА и в 1866 году определён в НДС преподавателем математики, греческого языка и правил исповедания. С 1870 года вёл физико-математические науки в первых четырёх классах семинарии, занимал должность инспектора НДС. В 1873 году Н.Г. Кудрявцев был удостоен степени магистра за богословское сочинение «Теория религии с антропологической точки зрения по учению новейших русских энциклопедистов». По поручению Центральных Органов Высшего Духовного Управления в России в 1885 г. Н.Г. Кудрявцев принимал участие в составлении учебных программ для курса духовных семинарий по алгебре, геометрии, физике и пасхалии. С 1890 года он участвовал в экзаменационной комиссии на звание учителя церковно-приходской школы.

Уроженец города Боровичи **Николаевский Николай Васильевич (1842–1897)**²⁵ — воспитанник НДС. В 1871 году окончил СПДА со степенью кандидата богословия и правом получения степени магистра. Был определён в Тверскую духовную семинарию преподавателем по классу Священного писания. В 1872–1873 годы — помощник инспектора НДС. В 1873 году переведён в Вильно, был преподавателем в литовской семинарии по классу Священного писания и законоучителем Виленского женского училища духовного ведомства. В 1874 году рукоположен в сан священника. С 1878 года Н.В. Николаевский был назначен помощником инспектора НДС и священником семинарии.

Портанский (Партанский) Павел Васильевич (?–1802)²⁶ — родом из Кривина. Обучался в НДС, затем в СПДА, где был оставлен учителем информатории и инспектором. С 1800 года — учитель риторики и инспектор НДС. Умер от чахотки. Погребён на кладбище Антониева монастыря «против алтаря Иоанна Богослова».

Пеньковский Григорий Петрович (?–1902)²⁷ — выпускник НДС 1859 года по первому разряду. В 1863 году со степенью магистра окончил СПДА. Вернулся в Alma mater в качестве преподавателя. За почти сорок лет работы в духовной семинарии он преподавал Священное писание, греческий и латинский языки, герминевтику, русскую гражданскую историю.

Пеньковский Иван Петрович (?–1886)²⁸ — выпускник НДС 1863 года по первому разряду. В 1867 году окончил СПДА. За курсовое сочинение «Историко-критическое обозрение философских начал нравственности с христианской точки зрения» был удостоен степени магистра. Назначен преподавателем обличественного богословия в НДС. Статский советник. И.П. Пеньковский был гласным Новгородской городской думы, состоял членом исполнительной комиссии городской управы.

Раевский Василий Адрианович (1848–1910)²⁹ начальное образование получил в Кирилловском духовном училище. В 1871 году одним из лучших, со званием студента окончил НДС, за казённый счёт был направлен в СПДА. По завершении учёбы в 1875 году в степени кандидата с правом получения магистерского звания вернулся в семинарию, где на протяжении 35 лет служил преподавателем немецкого языка, педагогики, возглавлял кафедру философии и психологии. В.А. Раевский состоял членом Епархиального Училищного совета, членом педагогического собрания, секретарём Правления семинарии, делопроизводителем Строительного комитета при возведении нового здания семинарии. В 1884 году по поручению Учебного комитета при Св. Синоде участвовал в составлении программ по истории философии и дидактики. Работы В.А. Раевского «Очерки по истории философии» и «Записки по психологии» были одобрены в качестве учебного пособия для семинарии. Несколько публицистических статей Василия Адриановича были опубликованы в 1870–1880-е годы в «Церковно-общественном вестнике».

Заведовал образцовой церковно-приходской школой при НДС. Имел знаки отличия до чина статского советника и орден св. Владимира 4 ст. включительно.

Выпускник НДС С.М. Смирнов в своих воспоминаниях писал: *«Василий Адрианович Раевский преподавал ряд важных и серьезных предметов: философию, логику, психологию, педагогику. По внешности это был высокий и громоздкий старик, малообщительный и суровый. Не носил новой форменной одежды и в классе появлялся в скромном старомодном форменном фраке с гербовыми пуговицами. Зимой в морозные дни в класс приходил в огромной шубе. С учениками в лишние разговоры не вступал и был краток. <...> Впрочем, преподавал Василий Адрианович чётко, размеренно, хотя и без особых пояснений. До сих пор хорошо помню, как на уроках психологии он ясно и доказательно рассказывал о работе подсознательной памяти».*

Скончался 12 января 1910 года, отпевание состоялось в ц. Сретения в Антониевом монастыре, «гроб с телом покойного несли товарищи и питомцы семинарии».

Руженцов Василий Иванович (?–1891)³⁰ родился в семье священнослужителя Смоленской губернии. Выпускник Смоленской духовной семинарии. В 1853 году со званием кандидата окончил СПДА. Получил назначение преподавателем всеобщей и русской гражданской истории, греческого языка, учения о богословских книгах в НДС. В семинарии прослужил 38 лет, пользовался общей любовью и уважением за свой образцовый педагогический такт и отеческое отношение к воспитанникам. По воспоминаниям учеников НДС, В.И. Руженцов — *«человек благороднейшей души, прекрасно знавший свой предмет, увлекательно передававший исторические факты и с замечательной тщательностью относившийся к письменным работам учеников».*

Соловьёв Василий Васильевич (?–1808)³¹ родился в г. Дмитров в семье пономаря. В 1794 году поступил в Дмитровскую духовную семинарию, по окончании которой в 1801 году был направлен на службу в Новгородскую епархию. В 1806 году Соловьёв назначен в НДС учителем высшего латинского и немецкого классов, в 1808 г. переведён учителем низшего риторического класса семинарии.

Туберозов Константин Яковлевич (1827–1901)³² родился в семье причетника в селе Суглица Устюженского уезда Новгородской губернии. Начальное образование получил в Тихвинском духовном училище, среднее — в НДС, как первый ученик в 1847 г. был направлен в СПДА. Курсовое сочинение написал на тему «О монашестве». По окончании академического курса по первому разряду, в сентябре 1851 года, К. Туберозов был определён в НДС преподавателем физики, алгебры, пасхалии и герминевтики, назначен экономом семинарии. В декабре 1852 возведён в степень магистра богословия. Указом Святейшего Синода получил присвоенный степени магистра золотой крест.

В 1868 году был определён настоятелем Николо-Дворищенского собора, рукоположен в сан священника. Оставлен в должности преподавателя НДС до 1876 года. Был удостоен должности профессора математики. До 1888 года — законоучитель в реальном и Николаевском городских училищах.

В 1874 году К.Я. Туберозов был возведён в сан протоиерея, утверждён в должности благочинного. Являлся членом Епархиального Училищного совета, Правления семинарии, Консистории, Новгородского губернского статистического комитета, Братства Святой Софии, принимая самое широкое участие в церковной, учебной и административной жизни Новгородской епархии.

Он участвовал в благоустройстве Никольского собора и приписанных к нему церквей.

Заслуги К.Я. Туберозова были отмечены наградами. В 1857 году он получил бронзовую медаль на Владимирской ленте в память Крымской войны 1853–1856 гг. В 1863 году за отлично-усердную и полезную службу в семинарии Всемиловейшее пожалован орденом св. Анны 3 ст., имел все ордена до св. Владимира 3 ст., награждался палицей в 1893 году, Библией в 1894 году, выданной от Святейшего Синода за особое усердие и ревность в деле благоустройства церковно-приходских школ. Имел медали: в память Императора Николая I, Александра III. В 1885 году Указом Департамента Герольдии Правительствующего Сената он был утверждён в потомственном дворянском достоинстве.

Умер К.Я. Туберозов 18 февраля 1901 года, отпевание было совершено в Никольском соборе Преосвященным Викарием Арсением, Епископом Кирилловским, в «*созужении целого сонма городского духовенства, при множестве народа*». Похоронен в семейном склепе на кладбище монастыря Преподобного Антония Римлянина.

Успенский Степан Александрович (?–1903)³³ родился в семье псаломщика в селе Фёдоровка Весьегонского уезда Тверской губернии. Начальное образование получил в Краснохолмском духовном училище, затем окончил Тверскую духовную семинарию, СПДА. Кандидатская работа С.А. Успенского была посвящена философской системе Лотца. В декабре 1891 года Успенский был определён преподавателем догматического, нравственного и основного богословия в НДС. Помимо преподавания своих предметов, Степан Александрович преподавал греческий, французский, еврейский языки.

В разное время он исполнял в НДС должности инспектора семинарии, помощника инспектора.

В XVIII — начале XX века в Антониевом монастыре хоронили людей, сыгравших заметную роль в развитии города, внесших достойный вклад в его благоустройство,

развитие экономики, здравоохранения, общественного призрения, имена которых достойны уважения и памяти потомков.

Пискулин Иван Семёнович (?–1789)³⁴, новгородский купец 2-й гильдии, заседатель городского магистрата в 1778 году, занимал должность городского головы, на момент введения Городового положения 1785 года.

Стопников Егор Васильевич (?–1789)³⁵, новгородский купец 2-й гильдии, являлся ратманом (выборным членом) губернского магистрата.

Благими делами на пользу родному городу оставила добрую память в сердцах новгородцев семья Сметаниных. **Григорий Максимович Сметанин (1845–1900)**³⁶, купец 1-й гильдии. С 1878 года до конца жизни он состоял гласным Новгородской городской думы, был членом губернского по земским и городским делам присутствия, на котором рассматривались самые различные вопросы жизнедеятельности губернии и города: финансовые, проведение ярмарок, переименования улиц, вопросы образования и другие. Он был директором Городского общественного банка, членом Новгородского уездного земского собрания, почётным мировым судьёй по Новгородскому уезду.

В 1893 году потомственный почётный гражданин Г.М. Сметанин избран городским головой. В годы пребывания в этой должности по его инициативе и материальной поддержке были открыты городской родильный приют и бесплатная городская амбулатория. В 1893 году на открытие народных чтений, задуманных местной интеллигенцией, Сметанин подарил деньги на приобретение для них картин и изготовление скамеек в зале городского училища на Ярославовом дворище. Его стараниями в 1894 году был открыт городской ломбард, учреждена сберегательная касса для служащих канцелярии городской управы, сиротского суда, городского банка и ломбарда, изданы обязательные постановления о воскресном отдыхе приказчиков. Вместе с губернским земством городская управа участвовала в устройстве в Новгороде инфекционной больницы на Яковлевской улице. Одной из важных инициатив Григория Максимовича было открытие в Новгороде в 1895 году Дома трудолюбия, на который он пожертвовал 2,5 тысячи рублей. При Сметанине было устроено электрическое освещение в Кремле. В 1896 году в городе сооружены образцовые скотобойни с очистными сооружениями. В 1897 году Григория Максимовича переизбрали городским головой на второй срок. Одним из важнейших дел этого периода стало сооружение городского водопровода, торжественное открытие которого состоялось в ноябре 1899 года. По инициативе Григория Максимовича в Новгороде был устроен первый фонтан. Будучи городским головой, Сметанин уделял много внимания вопросам общественного призрения и благотворительности, заботился о содержании городской богадельни, Петровского сиротского отделения, Таировского приюта, на свои средства построил мощённую булыжником дорогу вдоль Волхова в Хутынский монастырь. Григорий Максимович был членом местного управления Российского общества Красного Креста, почётным смотрителем городского трёхклассного училища, почётным блюстителем городского мужского приходского училища на Торговой стороне, членом уездного училищного совета, действительным членом Общества вспомоществования недостаточным ученикам

НДС. Все эти должности полагали не только управление, но и вложение личных средств в их содержание, на строительство нового здания женской прогимназии он пожертвовал земельный участок и две тысячи рублей. Разносторонняя и полезная деятельность Григория Максимовича была отмечена множеством наград — он имел все золотые медали, включая Андрея Первозванного и орден св. Станислава 2 ст.

Скончался Г.М. Сметанин 10 января 1900 года. Согласно завещанию похоронили его на кладбище Антониева монастыря.

Спустя десять лет после смерти уважаемого общественного деятеля Нил Иванович Богдановский — издатель газеты «Волховский листок» — написал на её страницах: *«Без преувеличения смело можно сказать, что Григорий Максимович Сметанин всегда может служить путеводной звездой для ныне здравствующего и будущих городских голов к честному и бескорыстному служению родному городу и высокогуманной помощи неимущим всех рангов, чинов, званий и положений...»*. Немногие после их ухода от дел удостаивались такой высокой оценки.

Дочь Г.М. Сметанина **Ольга Григорьевна (1880–1911)**³⁷ была замужем за Леонидом Иоакимовичем Стальновым. Потомки знатных купеческих династий унаследовали от родителей не только торговые и производственные дела и недвижимые имущества в разных частях Новгорода, но продолжили благотворительные традиции. Ольга Григорьевна организовала в 1903 году бесплатную Некрасовскую библиотеку в собственном доме на Разважской ул., была членом правления и секретарём народного университета. Большое участие она принимала в учреждении и организации «Общественного (народного) клуба», где для новгородцев проводились лекции на исторические темы, по точным наукам, мероприятия по ознакомлению с новыми литературными изданиями, устраивались выставки новгородских художников, встречи, вечера памяти. Она состояла попечительницей 4-го городского женского училища, Общества пособия недостаточным учащимся учебных заведений Новгорода и Новгородской женской гимназии. Горячо интересовалась улучшением гимназической библиотеки, оказывала материальную помощь в пополнении её фондов. Ольга Григорьевна умерла совсем молодой, едва перешагнув тридцатилетний рубеж. В марте 1911 года газета «Новгородская жизнь» поместила некролог и напечатала речи, произнесённые на похоронах и панихиде памяти *«лучшей гражданки Новгорода»*. Пожалуй, ни одна женщина в Новгороде в эти годы не удостаивалась такого поклонения. Свою короткую жизнь Ольга Стальнова наполнила благими делами на пользу родного города.

Она скончалась 4 марта 1911 года, была погребена на кладбище Антониева монастыря рядом с отцом.

На дочери Г.М. Сметанина, Александре, был женат **Романцев Иван Степанович (1882–1917)**³⁸. Выпускник Санкт-Петербургского императорского историко-филологического института, он преподавал в мужской классической гимназии. В 1909 году был избран в городское управление: гласным думы и членом управы, в марте 1910 года — председателем Новгородского сиротского суда, спустя год возглавил деятельность городской хозяйственной комиссии. В должности члена Новгородской городской управы (1913–1914) заведовал её канцелярией и вёл делопроизводство, отвечал за своевременное

составление докладов, ведение журналов заседаний думы и направлял их на утверждение губернатору, ведал городскими училищами, проведением торгов, составлением контрактов, разрешением на право частных построек, справочными ценами, медицинским и санитарным состоянием города, свалками, осмотром извозчиков, проверял важни, скотобойню, водопровод, ломбард. В 1913–1916 годах состоял в Новгородском губернском статистическом комитете, гласным Новгородского уездного земского собрания, в 1916 г. — в Новгородском уездном по военному налогу присутствии. Значительное внимание уделял деятельности учебных и образовательных учреждений Новгорода: в 1913 году был представителем от думы в реальном училище, в совете народной библиотеки-читальни в память Н.А. Некрасова, в 1913–1916 гг. — попечителем 2-го мужского высшего начального училища (первого) и в 1915–1916 гг. — Новгородского уездного училищного совета. Иван Степанович Романцев в 1915 году был избран заместителем городского головы, 11 мая 1916 года — головой Новгорода.

Гуманитарное образование позволило И.С. Романцеву профессионально заниматься историей древнего Новгорода. Он деятельно трудился в историко-краеведческих обществах: был заместителем председателя НГУАК (1913–1916), членом правления НОЛД (1910–1915). В 1913 году в библиотеке Софийского собора обнаружил рукописное описание Софийского собора, составленное в 1808 году священником Петром Никифоровым; по плану, хранящемуся в ризнице Софийского собора, установил место 28 погребений в соборе. С 1911 года он состоял в комиссии по заведованию делами музея от Новгородской городской думы, в 1913 г. возглавил её деятельность. Романцев работал в комиссиях НОЛД по охране стен Детинца, открытию фресок в церкви Фёдора Стратилата, организации экскурсий, участвовал в редактировании 2-го издания «Путеводителя по Новгороду» В.П. Ласковского. На средства Ивана Степановича в 1913 году были изданы три серии художественных открыток по Новгороду. В 1911 издал алфавитный указатель «О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии».

Был похоронен на кладбище Антониева монастыря в семейном склепе Сметаниных.

Потомственный почётный гражданин Новгорода, купец **Воронов Григорий Александрович (1830–1910)**³⁹ в течение тридцати лет был гласным Городской думы. Много занимался благотворительной деятельностью: состоял членом Комиссии по управлению Екатеринбургской общиной сестёр милосердия, вице-президентом Губернского тюремного комитета, почётным блюстителем мужского приходского училища. На средства Г.А. Воронова в 1882 году была благоустроена Иверская церковь, приписанная к Никольскому собору. За плодотворную деятельность в Российском обществе Красного Креста новгородскому купцу 2-й гильдии Г.А. Воронову 15 мая 1894 года была пожалована золотая медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Андреевской ленте. Скончался 24 мая 1910 года. Отпевание состоялось в Николо-Дворищенском соборе, похоронен на кладбище Антониева монастыря рядом с сыном и женой **Марией Александровной ([1853]–1900)**⁴⁰. Она возглавляла Правление бесплатной детской больницы, была председателем Екатеринбургской общины сестёр милосердия, членом местного управления Российского общества

Красного Креста. За благотворительную и общественную деятельность в 1892 году награждена Знаком отличия Красного Креста 2 ст.

Новгородский купец **Зимин Константин Павлович (1829–1894)**⁴¹ в должности гласного Городской думы занимался ремонтом мостовой в Троицкой слободе, постройкой моста за Белой башней, спусков к Волхову. Состоял членом-благотворителем в Губернском комитете общества попечительного о тюрьмах.

Новгородский купец **Пирожников Дмитрий Васильевич ([1841]–1911)**⁴² в течение двадцати лет являлся гласным Городской думы, членом Новгородской городской управы, избирался в комиссии городского управления, в торговую депутацию, был санитарным попечителем 1-го участка Новгорода.

Он занимался попечительской деятельностью: был директором Губернского тюремного комитета, старостой тюремной церкви, попечителем Никольского училища, попечительного общества о бедных, Дома Трудолюбия и ночлежного приюта, церковных приходов. Являлся членом Общества вспомоществования недостаточным воспитанникам НДС, уполномоченным и казначеем Императорского православного Палестинского общества. Имел награды: звание — личный почётный гражданин Новгорода с 1905 года, 2 серебряные медали «За усердие» для ношения на шею, 2 золотые медали «Верный страж городской казны».

На монастырском кладбище были похоронены новгородский вице-губернатор, действительный статский советник **Донауров Александр Петрович (1840–1887)**⁴³, находившейся в должности с 1882 года, его брат **Донауров Пётр Петрович (1843–1891)**⁴⁴ — податной инспектор 2-го участка по Старорусскому и Демянскому уездам Новгородской губернии при Казённой палате. Представители древних русских дворянских фамилий: **Болкашина (Балкашина) Елизавета Петровна (?–1787)**⁴⁵, **Завалишин Михаил Иванович (?–1795)** и супруга его **Мария Фёдоровна (?–ноябрь 1786)**⁴⁶, имевшие земельные владения в Налюцком погосте Старорусского уезда; начальник комиссариата **Бизеев Николай (?–1814)**⁴⁷; дворянин, крупный землевладелец Старорусского уезда, полковник **Щеховской (Шаховской) Иосиф Дмитриевич (1802–1884)**⁴⁸; **Дирин Илья Алексеевич (?–1794)**⁴⁹, владевший значительными земельными угодьями в Старорусской и Крестецком уездах, назначенный в 1777 году председателем созданного Старорусского уездного суда. В 1795 году «за алтарём, подле отца своего» была погребена дочь Дирина И.А. — Александра, жена Матвея Михайловича Алсуфьева; **Свиньин Юрий Павлович (1836–1892)**⁵⁰, выпускник Морского кадетского корпуса, служба которого началась в 1852 году на фрегате «Паллада», совершившем с дипломатической миссией плавание из Кронштадта через Атлантический, Индийский, Тихий океаны к берегам Японии. Впоследствии Ю.П. Свиньин участвовал в экспедициях, которые имели большое значение для науки: были описаны восточные берега Кореи, залив Посьет и южные острова группы Боним-Сима, залив Восток, открыта бухта Гайдамак. Впоследствии он командовал шхуной Сибирской флотилии, служил на Балтике. За службу морской офицер был удостоен орденов: св. Станислава 3 ст. и св. Анны 3 ст. Точное время приезда Юрия Павловича в Новгород не установлено. В течение

семи лет статский советник Свиньин заведовал инспекцией судоходства по реке Волхов и озеру Ильмень отделения Окружного путей сообщения Вышневолоцкой водной системы. Его именем названы мыс и скала на острове Фуругельма, расположенного в юго-западной части залива Петра Великого Японского моря.

В ходе реализации проекта были установлены имена около 200 человек, некогда упокоенных на кладбище в Антоново.

Последнее датированное захоронение относится к осени 1918 года.

В декабре 1918 года СНК РСФСР было принято постановление «О кладбищах и похоронах», согласно которому организация похорон передавалась в ведение местных Советов: гражданские обряды похорон пришли на смену православным.

4 марта 1926 года Малый президиум Новгородского губисполкома принял постановление «О закрытии кладбищ бывших монастырей: Десятинского, Духова, Звериного и Антонова, как находящихся в черте города».

22 октября 1928 года Президиум коммунальной секции Новгородсовета постановил: «Захоронения внутри городской черты на бывших монастырских кладбищах, в настоящее время закрытых, ликвидировать полностью, ликвидировать бесхозные могилы, а также могилы внутри бывших монастырских дворов». Гражданам, подавшим заявление о переносе надгробий родственников с закрытых кладбищ на существующие, в просьбе было отказано.

Постановлением Бюро коммунальной секции Новгородсовета от 1 марта 1930 года предписывалось «*весь металлический лом передать Рудметаллторгу по существующей расценке; мраморные памятники и плиты, сложив на кладбищах под навесы, приступить к их продаже...*»⁵¹.

В настоящее время на кладбище Антониева монастыря сохраняется 63 надгробия, погребальные плиты и их фрагменты, на одиннадцати из них начертано восемнадцать имён и фамилий, тринадцать из которых не встречались в других источниках.

Проведён значительный объём работы по выявлению имён, составлению списка упокоенных, биографических очерков, но возможности продолжения исследовательских изысканий по заданной теме, пополнению новыми материалами потенциально велики.

Участники проекта полагают также, что следующими этапами могут стать ремонт сохранившихся надгробий, подновление стёртых текстов, очистка и укрепление разошедшихся каменных могильных плит, приведение в порядок территории кладбища, его ограждение, решение вопроса об информационной составляющей некрополя.

Реализация вышеперечисленных работ будет способствовать благоустройству кладбища и Антониева монастыря в целом, почитанию выдающихся новгородцев, которые верой и правдой служили на благо родного города, сумели создать и сохранить для потомков Великий город, которым новгородцы гордятся. Архитектурный комплекс Антониева монастыря, включённый в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, наяву предстанет национальной святыней.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ОПИ НГОМЗ Ф. 34. Ед. хр. 3.
² ГАНО Ф. 511. Оп. 1. Д. 1.
³ В.В. Шереметевский «Русский провинциальный некрополь». М., 1914. Т. 1.
⁴ ОПИ НГОМЗ. Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 2.
⁵ ГАНО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 6. Л. 13; ОПИ НГОМЗ Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 10.
⁶ ОПИ НГОМЗ. Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 9об.
⁷ ГАНО. Ф. 416. Оп. 1. Д. 50. Л. 5; ОПИ НГОМЗ. Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 11об.
⁸ ОПИ НГОМЗ. Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 9об.
⁹ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 370б, Л. 8об–9.
¹⁰ НЕВ – 1900. № 18. С. 1118–1120. Виктор Иванович Мамонтов. Некролог.
¹¹ НЕВ – 1915. № 11. С. 370–378.
¹² ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2029. Л. 4об. Д. 2078. Л. 4об–5; ОПИ НГОМЗ. Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 10.
¹³ ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3309. Л. 167об. Д. 3421. Л. 197, 201об.
¹⁴ ОПИ НГОМЗ. Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 2об.
¹⁵ НЕВ – 1899. № 20. С. 330.
¹⁶ Родосский А.С. Биографический словарь студентов первых XXVII-ми курсов Петербургской духовной академии: 1814–1879 годы. СПб., 1907. С. 1.
¹⁷ НЕВ – 1899. № 23. С. 1586–1587.
¹⁸ ГАНО. Ф. 104. Оп. 2. Д. 282. Л. 160; НЕВ. – 1900. № 22. С. 1429; НЕВ. – 1909. № 37. С. 1033.
¹⁹ ОПИ НГОМЗ КП. ОР. № 30056-270/Кр. 284. Л. 12; НЕВ – 1902. № 19. С. 1127–1128.
²⁰ ОПИ НГОМЗ КП. ОР. № 30056-270/Кр. 284. Л. 12.
²¹ Родосский А.С. Биографический словарь студентов первых XXVII-ми курсов Петербургской духовной академии: 1814–1879 годы. СПб., 1907. С. 139.
²² Родосский А.С. Биографический словарь... С. 141.
²³ Родосский А.С. Биографический словарь... С. 155.
²⁴ Родосский А.С. Биографический словарь... С. 225.
²⁵ НЕВ – 1896. № 24. С. 1811.
²⁶ ОПИ НГОМЗ. Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 8об.
²⁷ Родосский А.С. Биографический словарь... С. 353.
²⁸ ГАНО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 53. Л. 1, 1об; Родосский А.С. Биографический словарь... С. 353.
²⁹ НЕВ – 1900. № 21. С. 1330–1332; НЕВ – 1910. № 4. С. 136–157.
³⁰ Родосский А.С. Биографический словарь... С. 418; НЕВ – 1906. № 32. С. 923–931.
³¹ ОПИ НГОМЗ. Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 9.
³² ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3423. Л. 110–114. Д. 3587. Л. 2об–5об. Ф. 483. Оп. 1. Д. 25. Л. 85об–86; НЕВ – 1901. № 6. С. 414–422; Родосский А.С. Биографический словарь... С. 502.
³³ НЕВ – 1903. № 10. С. 622.
³⁴ ГАНО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 125. Л. 4. Д. 430. Л. 6–6об.
³⁵ ГАНО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 545. Л. 16. Д. 125. Л. 30.
³⁶ Петрова Л.А. Григорий Максимович Сметанин и его благотворительная деятельность / Л.А. Петрова // Петрова Л.А. Из истории благотворительности на Новгородской земле. Великий Новгород, 2006. С. 156–173; НЕВ – 1888. № 16. С. 271; НЕВ – 1900. № 2. С. 123.
³⁷ Секретарь, Л.А. Семья Стальных и история их усадьбы / Л.А. Секретарь // Секретарь Л.А. Дома, события, люди. Новгород. XVIII – начало XX вв. Великий Новгород; СПб., 1999. С. 110–114; Новгородская жизнь – 1911. № 222. С. 1–3.
³⁸ ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1831. Л. 28об.–29, 41об.–42. Оп. 2. Д. 408. Оп. 5. Д. 168; Отчёт за деятельностью Общества Любителей Древности. Сборник НОЛД. Вып. 7. 1914. Июль. С. 154–156, 159, 174, 181, 185–188.
³⁹ Новгородские губернские ведомости, 1894. № 21. С. 1; Волховский листок. 1910 г. 25 мая. С. 1; Секретарь Л.А. / Дома, события, люди (Новгород. XVIII – начало XX века). Великий Новгород, 1999. С. 186, 193, 199, 200; Ирина Савинова. Прогулки по Великому Новгороду. Великий Новгород, 2009. С. 186.
⁴⁰ Новгородские губернские ведомости, 1892. № 22. С. 1; Секретарь Л.А. / Дома, события, люди (Новгород. XVIII – начало XX века). Великий Новгород, 1999. С. 199, 200; Ирина Савинова. Прогулки по Великому Новгороду. Великий Новгород, 2009. С. 186.
⁴¹ ГАНО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 39. 44. Л. 108. Д. 39; НЕВ – 1876. № 21. 15 нояб. С. 401–402.
⁴² ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 807. Л. 3; Д. 1572. Л. 13; Д. 977; Оп. 3. Д. 55. Л. 2, 3; Новгородская жизнь – 1911. № 245. 25 мая. С. 5.
⁴³ ОПИ НГОМЗ. Инв. № 12014 (1–16). Тетр. 13. 1887; ПКНГ, 1883. С. 5; ПКНГ, 1884. С. 5; ПКНГ, 1886. С. 12; ПКНГ, 1887. С. 240; ПКНГ, 1888. С. 19; ПКНГ, 1890. С. 19–20; ПКНГ, 1892. С. 14; Новгородские губернские ведомости, 1882. 9 октября. № 41. С. 1.
⁴⁴ ПКНГ, 1886. С. 9; ПКНГ, 1887. С. 237; ПКНГ, 1888. С. 11; ПКНГ, 1889. С. 10–11; ПКНГ, 1890. С. 10; ПКНГ, 1891. С. 11.
⁴⁵ ГАНО. Ф. 774. Оп. 1. Д. 1. Л. 78, 86, 87; ОПИ НГОМЗ. Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 5; Энциклопедический словарь в восьмидесяти шести томах. Том 4. Ауто-Банки. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Полрадис. Санкт-Петербург, 1995. С. 812.
⁴⁶ ОПИ НГОМЗ. Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 5, Л. 8об.
⁴⁷ ОПИ НГОМЗ. Ф. 34. Ед. хр. 3. Л. 10.
⁴⁸ Список дворянских родов Новгородской губернии, внесённых в родословную книгу с 1857 по 1 января 1910. Составлен Новгородским губернским предводителем дворянства князем П.П. Голицыным. Новгород, 1910 г. Ч. 2 4/284.
⁴⁹ ГАНО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 4. Л. 1. Д. 114. Л. 13об, 16, 30об. Д. 220. Л. 1.
⁵⁰ Свинин Юрий Павлович : [электронный ресурс] // Город Владивосток в цифрах и фотографиях: [сайт] – URL: vladcity.com/people/people18/svinin/ (18.10.2011); Лит.: Памятные книжки Новгородской губернии на 1879 год – 1892 год.
⁵¹ ГАНО: Ф. Р-248. Оп. 1. Д. 87. Л. 56; Д. 115. Л. 2, Л. 53–54, Л. 111об. Д. 121. Л. 47; Д. 147. Л. 64; Д. 174. Л. 113–114; Д. 179. Л. 25; Д. 185. Л. 188; Д. 232. Л. 258; Д. 252. Л. 39; Д. 258. Л. 95–96; Д. 427. Л. 11, 12, 33; Д. 428. Л. 17, 72; Д. 477. Л. 115; Ф. Р-269. Оп. 1. Д. 260. Л. 10.

У ИСТОКОВ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ

К юбилею И.И. Красова

В 2011 году исполнилось 160 лет с момента выхода в свет книги «О местоположении древнего Новгорода». Но, видимо, по счастливому стечению обстоятельств в этом году случился и другой юбилей — 190 лет со дня рождения Ивана Ивановича Красова — автора этого научного труда. Имя его хорошо известно исследователям новгородских древностей. Биография же Красова неизвестна широкому кругу читателей, отсутствуют специальные работы, посвящённые этому выдающемуся исследователю. А имеющиеся о нём сведения крайне отрывочны и укладываются, как правило, в рамки скудных словарных статей. И незаслуженно мало говорим мы о человеке, имя и судьба которого навеки связаны с Великим Новгородом. Публикация посвящается этому выдающемуся исследователю, педагогу.

«О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА»

Как мы уже упоминали, исследователям, занимающимся изучением исторической топографии средневековых русских городов, имя Ивана Ивановича Красова хорошо известно по книге «О местоположении древнего Новгорода», вышедшей в свет в 1851 году. Эта книга является теми самыми истоками, обращение к которым так характерно для современного этапа развития гуманитарных наук. И особенно приятно осознавать, что эта, по сути, первая в России специализированная историко-топографическая работа посвящена Великому Новгороду.

Впервые вопросы исторической топографии привлекли внимание исследователей ещё в самом начале XIX века. Так, в 1808 г. были предприняты первые попытки исследования топографии Новгорода новгородским архиепископом Евгением (Болховитиновым). Для своих рассуждений он использовал не сохранившуюся до наших дней описание 1623 г. А в 1828 г. были опубликованы «Исторические исследования о древностях Новгорода» Николая Назаровича Муравьёва.

И.И. Красов, привлекая более широкий круг источников, рассмотрел устройство древнего Новгорода, дав подробное описание Детинца, а также пяти городских концов, начиная с наиболее древних. В книге приведён алфавитный указатель улиц, а также храмов и монастырей. Автор делает свои историко-топографические построения на основе летописных сведений и актов XVI—XVII вв., при этом каждый используемый им источник подвергается тщательному анализу. Можно уверенно говорить о том, что данный научный труд построен на принципах комплексного источниковедения, которые в современном виде были разработаны лишь во второй половине XX века Валентином Лаврентьевичем Яниным. Вне всякого сомнения,

книга Красова является первым структурированным историческим исследованием по исторической топографии Новгорода. И в каком-то смысле, в методическом плане Красов опередил свою эпоху, словно заглянул в будущее...

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

Иван Иванович Красов был младшим братом известного в XIX в. поэта Василия Красова, магистра русского языка и словесности и участника кружка Станкевича и Грановского. Родился он 28 июля 1821 года в г. Кадникове Вологодской губернии в семье протоиерея, обучался в вологодской семинарии, а затем поступил в Петербургский университет. В 1844 г. получил степень кандидата по философскому факультету, по разряду общей словесности. В 1851 г. защитил магистерскую диссертацию «О местоположении древнего Новгорода», которая была издана в топографии Новгородского губернского Правления.

Один из первых новгородских краеведов, исследователей новгородской истории, Иван Куприянович Куприянов составил рецензию на книгу И.И. Красова. Рецензия была опубликована в журнале «Московитянин». По мнению Куприянова, большим упущением, если не сказать — минусом российского просвещения, являлось то, что научные исследования в провинциальных городах за редкими исключениями не издавались. Провинциальным издательствам было практически невозможно пробиться к публике, и зачастую интересные научные труды так и оставались неизвестными широкому кругу читателей. Книга Красова уникальна вдвойне — это первая монография о Новгороде, к тому же изданная в местной типографии. Рецензент высказывает сожаление о том, что книга, вышедшая из-под станка губернской типографии, уготована участь «остаться неизвестной публике, несмотря на то, что она заслуживает внимания всех ревнителей просвещения».

Среди сильных сторон книги рецензент отмечает подготовленный И.И. Красовым обзор научных работ по топографии древнего Новгорода. Прежде всего речь идёт об «Исторических разговорах о древностях Великого Новгорода» митрополита Евгения (Е.А. Болховитинова) и об «Исторических исследованиях о древностях Новгорода» Н.Н. Муравьёва. Куприянов убеждён, что ни одно из данных сочинений, несмотря на их значимость для изучения истории Новгорода, не может вполне удовлетворить потребности читателя, желающего поближе

Новгородская классическая гимназия.
Открытие XIX в.

познакомиться с топографией древнего Новгорода. Сочинение Н.Н. Муравьёва он признаёт отрывочным и кратким, а труд Е.А. Болховитинова — недостаточно убедительным и содержащим несоответствия указанных сведений летописным данным. Заслуга Красова в том, что он в своей работе тщательно анализирует труды своих предшественников и предпринимает попытку снова разработать тему исторической топографии Новгорода, руководствуясь изданиями Археологической комиссии и имеющихся в наличии памятников древности, «ущелешших от ударов всесокрушающего времени». Куприянов отмечает, что в ходе анализа текстов летописей Красовым выявлен ряд ошибок, допущенных, судя по всему, переписчиками, а не летописцем.

В рецензии Куприянова содержится также и критика. Так, например, он в качестве недочётов данной работы указывает на то, что автор не использовал данные фольклора, который также может быть обширным источником топографических сведений.

Резюмируя свои аналитические выкладки, И.К. Куприянов писал: «*Может быть, с открытием и обнаружением древлепамятников и сыщется что-нибудь такое, что не было известно господину Красову и потребует дополнения — по крайней мере он положил прочное основание топографии древнего Новгорода; руководствуясь его книгою, как Ариадниною нитью, уже нельзя будет заблудиться в лабиринте улиц такого обширного и неправильного города, каков был Господин Великий Новгород...*».

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПУТЬ

Новгородский этап жизни И.И. Красова связан с его педагогической деятельностью. С 1844 г. по 1851 г. он состоял в новгородской мужской гимназии старшим учителем латинского языка, а затем истории. Как человек, искренне увлечённый новгородской историей, он сумел воспитать

интерес к ней и у своих учеников. Один из них впоследствии стал достойным продолжателем дела учителя. Это был Василий Степанович Передольский — известный краевед, собиратель предметов древности, основатель Новгородского общества любителей древностей (1893) и частного музея древностей.

С 1851 по 1861 г. И.И. Красов работал в должности старшего учителя истории в Третьей Санкт-Петербургской гимназии, Патриотическом институте, а также в Первом и Павловском кадетских корпусах. С 1860 г. И.И. Красов состоял действительным членом Императорского Русского Археологического Общества.

С 1861 по 1881 г. он жил и работал в Вологде директором мужской и женской гимназий, директором училищ Вологодской губернии. В 1860-х гг. при вологодской гимназии были открыты землемерно-таксаторские классы для подготовки специалистов по земельным отношениям в период реализации крестьянской реформы. Красов возглавлял их и преподавал латинский и греческий языки.

В 1881 г. он был переведён директором гимназии в Псков, где преподавал историю, а затем был директором училищ Псковской губернии. Скончался И.И. Красов 21 августа 1888 года в Пскове, где и был похоронен в Иоанно-Предтеченском монастыре.

ВОСПОМИНАНИЯ ВОСПИТАННИКОВ

Один из воспитанников И.И. Красова — известный писатель Владимир Алексеевич Гиляровский в своей автобиографической книге «Мои скитания» (1928) оставил нам его словесный портрет:

«Директором гимназии был И.И. Красов. В первый раз я его увидел в классе так:

— Иван Иванович... — зашептал класс и смолк.

Я ещё не знал, кто такой Иван Иванович, но слышал тяжёлые шаги по коридору, и при каждом шаге вздрагивала стеклянная дверь нашего класса. Шаги смолкли, и в открытой двери появился сначала синий громадный шар с блестящими туговицами, затем белая-белая коротенькая ручка, и, наконец, синий шар сделал какое-то смешное движение, пролез в дверь, и, вместе с ним, появилась добродушная физиономия с длинным утиным носом и едва заметными сонными глазами...

Так, стараниями автора «Моих скитаний» Красов и вошёл в историю благодаря своим крупным формам и забавному носу. То, что Красов славился на всю Россию как один из лучших педагогов и преподавателей латыни, юный Гиляровский, наверное, не знал...

* * *

Иван Иванович Красов был одним из выдающихся педагогов своего времени, умел отрешиться от ненужных мелочей и сообщал важнейшее для усвоения каждого предмета, приучая своих учеников к самостоятельному мышлению. Вместе с тем этот талантливый исследователь и в своих научных трудах продемонстрировал прогрессивный взгляд на методы научного исследования. Принципы комплексного источниковедения, на которых базировались его научные построения, в полной мере были разработаны лишь в следующем столетии, а его историко-топографическое исследование, посвящённое Великому Новгороду, и по сей день не утратило своей актуальности.

ДЕДУШКА ГЕНИЯ

3-го февраля 2012 г. (21-го января по старому стилю) исполнилось 135 лет со дня смерти человека, ни в чём особенном, как казалось, себя не проявившего и малоизвестного даже среди почитателей таланта Сергея Васильевича Рахманинова.

Речь идёт о его дедушке со стороны матери, Петре Ивановиче Бутакове, который умер в январе 1877 года, когда Серёже не исполнилось и четырёх лет. Естественно, что у мальчика сохранилось смутное представление об этом периоде жизни в Онеге Новгородского уезда. И, скорее всего, именно поэтому композитор в своих «Воспоминаниях, записанных О. фон Риземаном»¹ и изданных в Лондоне в 1934 году, только лишь упоминает о своём дедушке.

К сожалению, не оставили своих воспоминаний о нём ни дочь Любовь Петровна Рахманинова, ни жена Софья Александровна Бутакова. Да и сами-то они, немало пережившие Петра Ивановича, привлекли внимание музыковедов только тогда, когда стало ясно, что их сын и внук — музыкальный гений. К этому времени Пётр Иванович был уже почти забыт. В воспоминаниях родственников он либо вообще не фигурирует, либо называется вскользь, но зато с прибавлением, что он-де был директором Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса, который располагался в 28 верстах к востоку от Новгорода, рядом с деревней Новоселицы. Однако в списке директоров корпуса со времени его основания в 1834 году фамилия Бутакова не значится.

Происхождение этого семейного предания связано, скорее всего, с генеральским чином Петра Ивановича. Не вдаваясь в подробности военного чиновничества, авторы мемуаров полагали, по-видимому, что уж генерал-то никак не мог быть рядовым преподавателем. Доля истины в этом есть. Однако, во-первых, Пётр Иванович был всего лишь генерал-майором, то есть обладал низшим из генеральских званий. Во-вторых, получил он этот чин как следствие своего рапорта о выходе в отставку в 1866 году. В том году Аракчеевский кадетский корпус переезжал в Нижний Новгород, и Пётр Иванович должен был решить, сниматься ли ему с родового гнезда и переезжать на новое место службы или остаться в Новгородской губернии. Он выбрал второе.

Здесь уместно сказать об одном похвальном обычае того времени. Увольнение уходящего в отставку добросовестного офицера сопровождалось одновременным повышением его в чине, чтобы обеспечить ему более высокую пенсию. Вот так и полковник Бутаков был произведён в генерал-майоры и уволен со службы. Таким образом, он ни дня не работал в корпусе в генеральском чине.

Что же мы знаем о Петре Ивановиче? Родился он в 1810 году в семье подпоручика. Учился в Петербурге, в Павловском кадетском корпусе, откуда был выпущен в 1829 году в чине прапорщика. В составе Гренадерского

Наследного Принца Прусского полка участвовал в подавлении восстания в Польше в 1830—1831 годах, за что был награждён орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и медалью за взятие Варшавы. Имеет также Польский знак

отличия за военное достоинство 4-й степени. В Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус переведён в январе 1837 года. С 1838 года — поручик, с 1841 — штабс-капитан, в 1845 — на должности ротного командира, с 1846 — капитан. В 1849 году женился на Софье Литвиновой. С 1852 — подполковник и с 1857 — полковник. Среди наград за время службы в корпусе — орден Святого Станислава 2-й степени с Императорской короной, орден Святой Анны 2-й степени с Императорской короной, знаки отличия за 20 и 25 лет беспорочной службы, Георгиевский крест 4-й степени и др.

Как человек обыкновенный, Пётр Иванович ничем особенным в родне, кроме генеральского чина, по-видимому, не выделялся. Был рачительным хозяином. Ему приписывается строительство шестикилометровой дороги к западу от имения Онег до Петербургского шоссе, которая существенно сократила путь к Новгороду. Кроме того, как установили исследователи, по распоряжению Петра Ивановича были выложены булыжником первые сто метров этой дороги от господского дома в Онеге².

Когда в 1868 году выходила замуж единственная дочь генерал-майора, он дал в качестве приданого за ней усадьбу Семёново Старорусского уезда³ и прилегающие деревни и земли. С этим имением связано упоминание Бутакова в числе дворян Демянского уезда⁴. Это предполагало наличие здесь имений Петра Ивановича. Однако исследователям имения Бутакова в Демянском уезде не были известны. Загадка разрешилась не сразу. Оказалось, что во время формирования в Новгородской губернии аракеевских военных поселений в первой четверти XIX века «...из части Старорусского уезда, не включённой в округ поселений, а также отдельных волостей Валдайского, Крестецкого и Холмского был образован новый, Демянский, уезд»⁵. В этом уезде и купил Пётр Иванович усадьбу Семёново, а также деревни Новые Дегтяри, Кошели и Чириковщину. По завершении в 1857 году эпохи военных поселений Старорусский уезд был восстановлен в прежних границах, и имение Бутакова, таким образом, возвратилось под прежнее начало.

Полковник П.И. Бутаков.
Конец 1850-х — начало 1860-х годов

Казалось бы, не так уж и мало знаем мы о Петре Ивановиче Бутакове. Однако в этом перечислении фактов и дат не видно живого человека. А ведь он был!

Теперь придётся сделать небольшое отступление.

ГЕНЕРАЛ-ЛИТЕРАТОР

В отечественной военной истории XIX века известны четыре брата Петрушевские, трое из которых были генерал-лейтенантами. Старший из них, Александр Фомич (1826—1904), в десятилетнем возрасте поступил

Учебное здание Аракчеевского кадетского корпуса.
Фото В.Л. Литвина

в Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус, где проучился шесть лет. Был выпущен прапорщиком в 1-ю артиллерийскую бригаду. Военную службу сочетал с литературной деятельностью, в которой весьма преуспел.

Офицерское общежитие Аракчеевского кадетского корпуса.
Фото В.И. Литвина

Начав печататься в «Артиллерийском журнале» в 1857 году, в своих статьях преследовал цель улучшения образования армейских служащих. А в 1869 году Петрушевский издал «Русскую азбуку для солдат» и «Прописи для солдат», вышедшие вскоре вторыми изданиями. Но ещё до этого проявилась его склонность к отечественной истории — в 1866 г. появились «Рассказы про старое время

на Руси, от начала Русской земли до Петра Великого». Книга эта была удостоена первой премии петербургского Комитета грамотности и золотой Киселёвской медали от учёного комитета Министерства государственных имуществ и выдержала множество изданий (последнее принадлежит нашему времени). В 1867 году вышло «Сказание об Александре Невском». Высоких наград удостоены его «Рассказы про Петра Великого и его время» (1871 г.), вышедшие в 1903 году 9-м изданием.

Однако главная заслуга Петрушевского — создание трёхтомной биографии одного из наших великих земляков, Александра Васильевича Суворова, под заглавием «Генералиссимус князь Суворов» (1884). Биография основана на источниках, в значительной части рукописных и бывших дотоле неизвестными. А.Ф. Петрушевскому пришлось обследовать почти все русские архивы и книгохранилища, а также изучить многие сочинения, посвящённые Суворову, на французском и немецком языках. Этот выдающийся труд удостоился большой Макаревской премии Императорской Академии наук.

В 1900 г. к Суворовскому юбилею было составлено второе издание книги, переработанной заново. Кроме того, для широкой публики Петрушевским были составлены «Рассказы про Суворова» (1885), выпущенные в 1903 г. шестым изданием.

Значительное число сочинений о Суворове, на русском и иностранных языках, появившееся к юбилею полководца, заставило Петрушевского исполнить свою заветную последнюю работу — составить «Краткий обзор суворовской литературы», выпущенный за несколько месяцев до кончины.

Во внушительном списке сочинений А.Ф. Петрушевского нас более всего привлекают его пространные мемуары под заголовком «Из моих воспоминаний: в кадетском корпусе»⁶, опубликованные в 129 и 130 томах журнала «Русская старина» в 1907 году. И неспроста: в них Александр Фомич отдал должное своему учителю, герою данной статьи, на всю жизнь привившему юному кадету благородную страсть к истории.

О ПРОФЕССОРЕ «ШАГИСТИКИ И РУЖИСТИКИ» И ПРЕПОДАВАТЕЛЕ ИСТОРИИ

Вот что вспоминает Петрушевский (орфография подлинника изменена незначительно): «Пётр Иванович Бутаков был отличный строевой офицер, что и послужило ему дипломом для поступления в кадетский корпус. Наружность имел он невзрачную, рост небольшой, лицо как бы изрытое оспой, усы, торчащие, как у кота, голову большую, с выпуклыми висками, которые придавали ей не совсем красивую шарообразность».

Согласитесь, что так можно было написать только о человеке, с которым часто общаешься и которому симпатизируешь. Далее автор продолжает: «Говорил Пётр Иванович не красно, спотыкался чуть не в каждом слове и свою шероховатую речь беспреданно уснащал вставкою слова „это“, произнося его „йэто“. Будучи человеком

добрым, он, однако же, был порядочно груб в обращении с кадетами, имел вид суровый, ходил твёрдо, размашистыми большими шагами и раскачивал руками с таким видом, как будто ежеминутно готов был вступить в бой на кулачках. Кадеты всё это подметили, Бутакова передразнивали на разные манеры, особенно копировали, в карикатурном виде, его походку, нахмуренные брови и суровые взгляды, но подметили в нём и другие качества, которые окончательно привлекли к нему наши симпатии.

В курсе кадетского образования едва ли не первое место занимала строевая служба, вернее сказать, фронтовая служба, распадавшаяся на две отрасли, которые получили название „ружистики и шагистики.“ Но в этой службе Бутаков был истинным профессором, учил фронт уверенно, не только рассказом, но и показом, в строю был зорек, малейшую фальшь замечал, как будто был одарён двойным зрением, обиходным и фронтовым; сам, находясь в ротном или батальонном строю, каждое движение, каждый приём, производил безукоризненно, никогда не ошибаясь. По выражению одного из ультра-фронтовиков того времени, хорошо обученный строй уподоблялся оркестру, а безукоризненное фронтовое ученье напоминало „музыку, настоящую музыку“. Мы, кадеты, в нашем фронтовом экстазе, смотрели на это дело почти также, и поэтому не мудрено, что Бутаков победил наши сердца, будучи в упомянутом оркестре если не капельмейстером, то, по крайней мере, первой трубой».

Вскоре после начала службы судьба П.И. Бутакова делает крутой поворот. Человек, не имевший гуманитарного образования, становится по приказу начальства преподавателем истории. То ли оно оказалось проницательным, то ли задатки Петра Ивановича были очевидными.

Дальнейшее повествование А.Ф. Петрушевского настолько интересно, полнокровно и органично, что не нуждается в комментариях. Итак: «Корпусное начальство признало Бутакова способным кроме того и на учительское дело... Так сделался Бутаков учителем истории, не оставляя строевой службы, через несколько лет перешёл на преподавательское дело исключительно, а впоследствии был возведён в „наставники-наблюдатели“.

...Известно, что преподавать этот предмет сподручнее, чем что либо другое, потому что нет ничего проще, как содрать с него наружную оболочку, не затрагивая нутра, и эту внешнюю оболочку пустить в ход под именем самого предмета. Особенно это было верно по отношению к тому времени. Политические науки признавались опасными для государства, как элемент анализирующий, наталкивающий на критику современного положения, а между тем Россия ни в каких моделях не нуждалась и сама могла служить для всех образцом силы, благоустройства и благополучия, а потому преподавание всего вообще, истории же в особенности, должно быть втиснуто в казённую форму и оттуда виться в виде научной проволоки, гладкой, ровной, без сучка и задоринки. Какой же труд — тянуть эту канитель, особенно если научного вступительного ценза не существует? Взять Кайданова⁷, прилежненько подучиться, подмешать к нему позаимствования Шульгина⁸ (чем широковещательнее, тем лучше) и вот маленький курс истории на учебный

год готов. И Бутаков был совершенно прав, взяв для преподавания именно историю. Этот побил того и отнял у него область, тот построил город, сделавшийся впоследствии знаменитым, третий основал новое государство, выгнав первого и умертвив второго, четвёртый предпринял дальний поход и, вернувшись домой, оказался ни причём. И так далее, и так далее. Вот и всё, а если ещё поддолбить хорошененько хронологию, чтобы всякое сколько-нибудь крупное событие сидело в голове крепко и переходило на язык по первому спросу, то ничего больше и не требуется.

У Бутакова хронология и стояла впереди всего, он знал её отлично; лучшие ученики его щеголяли тем же. Дело памяти занимало, значит, первый план; за сим шло качество изложения. В этом последнем учитель талантом не обладал, и слово „йэто“ частенько являлось на выручку, особенно в первые годы. Потом пошло глаже, а красивые по изложению места и фразы стереотипно передавались в разные годы одни и те же.

Другое учительское качество Бутакова заключалось в энергии, горячности, с которыми он читал. Будучи человеком не только военным, но и воинственным, он вдохновлялся подвигами былых героев до смешного. Тогда он ходил по классу крупным шагом, размахивал руками, кидал грозные взгляды и уже тут слово „йэто“ не навёртывалось. Зато выходило другое неудобство: Бутаков не отличался светской ловкостью и, случалось, в азарте зацеплял рукою или ногою стул, стол, классную доску, одно при этом трещало, другое шумно совизгалось с места. Несколько лет спустя, когда я в Петербурге, в Дворянском полку впервые познакомился с „Ревизором“ Гоголя, я расхохотался над внешним сходством Бутакова с учителем, ломавшим казённые стулья во славу Александра Македонского.

Однако же Бутаков, как человек честный и добросовестный, не стоял на одном месте в своей учительской деятельности, а постоянно двигался. Он усердно занимался над приобретением недостававших ему познаний, выписывал много книг и с трудом, за большие деньги, достал литографированные записки не помню какого профессора Петербургского университета. Но так как он не знал ни одного языка и не имел сколько-нибудь серьёзной научной подготовки, то всё его учительское совершенствование шло в ширину, а не в глубину, т.е. приобреталось количество сведений, а дух, смысл — оставались прежние.

Когда несколько лет спустя Бутаков „дослужился“ до звания наставника-наблюдателя по предмету истории и потребовали от него, по существовавшему правилу, что-то в роде диссертации, — он не в состоянии был исполнить этого требования собственными силами. Тему ему соорудил один из бывших кадет корпуса, Макиеев⁹, и сделал это настолько хорошо, что Бутаков получил искомое звание, при чём было, однако, ему замечено, что взгляды его слишком либеральны. Можно представить себе его изумление, при таком реприманде¹⁰ неожиданном!

Вонственность считалась одним из основных качеств Бутакова. Был у него крепостной слуга Никита и пудель Пижон; оба они в юмористических рассказах кадет фигурировали как неперенные сотоварищи Бутакова. Как только пронесётся слух о каких-нибудь замешательствах в Европе, если не в России (иногда

совершенно вздорный, почти всегда неверный), начнутся между нами толки и предположения о войне, в которых непременно приплетут Бутакова и некоторых других. Оказывается, что какой-то кадет слышал от дядьки Бондаренки¹, а тот от дворянина, а тот от Никиты, будто Бутаков подал прошение о переводе его в армию. Другой утверждает, будто Бутаков, успев поотстать от строевой службы, практикуется усиленно в маршировке и ружейных приёмах. Третий говорит, что сам видел (или от такого-то слышал), что Пётр Иванович марширует по комнате из угла в угол, сверкая глазами и поминутно выкрикивает „Никита, точи саблю“; что Никита действительно оттачивает полусаблю барины, как бритву, а Пижон стоит в углу на задних лапах и слегка повиливает хвостом. Военные качества Бутакова усматривались также в разных его привычках и обычаях; утверждалось за несомненное и всем известное, будто он в сотовариществе дьякона Сперанского постоянно от-

Генерал-майор П.И. Бутаков
в последние годы жизни

крывает и закрывает навигацию по реке Мсте, то есть купается в последний раз, когда идущий по реке осенний лёд готовится стать и купается в первый раз, когда лёд на реке весной трогается.

Бутаков не был единицей из самых крупных и к числу корпусных „столпов“ не принадлежал, но он был „хороший человек“ в настоящем смысле, и эта сердечная его сила благотворно влияла во многом и на многих. Я учился у него порядочно, и он частенько звал меня к себе², угощал чаем, пряниками, снабжал

цветной бумагой, картоном, бордюрами, линейками и прочим для моих игр и занятий. Заметив во мне признаки расположения к чтению, он стал давать мне книги и что дальше, то больше, под конец он давал уже такие, что считал нужным предупреждать: „читай, только осторожно, чтобы не заметили, а не то капут твоему чтению, да и мне пожалуй достанется“. Совет этот не пропал бесследно: я соблюдал такую осторожность при чтении, что не попался ни разу.

Для довершения характеристики Бутакова я укажу на один случай, который остался в моей памяти навсегда. Когда класс наш кончил корпусный курс и отправился в Петербург, в Дворянский полк, Бутаков находился в числе провожавших. Он незаметно отвёл меня в сторону, благословил широким крестом, обнял, поцеловал, сунул в руку какую-то бумажку, круто повернулся и отошёл, вытирая скатившуюся слезу. Когда мы уселись в повозки и тронулись в путь, я вынул из кулака бумажку и развернул: это была 5-рублёвая ассигна-

ция... Вот и определяя тут *la valeur intrinseque*³ по надписи!

Много лет спустя, больше 30-ти, жил ещё Пётр Иванович, под конец уже в отставке, в своей деревне⁴. Мы с ним виделись изредка, когда здесь, в Петербурге, когда у него в деревне, и он постоянно говорил мне „ты“.

Браво, Александр Фомич! Благодаря Вам мы сегодня с гордостью читаем: «Моим учителем истории был Бутаков, Пётр Иванович...». И добавляем: «Дедушка великого Рахманинова».

2 марта 2012 г., Великий Новгород

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бернхард Оскар фон Риземан (1880—1934), немецкий музыкальный писатель и дирижёр. Учился в Московском университете и в Германии. Московский знаковый С.В. Рахманинова.

² Горбачевская Т.С. Историческая записка к Генеральному плану реставрации, эскизу первоначальной проработки. 2 октября 1987 г. Новгородская область, усадьба Онег. Главный архитектор проекта Я. Янович. С. 26 // Фонды музея А.С. Аренского, А.К. Лядова, С.В. Рахманинова.

³ Именно здесь 20 марта 1873 года родился С.В. Рахманинов.

⁴ Список дворянских родов Новгородской губернии, внесённых в дворянскую

родословную книгу с 1787 г. по 1 января 1910 года, с приложением списка губернских и уездных предводителей дворянства с 1767 года. Составлен новгородским губернским предводителем дворянства, князем П.П. Голицыным // Новгород, губернская типография, 1910 г. Оглавление. С. V.

⁵ Вязинин И.Н. Старая Русса в истории России // Новгород. Издательство «Кириллица». 1994. С. 112. Грамматические ошибки в цитате исправлены без оговорок.

⁶ Журнал «Русская старина» // Санкт-Петербург, 1907. Т. 129. С. 147—148; Т. 130. С. 156—158.

⁷ Кайданов Иван Кузьмич (1782—1843) — педагог, автор учебников истории.

⁸ Шульгин Виталий Яковлевич (1822—1879) — историк, автор исследований и учебников по истории.

⁹ Макшеев Алексей Иванович (1822—1892) — генерал-лейтенант, писатель, профессор академии Генерального штаба, член военно-учёного комитета Главного штаба. Ученик П.И. Бутакова.

¹⁰ Reprimande (франц.) — выговор.

¹¹ Служитель корпуса.

¹² В это время Пётр Иванович жил в квартире офицерского общежития корпуса.

¹³ Истинная ценность (франц.).

¹⁴ В Онеге.

ОДИН ДЕНЬ В ЗИМНЕМ

ПРЕДЫСТОРИЯ

2 марта 1917 года в Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилёве Николай II отрёкся от престола. Текст Акта об отречении, подписанный Императором и скреплённый подписью министра Двора графа В.Б. Фредерикса, был передан представителям Государственной Думы А.И. Гучкову и В.В. Шульгину.

В этот же день вместо Временного комитета Думы формируется Временное правительство. Возглавил его князь Г.Е. Львов, а А.Ф. Керенский стал министром юстиции.

Ещё через день, 4 марта 1917 г., Временное правительство учредило Чрезвычайную следственную комиссию по делам о бывших министрах¹.

Работать комиссия начала в Зимнем дворце, президиум во главе с Н.К. Муравьёвым заседал «в залах второго этажа запасной половины», как пишет в своих воспоминаниях полковник С.А. Корнев, а основной штат, который занимался непосредственной работой, расположился на третьем этаже.

«Подымаюсь по лестнице, — пишет Корнев, работавший в комиссии с мая 1917 г., — комнаты направо, комнаты налево, — везде строчат, гудят, как шмели, трещат машинки. Десятки судей, прокуроров, председателей судов, палат пристегнуты сюда в качестве профессиональных работников»².

Все эти люди готовили стенографические отчёты допросов. Одним из редакторов, обрабатывающих тексты в литературной форме, был Александр Блок, также начавший работу в Комиссии в мае 1917 г.³

Седьмого числа он приехал познакомиться с Муравьёвым, о чём написал в письме к матери: *«Мы бегло обошли Зимний дворец, который почти весь занят солдатским лазаретом... Версальские масштабы опять поразили меня своей ненужностью. Действительно сильное впечатление произвел на меня Тронный зал, хотя материя со ступеней трона содрана и самый трон убран, потому что солдаты хотели его сломать... Здесь царь принимал первую думу, и мало ли что тут было...»⁴.* (В 1921 г. Блок опубликовал часть документов с комментариями в книге

«Последние дни Императорской власти»).

5 мая было образовано новое Временное правительство, куда вошли представители Совета (первое коалиционное правительство), под председательством князя Львова, Керенский становится военным министром.

8 июля после отставки князя Львова кабинет формирует Керенский.

Став министром-председателем Временного правительства, А.Ф. Керенский в качестве своей резиденции выбирает не просто дворец, а въезжает в Зимний — вместе со всем своим штатом и охраной. Такой выбор не был случайным, для самоутверждения ему нужна была именно бывшая царская резиденция. Этот шаг нового главы государства вызвал протест во всех слоях российского общества и не прибавил ему популярности. Керенского единодушно осуждали и его непримиримые противники, и те, кто ещё недавно во всём его поддерживал. На выпады недовольных он внимания не обратил и из дворца не съехал. Его личная канцелярия разместилась в бывшей приёмной Александра II, а заседания правительства с этого времени стали проходить в Малахитовой гостиной, в которой ещё недавно собирались члены царской фамилии перед торжественными выходами во время праздничных церемоний. В соседней с ней Арапской столовой также кипела работа. Теперь в зале,

Зимний. Белая столовая — место ареста Временного правительства

украшенном цветными мраморными бюстами арапов, стучали на Ундервудах пишбарышни и сновали взад-вперёд с лентами донесений в руках люди в военной форме. Царская библиотека, находящаяся неподалёку, служила теперь новым хозяевам местом для совещаний, а не для отдыха у горящего камина в окружении дубовых шкафов с полным собранием Законов Российской Империи, как это было заведено во время пребывания во дворце последнего императора. Охрана, в основном это были юнкера, помимо помещений дворцовых караулов, заняла половину императрицы Марии Александровны (Малиновый кабинет, Золотую гостиную, Белый зал) и гостиной второго этажа со стороны площади.

В качестве жилых покоев — кабинет, приёмная, гостиная — Керенский выбирает себе бывшие апартаменты Александра III на третьем этаже северо-западного ризалита дворца. Спальня располагалась этажом выше, на антресолях, в небольшой комнате со сводчатым потолком, попасть в которую можно было, поднявшись по узкой лестнице.

Описывая своё посещение Исторических комнат Зимнего дворца зимой 1925 г., бывший член Государственной Думы В.В. Шульгин пишет: «Когда мы проходили мимо большого бассейна для купания, единственная роскошь, которую, кажется, позволял себе покойный Государь (сейчас в этой небольшой комнате, соседней с библиотекой Николая II, разместились библиотека Русского отдела музея — А.К.), мой спутник показал мне винтовую лесенку, убегавшую вверх. И зашептал мне на ухо: „Вот там есть комната, где этот прохвост Сашика Керенский жил...”⁵.

А.Ф. Керенский в библиотеке Николая II в Зимнем дворце

Обосновавшийся во дворце председатель Временного правительства, наверное, не предполагал, что его пребывание в царских палатах будет недолгим и что довольно скоро ему придётся спешно покинуть не только дворец, но и навсегда уехать из России.

ОКТАБРЬ

*Одно событие, вместившееся в сутки
В едином месте пусть на сцене протечёт.*
Никола Буало, «Поэтическое искусство»
(перевод Э. Линецкой)

Событие, произошедшее 25 октября 1917 г. в Зимнем дворце, вполне вписывается в каноны классицистской драматургии.

В советское время Октябрьская революция представлялась главным событием XX века, во время Перестройки переписали учебники и, в результате, получили поколение, которое не слышало имени Керенского и смутно даже представляет себе, кто такой Ленин.

Несколько лет назад учебник истории снова переписали, уже, естественно, без пафоса 1950–1970-х и, как

это ни странно, пришли примерно к тому же, с чего начинали.

«Крейсер „Аврора” громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции. 25 октября (7 ноября) было опубликовано обращение большевиков „К гражданам России”. В этом обращении говорилось, что буржуазное Временное правительство низложено, что государственная власть перешла в руки Советов. Временное правительство укрылось в Зимнем дворце под охраной юнкеров и ударных батальонов. В ночь с 25 на 26 октября революционные рабочие, солдаты и матросы штурмом взяли Зимний дворец и арестовали Временное правительство. Вооруженное восстание в Петрограде победило», — так написано в Кратком курсе Истории ВКП(б), текст которого был принят в 1938 г.⁶

А вот цитата из школьного учебника истории, напечатанного в 2006 г.: «Кутру 25 октября столица, за исключением Зимнего дворца, оказалась в руках восставших. Военно-революционный комитет в обращении „К гражданам России” объявил о взятии власти. В 21 ч 40 мин по сигналу с крейсера „Аврора” начался штурм Зимнего дворца, защищать который собрались небольшой юнкерский отряд и добровольческий женский батальон. В ночь на 26 октября Зимний был занят силами ВРК. Керенский ещё до штурма сумел выехать на фронт. Остальные члены Временного правительства были арестованы»⁷.

В конце октября 1917 г. и без того неспокойная обстановка в городе накалилась до предела, хотя, как многие потом вспоминали, внешне всё выглядело вполне обычно. Большевики ждали удобного момента для свержения Временного правительства и захвата власти. Одним из поводов для начала восстания стало известие о том, что Керенский не только приказал закрыть большевистские газеты, но и вызвал в Петроград военные подкрепления.

Об этом он потом написал в своих воспоминаниях: «Ночь с 24 на 25 октября прошла в напряженном ожидании. Мы ждали прибытия с фронта воинских частей. Я вызвал их загодя, утром 25 октября они должны были быть в Петрограде. Однако вместо войск поступили телеграммы и телефонограммы о блокаде и саботаже на железных дорогах»⁸.

Работавший в Зимнем дворце в Чрезвычайной комиссии (не путать с большевистской ЧК) полковник Коренев пишет: «Двадцатые числа октября. Большевистские рожки и копыта начинают высовываться из-за кулис. Уже слышатся их определенные угрозы и обещания все разнести. И в первую очередь начинает трещать наш Зимний дворец — цитадель Временного Правительства. В связи с грозящей опасностью караул в нашей комиссии увеличивают тогда вдвое, — юнкеров снабжают боевыми патронами и предупреждают быть на чеку. Перед самыми окнами дворца начинается передвижение войск: дефилирует женский батальон, небольшие конные отряды казаков, громыхают орудия. В проходах дворцового здания, на канавках, припрятывается несколько пушек

и пулеметов, — на Дворцовой площади сведены чуть ли не все юнкерские училища»⁹.

Можно назвать точное число, когда происходили все эти передвижения, — это 24 октября. Именно в этот день явился в город 1-й Петроградский женский батальон, сформировавшийся на станции Левашово. Он готовился к отправке на фронт, но в ночь на 24 октября командир батальона штабс-капитан Лосков получил приказ начальника штаба Петроградского округа немедленно прибыть с бойцами в столицу. Уже в полдень женщины-ударницы прошли торжественным маршем по Дворцовой площади, отсалютовав Керенскому, после чего Лосков приказал 2-й роте (137 человек) разместиться в Зимнем дворце для охраны Временного правительства. Выполняя приказ Коменданта обороны Зимнего дворца полковника Александра Георгиевича Ананьева, 24-го днём рота заняла оборону в первом этаже, справа от главных ворот.

Само название «Женский Батальон Смерти» («Мы женщины-солдаты, и нам награда — смерть») — пели ударницы) ассоциируется прежде всего с именем легендарной Марии Леонтьевны Бочкарёвой, известной своими подвигами во время Первой мировой войны и награждённой Георгиевским крестом и тремя Георгиевскими медалями. Именно она в конце июня 1917 г. по просьбе Керенского сформировала Первый Петроградский женский батальон смерти, бесстрашно сражавшийся на Западном фронте.

Как известно, Маяковский назвал защитниц Зимнего дворца «дурами Бочкарёвскими», но мало кто знает, что Вторая рота Первого Петроградского женского батальона не имела отношения ни к самой Марии Бочкарёвой, ни к её солдатам, воевавшим в то время далеко от Петрограда¹⁰.

Батальон доформировали уже после отправки основного состава на фронт, и рота, которую привёл в город штабс-капитан Лосков, ещё не успела поучаствовать ни в каких боевых действиях и, вопреки первоначальному плану, была брошена на оборону Зимнего.

Защищать дворец также были стянуты и другие части: юнкера школы прапорщиков Инженерных войск, Первой и Второй Ораниенбаумской и Петергофской школ, батарея Михайловского и взвод Константиновского артиллерийских училищ и казачий полк.

К утру 25 октября эти силы (всего набралось две с половиной тысячи человек) распределились следующим образом: три сотни казаков, юнкера Инженерной школы и женщины-ударницы заняли первый этаж у Комендантского подъезда. Первая Ораниенбаумская школа несла внутренний караул, Вторая должна была защищать баррикады у Главных ворот, у Дворцового моста и Зимней канавки, а Петергофцам последовал приказ оборонять решётку сада, примыкающего ко дворцу со стороны Адмиралтейства, и в случае необходимости поддерживать защитников баррикад, на строительство которых из сложенных на площади перед дворцом дров были отправлены два взвода юнкеров Инженерной школы.

Кроме вызванных во дворец приказом частей, добровольцами явились около сорока человек инвалидов — георгиевских кавалеров под предводительством некоего штабс-ротмистра, тоже инвалида (по примеру женщин-ударниц, готовых стоять насмерть, инвалиды-добровольцы также формировали свои отряды и возвращались в строй). «Господин полковник (он обратился к Коменданту обороны Зимнего дворца А.Г. Ананьеву — А.К.), — вбегая вприпрыжку в комнату, ещё с порога закричал штабс-ротмистр, — имею честь явиться. Я едва пробился со своими инвалидами георгиевцами. Сволочи нас хотели разоружить, но мы им прописали Кузькину мать. Честь имею явиться, штабс-ротмистр Н. Прошу дать работу. Вы не смотрите, что я одноногий. Я и мои инвалиды в Вашем распоряжении»¹¹.

Кабинет А.Ф. Керенского в Зимнем дворце. После штурма

Явившиеся инвалиды остались оборонять первый этаж вместе с ротой женщин-ударниц, а находившемуся там батальону Инженерной школы было приказано выйти во двор и прикрывать артиллерию — батарею Михайловского артиллерийского училища. Как потом отмечали многие из участников революции, именно эти инвалиды и ударницы действительно стояли насмерть, и только приказ заставил их сложить оружие.

Артиллерийский взвод Константиновского училища, который должен был находиться в резерве во дворе и в случае прорыва оборонять Главные ворота, покинул дворец ещё до начала осады, подчинившись приказу, поступившему от Начальника училища. Но далеко артиллеристам с пушками уйти не удалось — на Невском им преградили путь революционеры на броневиках, отобрали орудия и тут же развернули их в сторону Зимнего. Вслед за константиновцами, несмотря на уговоры и угрозы, ушли и казаки, а чтобы не сталкиваться с юнкерами, они прошли через Эрмитаж и вышли на Зимнюю канавку.

Команда связи, составленная из четырёх человек от каждой части, располагалась в штаб-квартире Коменданта обороны.

В ночь с 24 на 25 октября («24-го — рано, 26-го — поздно») большевики начали вооружённое восстание. В центре же города, в непосредственной близости от Зимнего, по свидетельству очевидцев, даже в это время, буквально за несколько часов до переворота, ничего из ряда вон выходящего не наблюдалось.

Полковник Коренев, который 25 числа, как обычно, с утра уже ехал на работу в Комиссию, записал: *«На улицах все буднично и обыденно: привычная глазу толпа на Невском... по-всегдашнему ходят переполненные трамвайные вагоны, торгуют магазины, переругиваются между собою извозчики... нигде не обнаруживается пока никакого скопления войск или вообще вооруженных отрядов, нигде в свежем морозном воздухе ещё не пахнет порохом. Только уже у самого дворца заметно необычное шевеление: на дворцовой площади передвигаются с места на место... правительственные войска. Их по сравнению со вчерашним днем как будто ubyло, — потом уж я узнаю, что штаб обороны „за ненадобностью“ отправил некоторые военные училища, в том числе и батарею михайловцев, обратно к себе в училища. Но зато Зимний дворец снаружи принял уже более боевой вид: все его выходы и проходы, ведущие на Неву, облеплены юнкерами. Они сидят у ворот и дверей дворца, галдят, хохочут, бегают по тротуару в перегонки. Их здесь примерно сотни четыре человек. Внутри дворца количество их тоже значительно увеличилось».*

По свидетельству Коренева, члены Комиссии продолжали как ни в чём не бывало работать во дворце, не думая ни о какой опасности извне, и настоящий страх их охватил только тогда, когда они вдруг узнали об ультиматуме, предъявленном большевиками правительству — или сдать, или быть погребёнными под развалинами Зимнего. Такой поворот дела стал полной неожиданностью для сотрудников Комиссии, тем более, что ещё незадолго до этого они ходили смотреть на допрашиваемого следователем Александровым В.И. Ульянова-Ленина, который проходил свидетелем по делу депутата Государственной Думы от партии большевиков Малиновского, оказавшегося агентом охранного отделения. Тогда Ленин им «казался всего лишь клоуном от революции — Пуришкевичем навыворот»¹².

Теперь же угроза захвата дворца большевиками выглядела вполне реально, и подтверждением этой угрозы была пришедшая из Кронштадта и остановившаяся у Дворцового моста «Аврора»: *«Её было прекрасно видно из окон».* Здесь следует заметить, что автор записок перепутал название моста. «Аврора» бросила якорь немного дальше, — не у Дворцового, а у Николаевского моста. Но её действительно было видно из угловых комнат северо-западного ризалита дворца. Страх усилился ещё больше, когда поползли слухи о бегстве Керенского. Чувствуя свою ответственность за сохранность ценных документов, собранных Комиссией, и «в целях охраны всего этого исторического богатства от расхищения» президиум Комиссии срочно вынес постановление получить официальные сведения об обстановке в городе. Для этого решено было отправить своего представителя в соседнее здание, где размещался Штаб обороны. Члены Комиссии ради спасения ценнейшего архива (протоколы допросов царских министров и людей, близких ко Двору) даже не исключали возможности *«обратиться за помощью к той силе, которая в данный момент будет хозяином положения, хотя бы этой*

силой оказались и большевики». Явившись в Штаб округа на Дворцовой, чтобы выяснить, как в действительности обстоят дела, Коренев получает заверения командующего войсками округа полковника Полковникова и начальника штаба генерал-майора Багратуни, что у правительства *«сил достаточно, да и Керенский уже утром на автомобиле выехал навстречу подходящим сюда с фронта, вызванным для усиления гарнизона войскам. К вечеру все будет кончено... „Аврора“ стрелять не будет... матросов мы уже почти ликвидировали... Ваши страхи совершенно не основательны».* Оказавшимся волею случая в заложниках работникам Комиссии очень хотелось верить этим официальным заверениям военных чинов, хотя, как они уже прекрасно понимали на тот момент, оснований для веры у них не было почти никаких. Ведь для того, чтобы дойти до кабинета командующего, Кореневу пришлось буквально продираться через толпы юнкеров, пытающихся прорваться в двери, чтобы доложить высокому военному начальству о почти полном отсутствии у них патронов и о невозможности защищаться в случае необходимости. Юнкеров в заветные двери не пропустили — *«начальник штаба устал, подождите до завтра».* «Завтра» — это 26 октября, когда и Штаб, и Зимний будут уже взяты большевиками, и надобность в патронах отпадёт сама собой. А все заверения командующего о том, что ситуация в городе находится под контролем правительственных войск, выглядели и вовсе неубедительно.

Коренев записал: *«Бессилие и малочисленность наших защитников — юнкеров, которым начальство не может даже утешиться выдать необходимые боевые припасы, это очевидное отсутствие во всем деле обороны направляющей воли, эти сонные генералы и их надежды, что если не кривая, то Керенский выручит. А тут ещё все та же проклятая „Аврора“, хитро подмигивающая нам жерлами своих пушек, которые, хотя и не будут стрелять, — как уверяют нас в этом наши полководцы, но все же очень подозрительно смотрят прямо нам в окна».*

Решив не рисковать, члены Комиссии большинством голосов постановили: опечатать материалы в отдельном помещении, а *«самим отправиться по домам и там выжидать, чем вся эта заваруха кончится».* «Около 3 часов (т.е. за три часа до начала осады — **А.К.**) группами выходим из дворца, простившись с нашей остающейся во дворце охраной. Около дворца юнкера по-прежнему веселятся и греются на солнце. Дальше, на Дворцовом мосту, с винтовками в руках, стоят матросы»¹³.

А примерно в это время во дворец вошли американский журналист Джон Рид (автор книги «10 дней, которые потрясли мир») с женой и другом: Луизой Брайант и Альбертом Рисом Вильямсом. Когда охрана их не пустила по «удостоверениям из Смольного» в ворота Собственного сада со стороны площади, они беспрепятственно прошли через такие же ворота с набережной, предъявив американские паспорта. Оставив пальто на Салтыковском подъезде *«швейцарам в синих ливреях с медными пуговицами и красными воротниками с золотым позументом»*, они поднялись по лестнице к кабинету министра-председателя Керенского, естественно, не застали и пошли бродить по дворцу, разглядывая картины в залах, превращённых в казарму. *«Было уже довольно поздно, когда мы покинули дворец»*, — пишет Джон Рид. Они ушли очень вовремя, совсем незадолго до того, как начался захват здания¹⁴. Днём 25-го числа, когда оставалось буквально

несколько часов до полного окружения здания революционерами, ещё не был выработан план обороны дворца и защиты министров. Офицеры, которым уже давно следовало навести порядок в своих частях, вероятно, поддавшись общему настроению, когда никто кругом толком не понимал, что происходит на самом деле, потребовали, наконец, разъяснений, но почему-то не от своих непосредственных командиров, а от Временного правительства.

Офицеры, находящиеся во дворце, желали знать, для чего были вызваны юнкера и какова на самом деле обстановка в городе, сведения о которой отличались полярно. С одной стороны — это мнение высшего военного руководства, с другой — новости, которые поступали во дворец извне. В Главном штабе не видели, а, скорее всего, не хотели видеть никаких поводов для беспокойства, расценивая всё происходящее как очередную вылазку революционеров, в то время как большевистские агитаторы, сумевшие проникнуть во дворец вместе с юнкерами, то входившими во дворец, то выходящими из него на площадь, кричали об обратном, предвещая скорую победу большевиков. В это многие начинали верить, зная уже о спешном отъезде Керенского, который, как шутили казаки, сбежал, забыв захватить с собой ящики, сложенные в коридоре у Комендантского подъезда, а вовсе не сорвался встречать идущие на подмогу части, как уверяли в Штабе.

Итак, министры во главе с А.И. Коноваловым (министром торговли и промышленности Временного правительства, а в этот момент — министром-заместителем — А.К.) явились в Белый зал, чтобы предстать перед своими защитниками. Кроме офицеров, в зале каким-то образом оказалось и несколько десятков юнкеров одной из пригородных школ, которые в отличие от вышколенных «инженеров» (курсантов Школы Прапорщиков инженерных войск) дисциплиной не отличались. По свидетельству очевидцев, этот митинг, продолжавшийся около двух часов, более походил на базар и ни к чему не привёл. Министров, пытавшихся убедить военных, что опасности нет, не слушали, юнкера свистели, кричали, а не желавшие во всём этом участвовать, просто уходили из зала, не в состоянии что-либо сделать или перекричать разошедшуюся молодёжь.

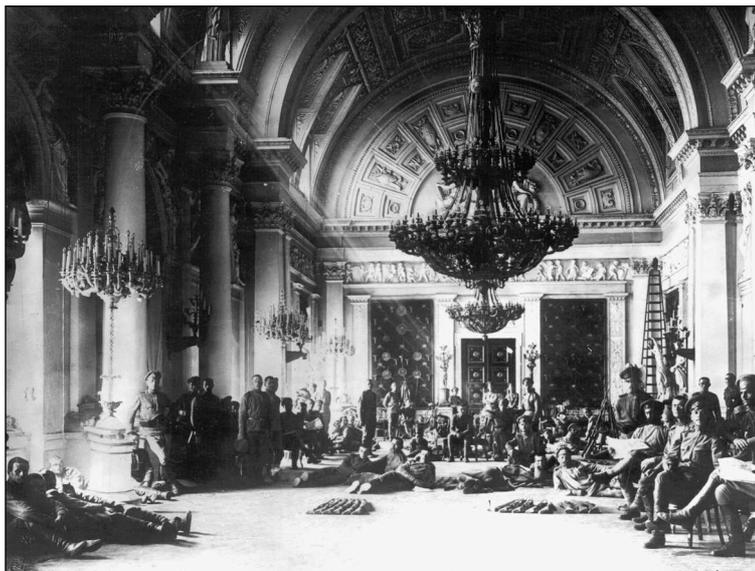
«Вот вы увидите, господин поручик, что за физиономии этих юнкеров: тупые, крупные, грубые. Уже по виду на них вы догадаетесь, что все это от сохи, полуграмотное, невежественное зверье... Быдло!» — докладывал своему командиру с дрожью в голосе один из юнкеров, *«хрупкий, нежный юноша»*. Так описал эту сцену оставивший записки о событиях, происходивших в Зимнем дворце в канун революции, командир роты юнкеров Школы Прапорщиков инженерных войск поручик Александр Синегуб¹⁵.

Наконец, назначенный Главным штабом Комендант обороны Зимнего дворца полковник Ананьев приказал прекратить «шатание по дворцу», не допускать агитаторов к юнкерам, а начальникам частей — рассмотреть план расположения помещений дворца. Необходимо было не просто рассмотреть, а хорошенько изучить этот

план: ведь человеку, впервые оказавшемуся в лабиринтах огромного здания, даже выйти из него без посторонней помощи было невозможно.

И в наши дни, когда дворец уже изрядно перестроен, убраны бесконечные перегородки, внутренние лесенки и многие двери, а десятки мелких помещений превращены в просторные залы, не имеющие под рукой плана здания посетители также с трудом находят нужные им залы или кружат по коридорам в поисках выхода.

На изучение плана дворца времени уже не было и, как выяснилось несколькими часами позже, когда его защитникам нужно было пройти от Комендантского подъезда к выходу на Зимнюю канавку (через здания Малого и

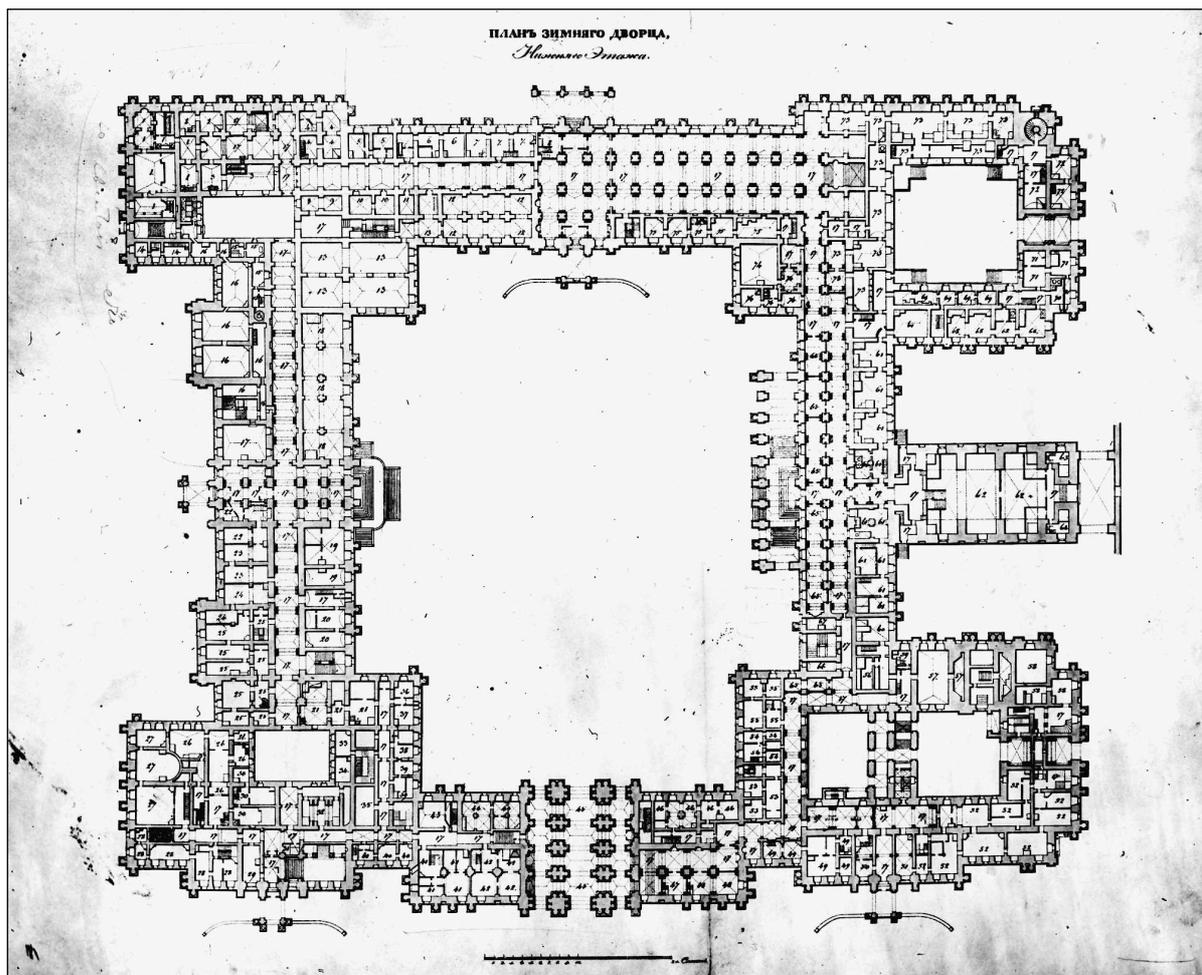
Юнкера в Белом зале Зимнего дворца

Нового Эрмитажа), оказалось, что никто из них не знает дороги. Проплутав бесцельно по коридорам и переходам, они всё-таки выбрались на улицу с помощью насмерть перепуганных дворцовых служителей.

В общем, если судить по воспоминаниям очевидцев, примерно до середины дня 25 числа (это когда большевики уже захватили мосты, вокзалы, телефон, телеграф) неразбериха была полная. Чётких приказаний юнкера и офицеры не получали и бесцельно слонялись по дворцу, спали или просто валялись на тюфяках, набросанных в гостиных второго этажа и в Тёмном коридоре, некоторые были изрядно навеселе, успев отведать вина из царских запасов.

Большевистские же агитаторы, не теряя времени даром, не только сообщали защитникам дворца о победах восставших, о скором захвате правительства, но и вовсе призывали юнкеров бросать оружие, тем самым ещё более усиливая всеобщую суматоху. Как подтверждение слов агитаторов, стрельба в непосредственной близости от дворца становилась всё более настойчивой, к середине дня стреляли уже буквально со всех сторон.

Когда к вечеру 25 октября стало известно, что в руках у Временного правительства остался только Зимний дворец, рота женского батальона и юнкера получили приказ Коменданта обороны выйти на деревянные баррикады перед дворцом со стороны площади.

Дореволюционный план первого этажа Зимнего дворца.

В это время Ленин уже находится на пути в Смольный, где должен начаться II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, а Керенский, покинувший столицу, едет в Гатчину.

В 6 часов вечера революционные войска, стекавшиеся в центр города, начали окружать Зимний дворец, «где окопалось Временное правительство»¹⁶. Руководил восставшими секретарь Петроградского Ревкома В.А. Антонов-Овсенко. Правительственным войскам дважды предъявлялся ультиматум о сдаче, который был дважды отвергнут. Осада дворца продолжалась больше шести часов, за это время его успели покинуть и казаки, и артиллерия, и около двух тысяч юнкеров. К моменту взятия дворца в нём оставалось около пятисот юнкеров.

Около семи часов вечера, когда дворец уже был окружён, состоялся следующий телефонный разговор защитников дворца со Ставкой:

— У аппарата Начсвязверх (начальник связи при Верховном Главнокомандующем — А.К.) полковник Сергеевский.

— Пригласите к аппарату для переговоров поручика Данилевича (офицер для поручений при Керенском — А.К.).

— Нет его.

— Кого-нибудь еще, все равно кого.

— Хорошо, сейчас попробуем найти, если это будет возможно. Сейчас опять начался пулеметный обстрел.

Не можем выйти. Вот поручик Данилевич на счастье. Кто у аппарата?

— У аппарата Генкварверх (Генерал-квартирмейстер Ставки генерал Дитерихс — А.К.). Какие у вас события?

— Разрешите передать телеграмму, адресованную Наштаверху (Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего генералу Н.Н. Духонину — А.К.), которая вкратце осветит Вам положение, а затем я дополню от себя.

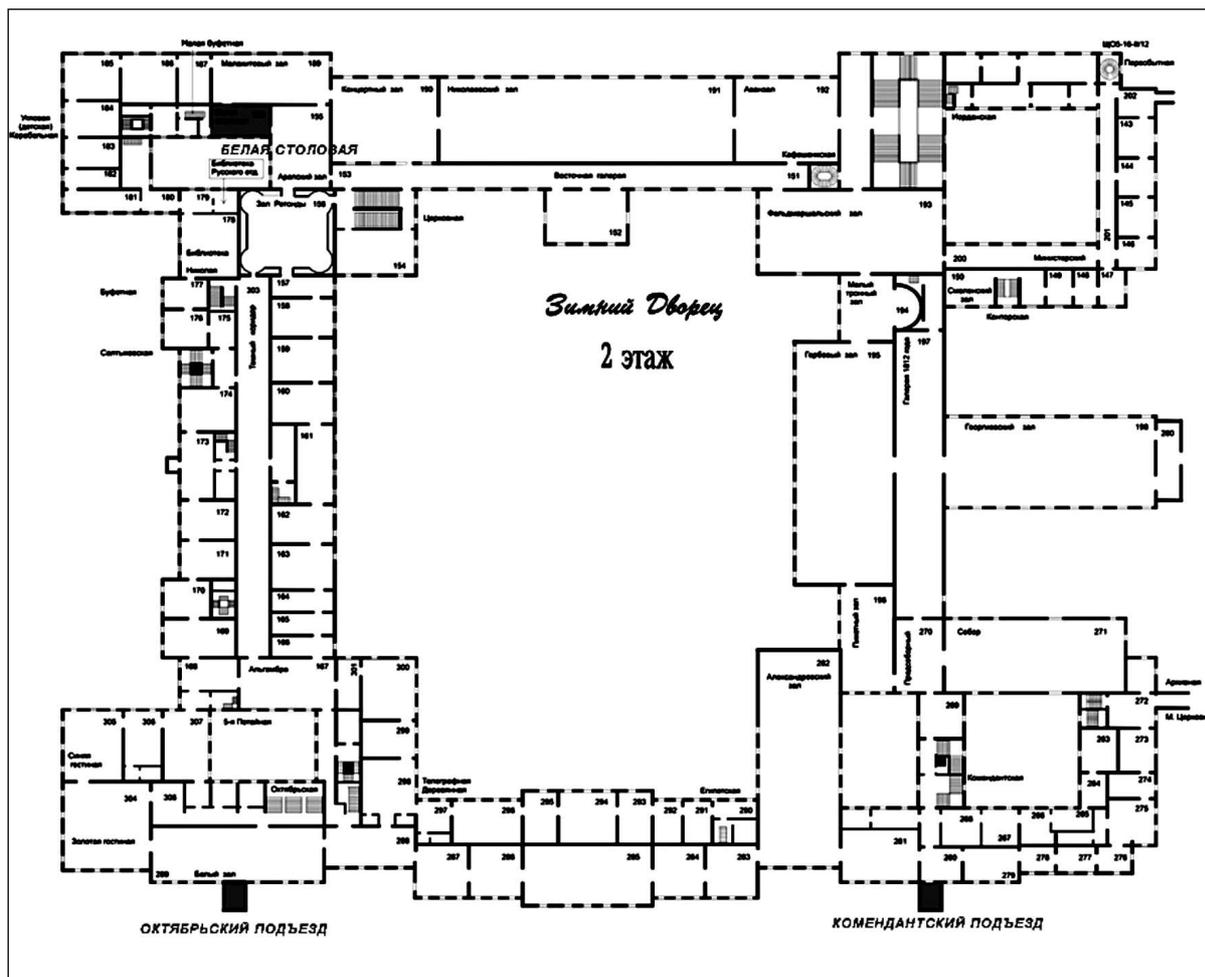
Данилевич зачитывает телеграмму:

«25 Октября 1917 года. Наштаверху»

Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов объявил Правительство низложенным, потребовал передачу власти угрозой бомбардировки Зимнего Дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера Авроры. Правительство может передать власть лишь Учредительному Собранию. Решило не сдаваться и передать себя защите народа и армии. Ускорьте посылку войск. 25 Октября нр. 11690. Министр-Заместитель Коновалов».

Разговор Генкварверха (генерала Дитерихса) с Данилевичем:

Данилевич: Теперь добавлю от себя. В общем в Петрограде день прошёл спокойно. Была лишь днём незначительная перестрелка на углу Невского и Дворцовой площади. Восставшие захватили Государственный Банк, Центральную Телефонную Станцию, Маршинский

План второго этажа Зимнего дворца

Дворец... Вечером настроение прогрессирует... На стороне Правительства лишь юнкера и казачий полк, да два орудия Михайловского артиллерийского училища. Министр-председатель уехал к самокатчикам ещё утром и до сих пор не возвратился. Полагаю, что он будет возвращаться не один, а с войсками, которые окажутся преданными. Ныне и несколько ранее шла и идёт стрельба сравнительно редкая и нервная, так как нападение пока не произошло, и большевики держат себя сравнительно пассивно. Временное Правительство в полном составе сейчас в Зимнем дворце и не думает отсюда уходить до ликвидации конфликта. ..Понемногу налаживается организация и руководство теми немногими частями, которые у нас есть. Лично думаю, что если будет использовано хотя то, что есть, то положение Правительства не безнадежно. Скажите, действительно ли подойдут по Вашим сведениям к Петрограду направленные войска. Присутствие их успокоило бы восставших и они расплзлись бы по своим местам, не принимая боя.

Дитерихс: По нашим сведениям самокатные батальоны должны были сегодня быть в Петрограде, но по сведению железнодорожного телеграфа они задержаны кем-то в 70 верстах от Петрограда...

Далее Дитерихс перечисляет названия полков и частей, которые, по его сведениям, должны быть в городе

26 числа. Разговор с поручиком Данилевичем он заканчивает словами: «Мы спокойны и уверены, что тяжёлое положение пройдёт почти само собой, если Вам удастся организовать даже те немногие части, которыми Вы располагаете».

Телеграмма генерала Духонина министру-заместителю Коновалову:

«Меры к скорейшему прибытию войск принимаются. Поручику Данилевичу сообщено предполагаемое время прибытия частей, но считаю долгом доложить, что в районе, ближайшем к Петрограду, задержки в движении независимо нас»¹⁷.

Защитникам дворца, в отличие от министров и даже от генералов, находящихся не только в далёкой от Петрограда Ставке, но и в Главном Штабе, из окон которого как на ладони был виден Зимний, уже вечером 25 числа стало ясно, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

«Поручик, — обратился ко мне Комендант (полковник Ананьев — А.К.), — отправьтесь к Временному правительству и доложите, что вылазка, предпринятая ударницами, привела их к гибели, что Главный Штаб занят восставшими, обезоружившими офицерский отряд, а также доложите, что положение усложняется и что дворец кишит агитаторами. Временное правительство вы найдете за белым залом». Судя по описанию пути, каким шёл к министрам поручик Синегуб, «белым» был

назван не Белый зал, окна которого выходят на площадь, а Николаевский — окнами на Неву. Правительство расположилось рядом — в Малахитовой гостиной и Малой столовой. Министры, до последнего надеявшиеся на помощь депутации общественных деятелей, купечества и народа с духовенством во главе, которая, как сообщили из Государственной Думы, якобы движется ко дворцу, отказывались верить в поражение и просили юнкеров продержаться до утра. «А в это время снова начала разговаривать с Невы „Аврора”»¹⁸. По свидетельству поручика Синегуба, бесчисленные коридоры дворца и переходы из него в Эрмитаж никем не охранялись всё по той же причине — никто из военных просто не знал их расположения и не имел под рукой плана здания. Воспользовавшиеся такой удачей большевики и многочисленные сторонники революции беспрепятственно (вероятно, кто-то открыл ворота и указал им путь) проникали во дворец со стороны Зимней канавки (через внутренний двор между зданиями Старого и Нового Эрмитажа, потом через Малый Эрмитаж попадали в Зимний). Их становилось всё больше, а защитники Зимнего всё не могли выбраться из дворца на канавку. Призванный на помощь комендант здания (не путать с Комендантом обороны), как оказалось, только недавно вступивший в должность и ещё не успевший ознакомиться с «ходами соединений», беспомощно разводил руками.

А тем временем несколько десятков человек во главе с секретарём Петроградского Ревкома В.А. Антоновым-Овсеенко уже вошли во дворец через подъезд Ея Величества, который потом будет переименован в Октябрьский, — их пропустили как парламентёров. Они поднялись на два марша по лестнице, прошли буквально десять шагов до Малого Фельдмаршальского зала, потом — по длинному Тёмному коридору (во всех воспоминаниях этот коридор называют Портретной галереей, так как стены его были увешаны тогда парадными портретами государственных деятелей — **А.К.**) вышли в Ротонду, а из неё — через Арапскую залу — в Малахитовую гостиную и смежную с ней Малую столовую. Эта столовая выходит окнами во внутренний дворик, и министры укрылись в ней, опасаясь обстрела с «Авроры». Пройти путь от подъезда до Малой столовой, где, как было написано во всех учебниках истории, прозвучала историческая фраза, смысл которой сводился к известным словам: «Кончилось ваше время», — можно едва ли не быстрее, чем описать его словами.

Если верить поручику Синегубу (а не верить ему нет оснований), описавшему шаг за шагом свой путь по дворцу к тому месту, где находилось Правительство буквально за несколько минут до прихода Антонова-Овсеенко со свитой (поручик шёл предупредить министров, что их сейчас будут арестовывать — **А.К.**), то арест проходил в Малахитовой зале. Перед окном стоял письменный стол, у стены — шкаф (при Керенском в Малой столовой тоже была канцелярская мебель, но в ней никогда бы не поместилось несколько десятков человек).

«...Шляпка-Антонов (на комиссаре в тот момент была какая-то немислимая шляпа — **А.К.**) повернулся и прошел мимо меня в нишу и, не входя в нее, крикнул в Портретную галерею (Тёмный коридор — **А.К.**): „Товарищи, выделите из себя двадцать пять лучших, вооруженных товарищей для отвода сдавшихся нам слуг капитала в надлежащее место для дальнейшего производства допроса”».

По винтовой лестнице напротив ниши... начали показываться свежие революционные силы, один бандит краше другого... Солдаты забирали винтовки, револьверы, сложенные и валявшиеся в Портретной галерее, были и такие, кто оттапывал плюш с диванчиков», — пишет поручик Синегуб в воспоминаниях¹⁹.

В 2 часа 10 мин. 26 октября комиссар Антонов-Овсеенко объявил Временное правительство низложенным. Министры были арестованы и отправлены в Петропавловскую крепость, сдавшиеся офицеры и юнкера отпущены «под честное слово», а приехавший в Смольный Антонов-Овсеенко был избран Вторым съездом Советов членом Комитета по военным и морским делам при Совнарком.

Октябрьская революция прошла, можно сказать, почти бескровно, — наступавшие потеряли шесть человек убитыми.

Разговор Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего (Наштаверха) генерала Н.Н. Духонина с Начальником Штаба Северного фронта (Наштасевом) генералом Сергеем Георгиевичем Лукирским утром 26 октября:

Лукирский: В Петрограде по нашим сведениям произошло следующее: Зимний Дворец, где сгруппировалось Временное правительство, после ШТУРМА, дошедшего до рукопашной, был взят большевиками и члены Временного правительства отправлены в Петропавловку.²⁰

Как видно из записи разговора, ставшее впоследствии столь привычным в сочетании со словами «Зимний дворец» слово «штурм» впервые прозвучало из уст человека из враждебного большевикам лагеря.

Керенского в момент окружения и взятия Зимнего там уже не было, но благодаря сочинённой кем-то легенде он до сих пор представляется убегающим из дворца в женском платье. Эта версия присутствовала и в «Кратком курсе»: «Что касается Керенского, то он, переодетый в женское платье, успел скрыться „в неизвестном направлении”»²¹. Сам он впоследствии это решительно отрицал, но легенда осталась. Кто-то из очевидцев событий настаивал на том, что Керенский действительно покинул дворец переодетым, но не в женское платье, а в форму *chauffeur*'а — кожаную куртку, шлем и перчатки с крагами, но выходил он в таком виде уже после переворота и из другого дворца — Гатчинского.

«Ложь и клевета порой несокрушимы. Даже сегодня иностранцы не без легкого смущения иногда задают мне вопрос, правда ли, что я покинул Зимний дворец в одеянии медсестры!.. Эта чудовищная история до сих пор предлагается массовому читателю в Советском Союзе. В серьезных исторических исследованиях, опубликованных в Москве, дается правдивая версия моего отъезда из Петрограда в Гатчину, а в большинстве учебников истории вновь и вновь повторяется ложь о том, будто я спасался бегством, натянув на себя дамскую юбку, и все это делается ради того, чтобы дурачить людей и в России, и в других странах»²².

В советское время Малая столовая, в которой «солдаты и матросы арестовали буржуазное временное правительство», как написано на памятной мраморной доске, установленной на камине, была главной достопримечательностью дворца, обязательной для осмотра.

Знаменитая картина штурма — толпа врывается через арку Главного Штаба на площадь, бежит ко дворцу, революционные матросы и солдаты карабкаются по главным воротам — это театрализованная инсценировка, кадры знаменитого фильма: в действительности всё происходило не так эффектно. Но без штурма, как и без «исторического выстрела «Авроры», революцию уже трудно представить.

Немой фильм Сергея Эйзенштейна и Григория Александрова «Октябрь», снятый в 1927 г., со временем стал восприниматься как хроника. Даже для тех, кто 25 октября был на площади среди восставших, знаменитые кадры стали достовернее реальных событий. Да и самих революционных солдат и матросов, называли не иначе как «участниками штурма Зимнего».

А для будущего фильма ничего не жалели. Снимали прямо в Зимнем дворце, ведь всё должно было выглядеть натурально: и костюмы, и оружие — всё было настоящее — у зрителя не должно было возникнуть и тени сомнения в правдивости происходящего на экране действия.

От руководства Эрмитажа было получено разрешение на съёмки. Сохранился документ, датированный 30 апреля 1927 г. «О предоставлении мебели Совкино для съёмок и о съёмках в помещениях:

- в кухонном коридоре Зимнего дворца (сейчас это — галерея Растрелли на первом этаже — **А.К.**)
- на электрической станции
- в Темном коридоре Дворца с размещением там средствами Совкино тюфяков, соломы и проч. и в Ротонде с уборкой из нея до съёмки и постановки вновь после съёмки витрин и шкафов. Съёмка не свыше 2 дней
- в Малахитовом зале
- Угловом (б. кабинете Александры Фёдоровны)
- Павильонном
- Концертном (с договоренностью с Музеем Революции) (Невская анфилада, в которую входил и Концертный зал, была занята выставками Музея Революции до 1928 г. — **А.К.**)
- на Иорданской лестнице
- на чердаках
- на крыше

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию действий бывших министров, главнoуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданских, так и военного и морского ведомства.

² Коренев С.А. Чрезвычайная комиссия по делам бывших министров. Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922. С. 15.

³ Редакторами также были Л.Я. Гуревич и Неведомский (М.П. Миклашевский).

⁴ Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 158–160.

⁵ Шульгин В.В. Три столицы. М., 1991. С. 318.

⁶ История ВКП(б). Краткий курс. Л., 1943. С. 198, 199.

⁷ Данилова А.А. История России, XX — начало XXI века: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. М., 2006. С. 92.

⁸ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 309.

⁹ Коренев С.А. Указ. соч. С. 27.

¹⁰ Ровно за четыре месяца до революции — 24 июня 1917 г. — Первый Петроградский женский батальон смерти (всего 200 человек),

– в подвалах

– во дворах

Съёмка ворот и подворотен с постановкой снятых эмблем при наличии в Эрмитаже.

Совкино передает Эрмитажу безвозмездно 1 отпечаток фильма в части заснятой по зданиям Эрмитажа и Зимнего Дворца в полном объеме имеющих быть произведенными съёмок, без права эксплуатации его Эрмитажем в течение 10 лет»²³.

Говорят, один из старых служащих, присутствовавших при съёмках, высказал Эйзенштейну своё недоумение по поводу его работы над фильмом: даже большевики, ворвавшиеся во дворец в 1917-м, не устроили в нём «такого разору», как режиссёры, ради эффектного кадра подорвавшие лепной карниз в одном из парадных залов.

Справедливости ради здесь нужно отметить, что впервые «историческая реконструкция» событий, происходивших на Дворцовой площади 25 октября 1917 года — массовое представление под названием «Взятие Зимнего дворца» было поставлено режиссёром Николаем Евреиновым к третьей годовщине революции — 7 ноября 1920 года.

После 1917 г. прошло двадцать лет, но о событиях, происходивших в Зимнем, напоминали не только выставки в Музее Революции, разместившемся в части парадных залов дворца.

6 апреля 1937 г. начальник Спецчасти Эрмитажа Якубенко направил в Спецотдел НКВД на имя тов. Городницкого следующее донесение:

«При сем представляю на Ваше усмотрение рапорт помощника начальника Охраны т. Никулина об обнаружении в одном из помещений Эрмитажа винтовочных патронов в количестве 9 обойм и 8 пустых обойм-гильз».

Этого донесения НКВД, видимо, показалось недостаточно, и через два месяца, 4 июня 1937 г., т. Никулин дал свои показания по этому поводу: «Я подымался по чугунной лестнице в третий этаж дворца смотреть за рабочими. Под уборной при мне были обнаружены 9 обойм с патронами и 8 пустых обойм»²⁴.

которым командовала М.Л. Бочкарёва, после торжественного смотра перед Исаакиевским собором выступил на фронт, а уже 8 июля в составе 525-го пехотного полка участвовал в первом бою.

¹¹ Синегуб А. Защита Зимнего дворца. Архив русской революции. Т. 4. Берлин, 1922. С. 161.

¹² Коренев С.А. Указ. соч. С. 29, 24.

¹³ Там же. С. 30–31.

¹⁴ Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 85, 86.

¹⁵ Там же. С. 152.

¹⁶ История ВКП(б). Краткий курс. Л., 1943. С. 198.

¹⁷ Архив русской революции. Т. 4. Берлин, 1922. Т. 7. С. 294–296.

¹⁸ Синегуб А. Указ. соч. С. 171, 173.

¹⁹ Там же. С. 185, 189.

²⁰ Архив русской революции. Т. 4. Берлин, 1922. Т. 7. С. 310.

²¹ История ВКП(б). Краткий курс. Л., 1943. С. 201.

²² Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 310.

²³ Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ч. 2. Д. 605. Л. 27.

²⁴ ЦГАЛИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35.

ОТ СЛОЖНОГО К ПРОСТОМУ

Новгородская глиняная игрушка

Народное искусство — душа любой национальной культуры. В нём одновременно живёт настоящее, прошлое и будущее, реальная жизнь и сказка, а в каждом предмете ярко отражается история и быт людей, их представление о мире и красоте. Особым образом все эти качества проявляют себя в народной игрушке. Русская народная игрушка имеет большое количество материальных воплощений. С незапамятных времён её мастерили из всего, что можно было достать в нехитром домашнем хозяйстве: деревянные палочки и брусочки, солома, верёвки, нитки и лоскутки и, конечно же, глина. Историческая география русской глиняной игрушки имеет обширные границы. Благодаря историкам и археологам, а также коллекционерам-собираателям, мы можем входить в её изменяющийся и прекрасный мир и созерцать его. Однако удивление вызывает тот факт, что глиняная игрушка сохранилась и вне стен музеев. Мало того, она продолжает развиваться в XXI в., и в ходе своего развития, как полагают, приобретает новые формы. Эти перемены осмысливают теоретики и практики искусства, иногда новые качества игрушки вызывают разногласия и даже непримиримые споры. Именно эта непростая тема бытования глиняной игрушки в современном мире и стала поводом к нашей встрече с художником Святославом Тарасовым.

Святослав Павлович Тарасов — известный новгородский мастер и талантливый педагог. Три года назад его студия была преобразована в общественную организацию «Художественно-творческая экспериментальная мастерская „Новгородская глиняная игрушка“», главная цель которой чётко сформулирована в названии грантового проекта, спроектированного Святославом Павловичем

Тарасовым и Екатериной Валентиновной Китаевой, — «Глиняную игрушку Великому Новгороду».

Е.В. Китаева — старший научный сотрудник Государственного новгородского объединённого музея-заповедника, в 2006 году она стала куратором выставки Мастерской в Музее. С тех пор Екатерина Валентиновна является надёжным помощником, инициатором и проводником многих замечательных идей С.П. Тарасова. Мало того, за эти годы она сама стала замечательным мастером глиняной игрушки. Их новгородская игрушка особенная. Рождённая на рубеже веков, она представляет собой организованную на высоком профессиональном уровне скульптуру малой формы, которая сохранила яркий национальный характер русской народной игрушки. Она проста в изготовлении, компактна, эргономична, функциональна. Лепка виртуозна, каждый персонаж наделён выразительным образом, её отличают выверенные пропорции и цельность конструктивного и декоративного решения.

Центр творческой интеллигенции им. В.В. Сороки НовГУ, в целях популяризации различных видов декоративно-прикладного искусства в нашем городе, весной 2011 года открыл цикл выставок «Новгородские мастера». Первая в этом цикле выставка «Художественная керамика» познакомила сотрудников Центра с новгородской глиняной игрушкой С.П. Тарасова. Так родилась идея выставки, которая прошла минувшей осенью. Выставка «Новгородская глиняная игрушка» представляла более двухсот экспонатов, созданных участниками детской студии и их педагогами. В экспозицию вошли работы разных лет, демонстрирующие различные направления творческих поисков экспериментальной мастерской под руководством

С.П. Тарасова: анималистика, жанровая композиция, декоративные изделия (посуда, панно) и, конечно же, царица выставки — авторская и промысловая игрушка.

Здесь можно было увидеть целые авторские коллекции особенно одарённых учеников, которые занимаются в студии много лет, — Нины Зайцевой, Жени Пакичева, Саши Пилата, Саши Панова, сестёр Ани и Насти Абрамовых и тех ребят, которые, как Оля Деманова, делают первые шаги и первые успехи. Многообразие форм, найденных авторами в работе над темами «Семья», «Народные сказки», «Коркодел», «Волшебное дерево», «Игрушка-свистушка», «Игрушка-каталка», «Игрушка-перевертыш», «Сувенир»

и т.д., полёт и смелость фантазии, высокий уровень исполнения поразили даже самого взыскательного зрителя.

Особый раздел выставки был посвящён новому направлению деятельности мастерской — проекту «Волшебная глина», где уникальная методика С.П. Тарасова выступает как средство реабилитации детей с проблемами в развитии через тактильный способ изготовления изделий из глины. Инициатором проекта «Волшебная глина» выступила в 2007 г. директор библиотеки «Веда» Людмила Ивановна Ярош. Именно она увидела в методе С.П. Тарасова прекрасную возможность помочь детям. Сейчас в проекте участвуют Новгородская областная общественная организация «Художественно-творческая экспериментальная мастерская «Новгородская глиняная игрушка», Новгородская областная специализированная библиотека для незрячих и слабовидящих «Веда», детские сады № 25 и № 93 компенсирующего вида (для детей с нарушением зрения), дошкольное отделение Государственного специального коррекционного образовательного учреждения для обучающихся воспитанников с ограниченными возможностями здоровья, специальная общеобразовательная школа № 7 VIII вида (для детей с нарушением интеллекта). На сегодняшний день библиотека «Веда» является единственной деятельной площадкой, которая апробирует методику С.П. Тарасова, а сотрудники библиотеки пытаются структурировать методический опыт занятий, ведут поурочные записи, отслеживают и систематизируют результаты, знакомят с ними общественность, привлекают к сотрудничеству специалистов. Ну, а для маленьких участников проекта глина действительно оказалась волшебным средством общения, развития и творческого роста.

В рамках выставки «Новгородская глиняная игрушка» состоялись три мастер-класса. Первый из них перерос границы занятия и стал творческим семинаром-практикумом для педагогов, художников, студентов и публики. Он собрал большую аудиторию. В этот вечер в Центре встретились художники педагоги С.П. Тарасов, Е.В. Китаева, кандидат психологических наук, доцент НовГУ Ольга Алексеевна Чувакова и её ученики, студенты кафедры психологии, зав. худ. отделением, художник Лариса Григорьевна Филь и студенты специальности «Дизайн» Колледжа искусств им. С.В. Рахманинова, учащиеся художественной школы при колледже, а также участники «Новгородского клуба

любителей искусства». Второй организовали специально для студентов кафедры педагоги технологий и ремёсел НовГУ. Третий мастер-класс университета был проведён Святославом Павловичем для гостей из различных уголков России в рамках деятельности международной программы ЮНЕСКО по дополнительному образованию для взрослых. За два месяца работы экспозицию посетили сотни зрителей, ими стали участники семинаров и форумов, которые проводили кафедры НовГУ в выставочном зале Центра. Неизменный искренний интерес зрителей и их восхищение мастерством юных художников вселяет уверенность в актуальности народного искусства, его востребованности современным обществом.

Получит ли сотрудничество мастера и университета дальнейшее развитие — вопрос будущего. Работа выставки выявила обширный диапазон возможностей Мастерской, познакомила широкий круг специалистов с деятельностью С.П. Тарасова и представила зрителю уникальную новгородскую глиняную игрушку.

Путь развития новгородской игрушки с самого начала не был прост. Святослав Тарасов начал практически с нуля. И хотя среди обнаруженных в Новгороде предметов встречаются десятки фрагментов игрушек из кожи, дерева, глины, о существовании здесь игрушечного глиняного промысла учёным неизвестно. Тем интереснее представлялась мастеру идея создания новой новгородской глиняной игрушки. Преодолевая скептическое отношение профессионалов, шаг за шагом Святослав Павлович входил в тему, отработывал технологию и методологию процесса. Да и кто сказал, что в наше время не может сложиться новая форма народного искусства? Во всяком случае, мастер Тарасов доказал, что она может появиться. Прошло два десятилетия, новгородская игрушка существует, её развитие происходит на наших глазах. Она имеет отличную от всех прочих характерную систему декора и традиционный для народной игрушки круг образов, все эти критерии позволяют определять её как новую форму бытования регионального образца глиняной игрушки. Кроме того, её автор художник С.П. Тарасов одновременно является основателем совершенно особенной мастерской, где игрушка не только создаётся, но стала средством обучения, развития, воспитания детей. Уникальность этой мастерской состоит в том, что, с одной стороны, процесс обучения в структуре

его авторской методики становится средством творческого развития каждого ребёнка, а с другой — позволяет отработать огромное количество вариантов решения темы, образа или определённого образца. Детский коллектив под руководством Святослава Павловича Тарасова создаёт современную новгородскую глиняную игрушку. Всё многообразие её форм логично развивается в структуре авторской методики С.П. Тарасова, которая базируется на индивидуальном подходе к каждому ученику и разработанной художником системе первоэлементов (шар, конус, эллипс, жгут), освоение которых даёт безграничные возможности к импровизации. Для промышленной игрушки мастер сам разрабатывает каждую форму-образец, двигаясь подчас по обратному пути — от сложного к простому. В изделиях-эскизах можно наблюдать сложнейший процесс рождения «классической» формы — от образца к образцу постепенно выстраивается соотношение размеров и формы деталей и, в конечном итоге, определяется силуэт в целом. Постепенно образ обобщается, очищается от лишних элементов, декор приобретает органику и стройность. Особенности декора новгородской игрушки С.П. Тарасова заслуживают предметного исследования. Мы отметим лишь несколько характерных черт. Геометрический орнамент новгородской игрушки, нанесённый различными инструментами и приспособлениями, постепенно выстраивается, очищается и оформляется в органичную систему, неразрывно связанную с собственной конструкцией. В последних образцах, игрушках «промышленной серии», перевёртышах и каталках он приобрёл замечательную выразительную точность, которая не только обогащает эстетические качества предмета искусства, но и раскрывает характер образа. Так, например, большинство «птиц» декорированы орнаментами с солярной символикой в виде глубоких контррельефов, расположенных на грудке, крыльях и хвосте. Окружности различной конфигурации чаще всего получают развитие в символах дождя, элементами орнамента напоминающими ряды ресничек разной высоты, вытянутых по длине каждой детали, или структурированных центрально. В некоторых игрушках этот элемент имеет более мягкие очертания или комбинируется с мелкими окружностями или звеньями цепочек, имеющих треугольную форму...

На сегодняшний день коллекция мастерской насчитывает уже тысячи предметов. Мастерская Тарасова разработала целый пласт промышленной игрушки, тесно связанный с её традиционными сюжетами: птицы, кони, женские фигуры. Как самостоятельное направление развивается скульптура малых форм универсального назначения — это и игрушка, и выразительная скульптура, как и промышленная, она демонстрирует большое количество различных сюжетных линий: анималистика, жанровая композиция, которая, в свою очередь, представляет и тему русской народной сказки, исторические мотивы, например «Городище», «Скоморохи» и даже пейзажные — «Дерево», «Радуга». Не мудрено, что такое многообразие вводит в заблуждение желающих определить её место в иерархии видов искусства. Ну а то, что не укладывается в обкатанную схему, как известно, с трудом приживается в сознании.

О детской студии С.П. Тарасова, её успехах и достижениях сказано и написано немало: коллекция мастерской, как и её обучающая деятельность, получила широкое признание на профессиональных Российских конкурсах, на Всероссийской выставке «Гончары» (2000; 2003; 2006 гг.), в Вологде и Твери; работы учащихся студии были

представлены в Новгородском объединённом музее-заповеднике и его филиалах в городах Боровичи, Валдай, Старая Русса, Чудово, Пушкинском музее-заповеднике, Петербургском музее игрушки, Государственном музее художественной культуры Новгородской земли; в 2000 году студия стала лауреатом Всероссийского форума «Одарённые дети»; работы руководителей студии Святослава Тарасова и Екатерины Китаевой экспонировались в Швеции, Финляндии; С.П. Тарасов представлял свои игрушки в 2005 году на Международном форуме на острове Тайвань (Китай) как лучший мастер России; провёл более тысячи мастер-классов для детей из разных стран мира; его авторская программа обучения работы с глиной для детей была приобретена Министерством культуры Китая; Святослав Павлович начал вести занятия в рамках реабилитации детей с проблемами в развитии, детей слабовидящих. Безусловно, все эти направления деятельности, как и ежегодные участия мастерской в выставках, конкурсах, фестивалях, привлекают к себе внимание прессы. И всё же суть деятельности, проблемы и потенциал мастера С.П. Тарасова, на наш взгляд, до сих пор остаются за рамками общественного осознания в городе, где он живёт и работает. Возможно, что причина в отсутствии заинтересованных специалистов. Дефицит экспертов в различных областях изобразительного, а особенно декоративно-прикладного искусства, ощущают даже столицы, не говоря о провинции. В этой связи появляется множество трудно разрешимых внутри процесса вопросов. Первый вопрос, связанный с жизнедеятельностью «Новгородской глиняной игрушки» в городе, — что же такое мастерская Святослава Тарасова? Отвечаем — сегодня это авторская мастерская, которая имеет серьёзный потенциал стать источником традиции. Вопрос второй: если в Новгороде не было игрушечного промысла и исторически не сложилась собственная форма игрушки, нужно ли её сегодня культивировать? Ответ прост — она уже существует. Мастерская имеет достаточно серьёзный методический и практический багаж, а кроме того, несмотря на отсутствие благоприятных условий, всё же успешно эволюционирует. Вопрос третий — отношение новгородской игрушки С.П. Тарасова к существующей традиции. Действительно, в данном случае отсутствуют привычные схемы взаимодействия новгородской глиняной игрушки с традиционной, но это взаимодействие имеет более сложные формы, нежели привычное для нас усваивание, копирование, воспроизведение исторического образца: в производстве игрушки используется традиционный материал, она имеет особую технологию изготовления, устойчивую систему формообразования и декора, круг образов и сюжетов. Кроме этого, принципы формообразования новгородской игрушки сопоставимы со структурой любой народной игрушки: простота организации, единая система средств и приёмов в разработке различных форм, единая система и принципы декора — все эти качества являются основой стилистической целостности каждой из известных промышленных глиняных игрушек. Интересным и особым является и то, что образы и сюжеты, а также типология новгородских игрушек (особенно промышленной) С.П. Тарасова связаны с традиционными, среди них, в первую очередь, птицы, звери, барыни, которые становятся свистульками, дудочками, каталками. Неизменными

остаются и источники вдохновения народного мастера: обыденная жизнь, легенды, сказки и предания Великого Новгорода.

Да, «Новгородская глиняная игрушка» не вписывается в стереотипную структуру развития традиционного ремесла из существующего или существовавшего промысла, она не имеет глубоких региональных корней и широкой плеяды последователей, а также, в настоящее время, необходимых или, можно сказать, благоприятных условий для развития кустарного производства или промысла, но эти обстоятельства вряд ли перечёркивают сам факт её существования. И, увы, сейчас самым важным остаётся вопрос, на который мы не можем сегодня утвердительно ответить, — устоит ли новгородская игрушка, рождённая С.П. Тарасовым или канет в лету от некомпетентности и равнодушия тех, на кого возложена миссия сохранения национальной культуры? Пока взаимодействие со структурами «Культуры» художника-педагога С.П. Тарасова, мягко скажем, малоэффективно. Его творческая деятельность оказалась в странной межведомственной меже, которая разделяет народное и профессиональное искусство, культуру и образование, город и область. Вот и получается — у семи нянек дитя без глаза. Мастерская развивается исключительно благодаря вулканической энергии её руководителя, практически без всякой поддержки извне.

Один из любимых персонажей в мастерской С.П. Тарасова — КОРКОДЕЛ. Своим «рождением» он обязан упорным поискам талисмана города, которые начались ещё пять лет назад. Благодаря им у художника появилась мысль использовать диковинного грозного зверя, обитавшего, как говорят новгородские летописи, в Волхове, как прототип для создания игрушки-талисмана. Поиски выразительного образа таинственного коркодела, похожего одновременно на дракона, крокодила, змею и гигантскую рыбу, привели художника к изображениям подобных существ в книжных миниатюрах, иконах и декоре. Известно, что взаимодействие с разного рода источниками, как и различные пластические трансформации, подчас дают весьма выразительные результаты. Так декор круглой металлической накладки XIII в., найденной в Новгороде, с изображением животного, кусающего собственный хвост, помог художнику довести форму игрушки-перевёртыша, изображающей коркодела играющего, танцующего, кусающего хвост. К сожалению, идеи художника относительно талисмана остались так же невостребованными, как и целый пласт промысловой игрушки. Впрочем, сегодня в мастерской достаточно перспективных объектов, которые могли бы стать талисманом, знаком, символом города. Может быть, и этом случае во всём виновата всё та же пресловутая путаница в понятиях: а чего, собственно, искали-то?

Совместить в одном изображении взаимоисключающие составляющие — образ великого города с тысячелетней историей и развлекательный тренд для туризма представляется, как показала практика, задачей затруднительной, да и вряд ли уместной. Может, целесообразнее было развести эти понятия и задачи? Как талисман, символ удачи и оберег вполне подошёл бы и диковинный летописный зверь Коркодел, живший, а может быть, живущий в Волхове и охраняющий город. Тем более, что он уже нашёл своё воплощение в ярких, ироничных сказочных игрушках, как и изображения Параскевы, новгородского варианта традиционной темы «куколки» — символа женского начала, мудрости, матери, с голубями в руках, как и сама тема голубка на куполе — символа города, которая также уже совершенно найдена в шкатулочках, дудочках и свистульках, над которыми трудится мастерская «Новгородской глиняной игрушки». Чем не исключительный по оригинальности бренд? Только вот над его подачей, конечно, ещё нужно работать, да и показывать жемчужину современного города, чудо-промысел, может быть, уместнее было бы в специально оборудованном для этого месте, а не на чердаке и не в подвале.

Мечта мастера — Дом-музей новгородской глиняной игрушки, который позволил бы сохранять и развивать на общую пользу всё, что нарабатал художник-педагог С.П. Тарасов. Этот музей собрал бы под своей крышей и богатейшую коллекцию игрушек, помещения для мастер-классов с чудесным названием «Кладовая радости» и базу для развития промысловой игрушки, и кукольный театр, ведь новая форма глиняных пальчиковых кукол, разработанная Е.В. Китаевой, позволяет устраивать целые представления на основе собранного мастерами фольклорного материала. Такая площадка нужна и педагогам. Мастер готов обучать своей методике специалистов, работающих с детьми, делиться опытом их обучения, развития и реабилитации. С этой идеей Святослав Павлович уже обошёл все приёмные городских и областных руководителей, но до нынешнего времени так и не получил поддержки.

Сегодня по-прежнему всё внимание художника, который отметил в 2011 году 70-летний юбилей, сосредоточено на игрушке и работе с детьми, у которых серьёзные проблемы со здоровьем, они больше всего нуждаются в учителе-мастере, его крепких, умелых и чутких руках. Именно их успехи, их первые слова, первые голубки, капельки дождя под «Радугой», веточки на «Волшебном дереве» и ещё неуклюжие, первые птички «Голубки» вдохновляют Святослава Павловича на творчество — ведь самое большое человеческое счастье иметь талант и чувствовать, что ты на этой земле кому-то очень сильно, по-настоящему, нужен.

Т.В. Володина

СИЛУЭТЫ XX ВЕКА

Выставочный проект НГОМЗ

В 2011 году Новгородский государственный музей-заповедник начал новый выставочный проект – «Силуэты XX века». Его цель – вернуть культурному пространству России забытые или полузабытые, но от этого не менее драгоценные крупицы художественного наследия ушедшего столетия.

Первые выставки «Тот светлый мир...» и «Татьяна Глебова – художник русского авангарда» показали их привлекательность для посетителей разных возрастов и социальных групп. Они одаривали посетителей душевным теплом, восхищали высоким профессионализмом, а главное – передавали дух времени.

В 2012 году музей собирается продолжить работу в этом направлении: осенью состоится выставка двух московских художников Елены Леонидовны Леоновой и Николая Николаевича Макарова – представителей потомственной художественной интеллигенции, глубоких лириков, сумевших прочувствовать и передать красоту природы и человека России.

«ТОТ СВЕТЛЫЙ МИР...»

Татьяна Александровна Оранская (1914–1980)

Родилась в Москве. Училась в рисовальной студии Ф.И. Рерберга (1931–1934), затем (1936–1937) в Московском государственном институте изобразительных искусств (будущий Суриковский). Ученица А.В. Лентулова. С 1942 г. участник выставок. Работала в Москве. Член Московского Союза художников. Персональная выставка Т.А. Оранской прошла в 1976 г. в Москве. Работы художницы находятся в Государственной Третьяковской галерее, во многих московских и региональных музеях, частных коллекциях в России и за рубежом.

Первая посмертная выставка Т.А. Оранской состоялась в Москве в 2011 году в картинной галерее «Альбатрос».

«Татьяна Александровна Оранская — художник, чьё имя не звучало в числе дерзких преобразователей искусства, ломавших традиции и насаждавших новаторские реформы», — написала в каталоге персональной выставки мастера, организованной галереей «Альбатрос», Мария Валяева (Государственная Третьяковская галерея). Однако, как и всякий истинный художник, она оставила свой неповторимый след в искусстве. И чем дальше от нас XX век, тем острее ностальгия по тому, что осталось там, за его гранью, тем трепетней наше отношение к тому, что удалось сохранить.

Более сорока лет своей творческой жизни Т.А. Оранская напряжённо работала в разных жанрах живописи.

Её портретная галерея — это срез времени. Её герои — люди своей эпохи, представители очень разных социальных групп. Объединяет их живописное мастерство, выраженное в тонкости колористического построения, в поэтической игре света, а также доброжелательность и теплота взгляда художника на портретируемого. Образы,

создаваемые Оранской, находятся в полном гармоничном единстве со средой, их окружающей. Они жизненны и естественны.

Среди работ на выставке «Тот светлый мир...» в Новгородском государственном объединённом музее-заповеднике (август–сентябрь 2011 г.) были представлены пейзажи, натюрморты, интерьерные композиции. Они не менее интересны, чем портреты. Они — в ещё большей степени — отражение той гармонии, которая, несмотря на все сложности эпохи и судьбы, была присуща её душе, её пониманию мира.

Существенную часть творческого наследия Т.А. Оранской составляют рисунки и пастели. В них угадывается хорошая академическая школа, позволявшая свободно «лепить» форму, пользуясь самыми разнообразными

приёмами графического искусства от тонкой паутинки карандашной штриховки до звучной живописности кистевого рисунка тушью. Графические работы художницы имеют исключительно камерный характер. Главное в них — правдивая интонация тихой беседы, диалог близких людей. Они не предназначались для всеобщего обозрения. Этим они сродни дневниковым записям, через десятилетия раскрывшим наследникам чистоту и свет духовного мира художника.

Т.А. Оранская. Автопортрет в светлом платке. 1951 г. холст, масло

Жизнь Татьяны Александровны Оранской была полностью посвящена искусству. «Её настоящими детьми, — как отмечала Мария Валяева, — были картины. Она оставила бесценное наследие, и теперь пришла пора извлечь его из-за кулис незаслуженного забвения, как спрятанное, но надёжно сохранённое сокровище извлекают из запертого ларца».

Произведения Т.А. Оранской для выставочных залов Новгородского государственного объединённого музея-заповедника были предоставлены Картинной галереей «Альбатрос» (директор — Н.А. Соловьёва), основанной в 1993 году в рамках одноимённого холдинга (руководитель — В.С. Карогланов). Галерея расположена в Москве в специально построенном для неё здании возле станции метро «Партизанская». Цель галереи — развитие традиций российского меценатства, поддержка талантливых молодых авторов, сохранение и экспонирование произведений недавнего прошлого, которые могли бы просто исчезнуть. Галерея работает с художниками разных направлений, но главный интерес — русская реалистическая школа, её блистательное прошлое и очень интересное настоящее.

Галерея проводит персональные выставки, устраивает творческие конкурсы, реализует масштабные проекты.

Валентина Михайловна Диффинэ-Кристи (1918–2010)

Родилась в Москве. В 1937 г. окончила Московское художественное училище «Памяти 1905 года», в 1946 — Московский художественный институт имени В.И. Сурикова. С 1957 — член Московского Союза художников. Произведения находятся во многих музеях России, в частных коллекциях и галереях. Персональные выставки В.М. Диффинэ-Кристи состоялись в Москве в 1979, 2005, 2011 гг.

Валентина Михайловна Диффинэ-Кристи получила блестящее художественное образование. В училище она занималась в мастерских Л.В. Туржанского и К.Ф. Юона, в МГАХИ им. В.И. Сурикова — на курсе С.В. Герасимова. Существенное влияние на её становление оказал и талантливый художник Евгений Диффинэ, в котором видели наследника Константина Коровина и которому прочили большое будущее (он умер в Самарканде в 1942 году, когда ему было 28 лет). Под его влиянием в искусство В.М. Диффинэ-Кристи вошла сложная фактурная игра, свободная лепка цветом, интересные пространственные эффекты. Известный российский живописец, академик РАХ Виктор Иванович Иванов, учившийся в МГАХИ им. В.И. Сурикова в одни годы с четой Диффинэ, говорил об их творчестве: «Это был определённый этап в нашем искусстве, импрессионизм, дошедший почти до крайности, когда форма почти сходит на нет, и предмет уходит».

К 60-м годам прошлого века В.М. Диффинэ-Кристи находит свой неповторимый и хорошо узнаваемый стиль. Её живопись легка и воздушна, предметы как бы растворяются, превращаясь в фантастические миражи, почти теряющие предметные очертания. Все её картины «проявляются» глазу, будто подсвеченные неведомым излучением. Порой кажется, что эти изображения слишком

просты, порой становится ясно, что они настолько многослойны и по-библейски многозначны, что до конца понять их нам ещё предстоит.

Произведения, представленные на выставке в Новгородском государственном объединённом музее-заповеднике, принадлежат московским коллекционерам и наследникам художницы. Многие холсты были возвращены к жизни реставраторами, другие ждут своей очереди, чтобы обрести более привлекательную, достойную их форму.

Значительная часть экспонируемых картин была показана весной

2011 года на персональной выставке В.М. Диффинэ-Кристи в Москве, инициатором и душой которой был Иван Никитович Хотинский-Сибиряк.

Е. Диффинэ. Портрет В.М. Диффинэ-Кристи. Холст, масло. Конец 1930-х гг.

ХУДОЖНИК РУССКОГО АВАНГАРДА

Татьяна Николаевна Глебова (1900, Санкт-Петербург — 1985, Ленинград)

Татьяна Николаевна Глебова начала учиться живописи в 1924 году в частной студии А.И. Савинова. В 1925 году состоялось первое знакомство Глебовой с П.Н. Филоновым, в мастерской которого она работала с 1926 по 1932 гг. С 1927 года входила в объединение «Мастеров аналитического искусства» (МАИ). Участник выставки МАИ в Ленинградском Доме печати (1927), выставки советских художников — оформителей книги во Франции (1930–1931). Аналитический метод, разработанный Филоновым, был применён Глебовой в области сценографии; в 1932 году она оформила в Малом оперном театре оперу «Мейстерзингеры». Работала в книжной графике для издательства Детгиз и детских журналов «Чиж» и «Еж» (с 1928 года), иллюстрировала произведения Н. Заболоцкого, Д. Хармса, А. Введенского, участвовала в коллективной работе под руководством Филонова над иллюстрациями к «Калевале» (Л.: Academia, 1933).

В 1942 году из блокадного Ленинграда была эвакуирована в Алма-Ату, где встретила с учеником К.С. Малевича Владимиром Васильевичем Стерлиговым. Вместе они разработали новые структурно-пластические основы живописи, построенной на принципе чаши-купольного пространства. В 1966 году на выставке в Союзе художников впервые показала новую живопись; вернисаж был закрыт в тот же день. После смерти Стерлигова (1973) работала с его учениками. Автор «Воспоминаний о П.Н. Филонове» (1967), «Блокадных дневников» (1941–1942), («Искусство Ленинграда», 1990, № 1–2).

Вся творческая деятельность Т.Н. Глебовой проходила вдали от официальных путей советского изобразительного искусства. Татьяна Николаевна была ученицей Павла Николаевича Филонова. Она восприняла у своего учителя главное: отношение к искусству как к постоянной внутренней работе, бескорыстие и принципиальность. Татьяна Глебова была средней из трёх дочерей промышленника, общественного деятеля, публициста и философа Николая Николаевича Глебова и певицы Марии Сергеевны Барыковой, правнучки графа Фёдора Толстого, вице-президента Академии художеств. С юности Глебову окружали люди творчества. Это были выдающиеся музыканты: И.А. Браудо, М.В. Юдина, философ, теолог и музыковед Я.С. Друскин, поэты Д.И. Хармс, А.И. Введенский, К.К. Вагинов, Н.М. Олейников, входившие в созданное в 1926 году Объединение реального искусства (ОБЭРИУ), художники В.В. Дмитриев, В.М. Ермолаева. Всех этих людей объединяло стремление постичь смысл бытия.

С началом 1930-х стремительно наступила иная эпоха, усилилась травля левых художников и поэтов, начались аресты и ссылки. Но Глебова продолжает активно работать. Постепенно она освобождается от филоновского влияния, но по-прежнему руководствуется одним из принципов своего учителя: *«Каждый мастер может работать в планах: реалистическом со ставкой на точь-в-точь сделанного примитива, абстрактном, т.е. изображенной формой и в смешанном».*

Для Глебовой поиски нового в художественной форме были неотделимы от духовной работы, противостояния злу. Её объединение и совместная деятельность в течение тридцати лет, с 1943 по 1973 гг., с Владимиром Стерлиговым, создавшим в 1960-е годы группу художников-единомышленников, — не воля случая. Это был высокий творческий и одновременно сердечный союз. Жили трудно, брались за любые заказы, но никогда не шли на компромиссы. *«Художник творит свое произведение по образу и подобию своему, — говорила Татьяна Глебова, — у его произведений есть тело, душа и Дух».* Тело — *«материал, способ и характер рисунка или наложения красок в живописи»*, душа — *«чувства, эмоции*

художника», а Дух произведения — *«высокий замысел, выражающийся в композиционных обобщениях форм, цвета и рисунка».* Глебова напряжённо работала в течение шестидесяти лет, «тела» и «души» её произведений изменялись, но цели и замыслы неизменно оставались серьёзными, духовно росли. Она считала, что *«художники своими картинами могут спасти души свои и чужие, потому что, соединяя духовное с материальным, они соединяют два начала в жизни и очищают земное небесным».* Верила, что подлинное искусство всегда религиозно, потому что творческий дух в человеке от Бога.

Творчество Глебовой — живописца, театрального художника, графика, иллюстратора книг — приобретает ныне всё большую известность, её имя — среди наиболее значительных ленинградских художников XX столетия. Выставки её произведений с успехом прошли в Государственном Русском музее (далее — ГРМ), 1985 г., и Государственном музее истории Санкт-Петербурга (далее — ГМИ), 2010 г., её живопись и графика хранятся в ГРМ, ГМИ Санкт-Петербурга, Костромском художественном музее, в частных коллекциях.

57 произведений живописи и более 70 графики этой своеобразной художницы, сохранявшей верность идеям русского авангарда, были представлены в выставочных залах Новгородского государственного музея-заповедника (сентябрь–ноябрь 2011 г.). Среди них уникальные документы эпохи — произведения, созданные в блокадном Ленинграде и в Средней Азии. Большая часть работ относится к 1950–1970 гг. Можно выделить несколько ключевых для автора тем — духовное проникновение в мир христианских ценностей; музыка, которая на протяжении всей жизни Глебовой была для неё чем-то бесконечно-значимым, близким религиозному прозрению; природа в её пластическом и цветовом многообразии. Она была одарена абсолютным чувством цвета, который нередко переходил в свет, смыкался с ним. Он — и основа формообразования, и отражение или лучше выражение той постоянной духовной работы, которая делает Татьяну Николаевну Глебову истинным художником.

литературы педагогического института им. А.И. Герцена⁵ с № 16 217 — на втором томе и № 16 218 — на третьем томе (инв. номера вписаны от руки), библиотеки Новгородского Государственного учительского института⁶, инв. № 120 589 — на втором томе и 120 588 — на третьем томе (инв. номера вписаны от руки), а также штампы о проверке: «Пров. 50».

Известно, что библиотека Лейб-гвардии Финляндского полка начала создаваться ещё в 1820-х гг., но во время Польского похода 1831 г. пропала. По возвращении в Петербург офицеры абонировали в кондитерских Васильевского острова получение газет на третий день их выхода⁷. Это было дорого, да и свежие новости вовремя не поступали в полк. Гораздо выгоднее было получать газеты из вновь организованной библиотеки офицерского собрания, куда они поступали сразу из типографии.

В 1840 г. организация библиотеки была поручена Николаю Степановичу Ганецкому, будущему известному генералу и Александру Васильевичу Дружинину, будущему писателю — в то время поручикам.

Руководство поощряло чтение офицерами книг. В полку выделялись деньги на книги — 574 р. в год. Библиотека комплектовалась преимущественно сочинениями, которые считались необходимыми для приготовления офицеров к поступлению в Императорскую военную академию. В 1841 г. фонд составлял 143 тома, в 1866 — 3523, к 1880 г. — 4000 томов. Располагалась библиотека Лейб-гвардии Финляндского полка в помещении второго этажа корпуса, находящегося на углу набережной Невы и 19-й линии Васильевского острова Санкт-Петербурга. Для книг были приобретены шкафы из красного дерева, стены украшали портреты командного состава.

С началом военной реформы в России в 1860—1865 годах в Петербурге началась серьёзная работа над организацией непрерывного военного образования в войсках. Военное министерство занялось рациональным устройством полковых и батальонных библиотек. В 1864 г. совещательный комитет Генерального штаба обсуждал вопрос, как приступить к правильному устройству полковых и батальонных библиотек. Надо сказать, что армия оказалась в исключительном положении, ибо почти нигде, кроме весьма немногочисленных городских центров, не существовало публичных и даже частных библиотек для чтения.

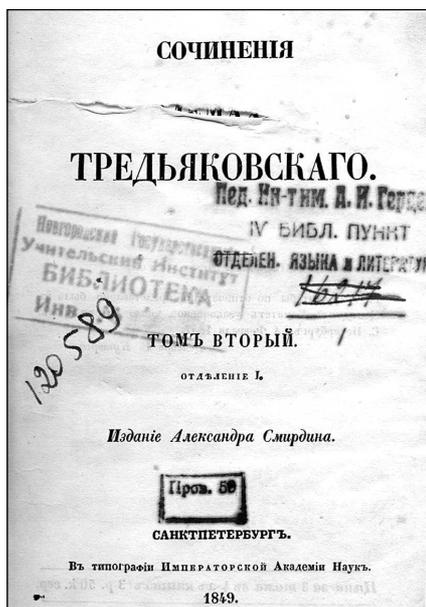
О серьёзности отношения Александра II к реформам свидетельствует появление в 1865 г. «Донесения военному министру командующих войсками десяти военных округов Европейской России о состоянии библиотек вверенных им округов, с мнениями об устройстве библиотек на будущее время». Этот документ дополнялся донесениями военных атташе в Париже и Вене о состоянии военных библиотек во Франции и Австрии.

Все стороны деятельности военных библиотек широко обсуждались в печати: подчинённость и территориальное размещение; штатное расписание; размеры вычетов с офицеров (тогда традиционно брали по 0,5% в месяц, а в гвардии 3—4%); правила пользования фондом; штрафы; порядок учёта и отчётности; количество каталогов; система расстановки (крепостная или форматная). Появлялись материалы о необходимости улучшения войсковых библиотек, в которых в частности писалось, что следует «дать место для военных бесед и военных чтений», «нужны военные собрания, снабженные хорошо устроенными библиотеками», «везде офицеры хотят иметь собрания или клубы с библиотеками» и т.п. Одновременно в печати указывалось, что одни разрозненные офицерские сообщества не в состоянии грамотно организовать обслуживание читателей, нужна направленная правительственная инициатива, централизованные деньги и методическое руководство. В 1872—1873 гг. материалы о набравшем вопросах офицерского образования и библиотечного обслуживания публиковала ведущая газета военного ведомства «Русский инвалид».

Результатом дискуссии 1860-х годов явилось создание в 1869 г. в составе Военного Министерства особой «Комиссии об устройстве военных библиотек и военных собраний». Задачей этой Комиссии было «приведение библиотек в цветущее состояние»⁸. В числе вопросов, касающихся полковых библиотек, совещательному комитету Генерального штаба, а затем Военно-учённому комитету было поручено рассмотрение книг и одобрение их для войсковых библиотек, что объявлялось в особых циркулярах Генерального штаба, а иногда, на-

пример в 1881 г., издавался и сборный «справочный каталог» таких изданий (напечатанный в «Военном сборнике», 1881 г., в № 5).

Следующим этапом стало издание приказа № 8 от 1873 г. по военному ведомству, который

Титульный лист из книги

Николай Степанович Ганецкий. 1854 г.

предусматривал отпускать войскам особые средства на устройство и содержание офицерских собраний, общих столовых и библиотек. Кардинальное улучшение состояния военных библиотек началось с 1874 г. В § 1-6 первого «Устава военных собраний», утверждённом Александром II 12 октября 1874 г., были определены задачи библиотек, в том числе — «содействовать развитию в среде его [офицерского сообщества] военного образования».

Ранее армейские офицерские собрания воспринимались только как места коллективного отдыха, но с 1886 г. в печати начало звучать, что офицерские собрания — это военно-образовательные организации, поскольку «офицеру приходится и на службе учиться, читать и много читать». В практику вошло чтение военно-литературных произведений с последующим их обсуждением. Любопытный штрих, характерный для того времени: «Положения об офицерских собраниях» не допускали кулуарных неодобрительных суждений о работе библиотеки и её сотрудниках, критика разрешалась только открытая, письменная или устная на офицерских собраниях.

УПРАВЛЕНИЕ БИБЛИОТЕКАМИ И ИХ ФИНАНСИРОВАНИЕ

Уставы 1874 и 1884 годов зафиксировали естественно сложившуюся систему управления всей жизнью офицерских собраний, как в гарнизонах, так и в отдельных частях. Для управления библиотеками избирался Распорядительный комитет, по решению которого и с позволения начальника дивизии приобретались книги⁹. В конце каждого календарного года все «учётные книги» сдавались начальнику гарнизонного офицерского собрания на просмотр и утверждение.

Библиотекарь был всегда членом Распорядительного комитета, при котором работали библиотечные комиссии из активистов-добровольцев. В задачу последних входило установление необходимой суммы расходов, утверждение списка приобретаемой литературы, контроль за сбором взносов и штрафов, проверка фонда и имущества, установление норм и порядка книговыдачи.

До Устава 1874 г. казна (в лице Военного Министерства) денег на содержание военных библиотек в сухопутных армейских частях не выделяла, однако уже в 1880-е годы положение изменилось в лучшую сторону. Прежде всего деньги взимались с офицеров-читателей в год около 1,5% жалования, хотя вычеты могли быть ежемесячные, ежеквартальные, ежетретные (трижды в год). Цифры варьировались, но в гвардейских частях столицы они были всегда выше. Врачи, священники, юнкера пользовались литературой бесплатно.

После 1874 г. на поддержание библиотеки стала выделяться казенная сумма в 150—300 руб.; в «библиотечный капитал» перечислялись также регулярные вычеты с офицеров, штрафные деньги за нарушение правил пользования или порчу книг, средства от продажи ненужной литературы или имущества библиотеки, определённый

процент с цены при уступке комиссионера. Бывало, что *действительные* (т.е. постоянные) члены и временные

Групповой портрет Андрея, Григория и Александра Дружининых. 1840 г.

платили разные суммы. Что касается штрафов, то офицер-библиотекарь обязан был регулярно сообщать казначею фамилии офицеров, с которых непременно следовало сделать вычеты.

В корпусе военных инженеров с 1889 г. было введено единообразие в вычетах из содержания от генералов до младших офицеров (от 15 руб. 25 коп. до 3 руб. в год, или 1,5% годового оклада). Для «усиления библиотечных средств» Главное инженерное управление имело в своём распоряжении сумму в 5 тыс. рублей.

В конце каждого календарного года все «учётные книги» библиотеки сдавались командиру части или начальнику гарнизонного офицерского собрания на просмотр и утверждение.

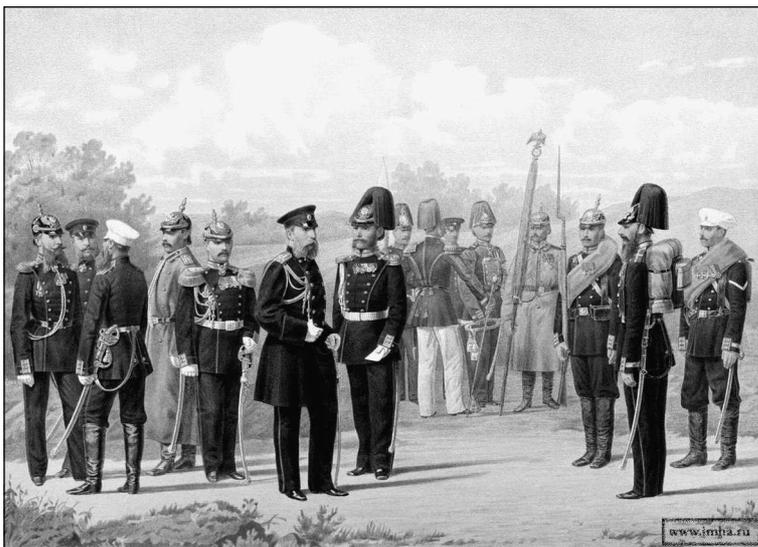
ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ВОЕННОГО БИБЛИОТЕКАРЯ

До введения Устава 1874 г. литературой в воинской части или гарнизоне мог заведовать и полковой священник, и лекарский помощник, а то и полковой писарь, т.е. люди, не принадлежавшие офицерскому сообществу, штатских библиотекарей-профессионалов не было. В уставах же 1874 и 1884 гг. точно оговаривалось, с каких должностей можно, а с каких нельзя выбирать «на библиотекаря», причём только офицера. Выборы или переборы проводились ежегодно на общем офицерском собрании части или гарнизона, срок пребывания в должности — год или два, причём офицер до избрания должен был прослужить в данной части не менее трёх лет.

Библиотекарей выбирали сроком на два года. Они освобождались от послеобеденных занятий в ротах и нарядов вне полка. В их обязанности входило: установление необходимой суммы расходов, утверждение списка приобретаемой литературы, сбор взносов и штрафов, проверка фонда и имущества, установление порядка книговыдачи. В некоторых частях библиотекари следили за вновь выходящей литературой и готовили списки литературы на приобретение, которые представлялись

на рассмотрение Распорядительного комитета. В конце года библиотекарь составлял список необходимой периодики на следующий календарный год.

Выбранный библиотекарь не мог отказаться от должности и свой срок должен был отработать беспрекословно. Помимо библиотечной работы на него возлагались и другие обязанности. Например, он должен был хранить и выдавать принадлежности, планы и карты для проведения тактических занятий на местности; вести делопроизводство офицерского собрания или Распорядительного комитета; отвечать за архив; заниматься приобретением букетов, лент, венков и прочих предметов для подношений в разных случаях и возложений на гробницы; вести список почётных членов офицерского собрания и общий список офицеров полка со времени его основания;

1872—1881 гг. Лейб-гвардии Финляндский полк

хранить фотографии всех офицеров полка за всю его историю; обеспечивать сохранность картин, портретов и фотографий, вывешенных в помещениях офицерского собрания; заведовать билльярдом (например, в столичном Лейб-гвардии Егерском полку, 1899 г.); вести отчётность по карточной игре; хранить документы по истории полка.

Военными библиотеками в разное время руководили: библиотекой Лейб-гвардии Измайловского полка — Владимир Владимирович Теплов, в полку он командовал ротой, батальоном, с 13.04.1913 — командир Лейб-гвардии Финляндского полка; библиотекой Преображенского полка руководил Дмитрий Александрович Зубов — граф, генерал-майор конной гвардии; библиотекой Семёновского полка заведовал Георгий Александрович Мин — генерал-майор, командир Лейб-гвардии Семёновского полка.

Известно, что при некоторых библиотеках имелись должности помощников библиотекаря; эти должности занимали поручики. Многие из них в будущем стали известными в России личностями: Шипов Сергей Павлович — генерал-адъютант (библиотека Преображенского полка); российский командир эпохи наполеоновских войн, генерал-лейтенант, генерал-адъютант Николай Мартемьянович Сипягин, физик В.В. Скобельцин (библиотека Семёновского полка), аптекарь Л.Э. Герхен (библиотека Измайловского полка).

В помощь офицеру-библиотекарю назначался строевой унтер-офицер, ефрейтор или рядовой «безукоризненного поведения и грамотный». В обязанности помощника входили приём литературы, проверка правильности расстановки литературы на полках и в шкафах, сдача литературы в переплёт, обеспечение чистоты, тепла и света в помещении.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ, РАССТАНОВКА, КАТАЛОГИ

В середине 1860-х гг. в Российской печати появились публикации о необходимости поддержания общекультурного уровня офицерского состава через приобретение библиотеками новинок по всеобщей истории, истории литературы, физике и химии (последние два примера касались инженерных войск и артиллерии). Если издание рекомендовалось генеральным штабом или штабом округа, оно приобреталось немедленно, без всяких обсуждений и голосований. Сочинения на военные темы, уставы, военные справочники, руководства для поступающих в четыре существовавших академии (генштаба, артиллерийскую, инженерную и юридическую) также приобретались неукоснительно.

Во всём остальном действовало правило: книги и журналы приобретаются «по старшинству голосов». Это означало, что во всех библиотеках имелись так называемые шнуровые книги (прошнурованные журналы с печатью) для записи заявлений или пожеланий читателей на приобретение литературы. В разных библиотеках были свои правила: например, на книгу ценой 5 руб. должно быть 5 желающих, при цене 5—10 руб. — 10, больше 10 руб. — 15 читателей. Комплек-

тование шло непрерывно, по мере поступления заявок. В некоторых частях библиотекарю вменялось в обязанность следить за вновь выходящей литературой и три раза в год готовить список литературы на приобретение и представлять его на рассмотрение Распорядительного комитета. В конце года библиотекарь составлял список периодики на следующий календарный год.

Объём подписки на газеты и журналы определялся голосованием на общем офицерском собрании; обычно это происходило в сентябре—октябре, когда войска из лагерей возвращались на зимние квартиры. Бывал и такой порядок: дважды в год, 1 марта и 1 сентября, библиотекарь обобщал полученные заявки офицеров-читателей и подавал список предложенной для приобретения литературы в Распорядительный комитет. Библиотекарь по своей инициативе также мог предложить книгу для приобретения, если её заказали менее пяти человек, но в таком случае решение о покупке должен был принять либо библиотечный совет, либо Распорядительный комитет на своём очередном заседании.

В тех случаях, когда финансирование было очень скудным, литература приобреталась раз в год по всем заявкам сразу с разрешения председателя Офицерского собрания и один раз в год составлялся список новых поступлений. В отдельных случаях библиотека могла

приобрести топографические карты, модели инженерных сооружений, «предметы военного дела и военного искусства».

Информация о новых поступлениях публиковалась в приказах по воинской части, с указанием распределения новинок по разделам систематического каталога. Об исключении книги из фонда читатели также узнавали из документа за подписью командира воинской части. В некоторых библиотеках в дополнение к официальной информации список новых поступлений выкладывался на стол в читальном зале.

В «Уставе военных собраний» 1874 года говорилось и о создании единого фонда всех военных библиотек городского гарнизона. В частности, § 70 гласил, что и члены офицерского собрания, и постоянные посетители могут беспрепятственно пользоваться книгами как самого офицерского собрания, так и «от библиотекарей войсковых частей». Печатные каталоги всех полковых библиотек имелись у библиотекаря гарнизонного офицерского собрания.

Уже в 1875 г. в Омске существовала сеть военных библиотек с единым фондом и единым читательским билетом. Сюда входили библиотеки Окружного штаба, Инженерной, Казачьей, 1-го линейного и 71-го Омского мостового батальонов, офицерского собрания.

Расстановка книг в фондах была либо крепостная (по записи в систематическом каталоге), либо форматная.

Первое упоминание о карточных каталогах в военных библиотеках мы находим в отчёте за 1859 г. о библиотеке Кронштадтского морского собрания, в которой были составлены каталоги на отдельных карточках, как в Императорской Публичной библиотеке. До Устава 1874 г. встречались каталоги по отделам, по алфавиту авторов, по жертвованным книгам. С 1874 г. всем военным библиотекам предписывалось вести два каталога — систематический и алфавитный с росписью журнальных статей. Устав 1884 г. все положения подтвердил.

В систематическом каталоге были представлены следующие отделы фонда:

- военные науки и искусства (военная история, стратегия и тактика, воинские уставы, артиллерия, военное инженерное искусство);
- военное законодательство, военная администрация и правоповедение;
- математика, география, история, словесность (история и теория словесности, история литератур, изящная словесность, библиография);
- языкознание (пособия для изучения языков и словари);

– естественные науки, педагогика, философия, богословие, периодика, карты, планы, глобусы.

В 1883 г. профессором А.К. Пузыревским был составлен основной каталог для войсковых офицерских библиотек, который в 1886—1902 гг., постепенно пополняясь, выдержал 4 издания. С течением времени обязанности по выбору книг возлагались на главный комитет по устройству и образованию войск, а также на главное управление Генерального штаба, причём перечень одобренных книг по-прежнему объявлялся в циркулярах Главного управления.

С 1878 г., согласно Уставу офицерских собраний, библиотеки составляют неотъемлемую их часть и обязательно учреждаются во всех войсковых частях. Что касается средств, отпускаемых на библиотеки, то, хотя они и были установлены, но крайне незначительные, например в 1886 г. на всю армию отпускалось менее 50 000 руб., а в 1910 г. — до 120 000 руб. Ввиду недостаточности средств офицеры по-прежнему дополняли их вычетами из своего жалования.

К началу XX в. военные библиотеки, как правило, имели опубликованные каталоги, положения и уставы, правила пользования. Фонд этих библиотек составлял от 200—300 книг до нескольких тысяч томов, например в Измайловском и Сапёрном полках фонд вырос до 3 тыс. томов¹⁰, в Семёновском — до 6 тысяч¹¹.

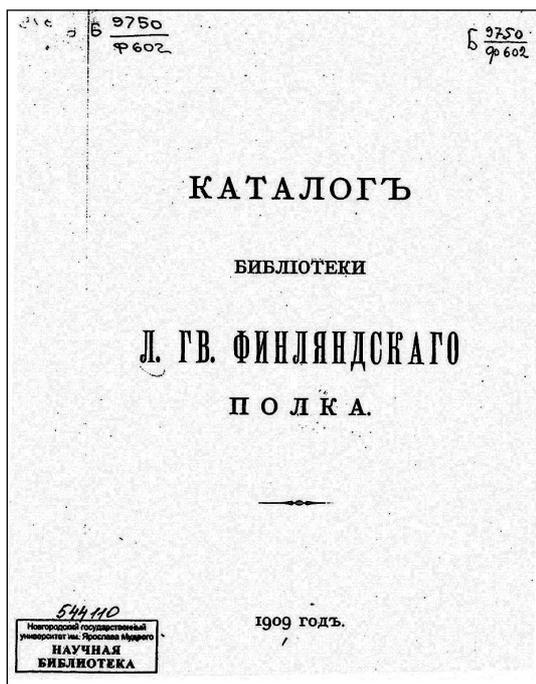
КНИГОВЫДАЧА НА АБОНЕМЕНТЕ И В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Во всех военных библиотеках имелась «Книга для записи выдаваемых из библиотеки книг для чтения». Каждый читатель при записи в библиотеку

получал личную номерную книжку библиотеки, без предъявления которой он не обслуживался. Одновременно читателю могли вручить экземпляр печатного каталога всем книгам и «Положение о библиотеке».

В тех случаях, когда позволяла площадь, в библиотеке отводили помещение для «раздаточной книжной комнаты» (абонемента) и «читальни» (читального зала). На дом книги могли брать все члены офицерского собрания; гости, приглашённые на один вечер, могли пользоваться литературой только в помещении читального зала. Во все времена на дом не выдавались справочники, карты, атласы. Существовали библиотеки, где справочники выдавались на ночь (с 23.00 до 8.00).

Обычно на абонемента находилась книга очердников («кандидатов на получение книг»), правила книговыдачи, печатный каталог со всеми дополнениями и изменениями, книга заявок на приобретение литературы. Во всех читальных залах практиковался открытый доступ к картам, сравнительным справочным таблицам,

Титульный лист каталога библиотеки Лейб-гвардии Финляндского полка

справочникам, моделям сооружений, альбомам, календарям, свежим номерам газет и журналов, причём «свежесть»

Казармы Лейб-гвардии Финляндского полка в Санкт-Петербурге. Современное фото

определялась в каждом конкретном случае по-своему. Количество выдаваемой на руки литературы не было одинаковым, поскольку в Уставах 1874 и 1884 гг. об этом не упоминалось.

Первым читателем новой книги, поступившей в библиотеку, всегда был тот, кто первым записал её для приобретения; книговыдача осуществлялась только в часы работы библиотеки, а принять литературу мог и помощник библиотекаря (солдат или унтер) и в другое время. Выдать литературу можно было лично самому читателю или по его записке курьеру. Читатели, отправлявшиеся в отпуск или командировку, должны были сдать всю литературу.

Очень жёстко стоял тогда вопрос о дефектах (повреждениях) книг и штрафах за нарушение правил пользования библиотекой. Заявления о дефектах, устные или

письменные, принимались не позднее двух дней после книговыдачи. Существовали штрафы за задержку книги даже на один день; более того, если издание не возвращали в течение месяца после записанного срока, его признавали утерянным и с читателя взыскивали полную стоимость. В случае повреждения хотя бы одной страницы налагался штраф в размере 10–50% стоимости издания, а если обнаруживалась хотя бы одна вырванная страница, взымалась полная стоимость издания плюс расходы на пересылку и доставку новой книги. Штрафы брали также за самовольный, без записи и разрешения, вынос литературы из библиотеки.

Если повреждался хотя бы один том из собрания сочинений, с виновного взыскивалась полная стоимость всего комплекта, а дефектный экземпляр возвращался читателю-виновнику. Не возбранялось докупить повреждённый том.

Во всех библиотеках имела «Книга мнений офицеров об улучшении библиотеки».

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ В БИБЛИОТЕКЕ

Типовое положение содержало набор общих правил поведения в библиотеке, которые в каждом конкретном

случае детализировались Распорядительным комитетом, но под общим запретом в помещении военной библиотеки были любые игры, включая карточную, чтение вслух, пение, громкие разговоры.

В целом, рассматривая различные аспекты деятельности библиотек и управления аппарата, анализируя состав фонда, можно говорить о высоком уровне организации и функционирования военных библиотек в дореволюционное время.

Штамп библиотеки Лейб-гвардии Финляндского полка

ЛИТЕРАТУРА

Антонов Б.И. Императорская гвардия в Санкт-Петербурге. СПб., 2001.
 Ахундзянов С. Из истории офицерских собраний // Вестник противовоздушной обороны. 1991. № 2. С. 79–80.
 Бахтияров А. История книги на Руси. СПб., 1890 г.
 Гулевич С. А. История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806–1906 гг.: в 5 ч. СПб., 1906–1909.
 Дуроп К.Н. Основной каталог для войсковых офицерских библиотек. СПб., 1902.
 Каталог библиотеки 3-го Финляндского стрелкового полка / сост. капитан Худяков. СПб., 1902.
 Кива Г.Л. Военные библиотеки // Библиотечная энциклопедия. М., 2007. С. 270–272.
 Клещук С.Е. Военные научно-технические библиотеки в русской императорской армии // Научные и технические библиотеки. 1999. № 9. С. 64–78.
 Лютос С. Военные библиотеки сквозь призму исторического опыта // Библиотекосведение. 2003. № 2. С. 106–110. Библиогр.: С. 109–110.

Маковейчук Ю. Старые добрые офицерские собрания // Ориентир. 2002. № 4.
 Матвеева И.Г. Военные библиотеки офицерских собраний дореволюционного Санкт-Петербурга // Научные и технические библиотеки. 2004. № 7. С. 95–99. Библиогр.: С. 98–99.
 Панченко А.М. История войсковых офицерских библиотек в русской армии: XIX – начало XX века : Дис. канд. ист. наук : 05.25.03 : Новосибирск, 2005. С. 298.
 Положение об Офицерском собрании Л.-гв. Егерского полка: Составлено по поручению командира полка Распорядительным комитетом Офицерского собрания, в составе: полк. Кутелова [Сергея Ивановича], кап. Щербинского [Ксаверия Александровича] и штабс-кап. Мейнике [Альберта Львовича] и Ченгери [Иосифа Онуфриевича]. СПб., 1899.
 Пузыревский А.К. Основной каталог для войсковых офицерских библиотек. СПб., 1888.
 Пузыревский А.К. Сборник тем для бесед офицеров в войсковых собраниях / А.К. Пузыревский. СПб., 1895.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исторически первой военной библиотекой можно считать библиотеку Кронштадтского морского собрания, учреждённую в 1803 г. по инициативе «правителя дел военной по флоту канцелярии» П.В. Чичагова. Средства были выделены из Кабинета Его Величества, т. е. лично от Александра I. (Отметим, что ещё в 1786 г. в Кронштадте 11 марта был открыт офицерский клуб и в него сразу начали поступать газеты и журналы.) Официально библиотеку как часть Кронштадтского морского собрания оформили 10 авг. 1832 г. — повелением Николая I, причём император сразу дал 6 тыс. руб. на её «обзаведение».

² При формировании был назван Новгородским внутренним гарнизонным батальоном, и далее в разное время переименовывался. В 1864 г. 13 августа назван Новгородским Губернским батальоном. 26 августа 1874 г. назван Новгородским местным батальоном. Из 1/3 батальона 31 июля 1877 г. сформирован 13-й резервный батальон (11 сентября 1878 г. упразднён), а остаток по укомплектованию остался под названием Новгородского местного батальона. В 1878 г., 31 августа назван 2-м резервным пехотным батальоном (кадровым). 25 марта 1891 г. назван Волховским резервным батальоном. И только в 1892 г. 15 сентября переформирован в двухбатальонный 3-й Финляндский стрелковый полк.

³ См.: Рукавичникова В.В. «Кают-компания броненосца „Наварин” просит...» // Альманах «Чело». № 1 (49) 2011. С. 92–94 / www.novsu.ru/press/chelo/

⁴ Каталог библиотеки Л. Гв. Финляндского полка. 1909. С. 46.

⁵ Фактический год основания – 1918, когда приказом Наркомпроса был основан Третий Петроградский педагогический институт. В 1920 институту присвоено имя А.И. Герцена. В 1922–1923 гг. 1-й, 2-й и 3-й педагогические институты были объединены в Ленинградский государственный педагогический институт (ЛГПИ) им. А.И. Герцена.

⁶ Функционировал с 1934/35 уч. года по 1952/53 уч. год с перерывом на 1941–1945 годы.

⁷ История Лейб-гвардии Финляндского полка. 1806–1906 гг. / Сост. капитан С. Гулевич. Ч. 4. 1881–1906. СПб., 1907. С. 445.

⁸ Положение об Офицерском собрании Л.-гв. Егерского полка: Составлено по поручению командира полка Распорядительным комитетом Офицерского собрания, в составе: полк. Кутепова [Сергея Ивановича], кап. Щербинского [Ксаверия Александровича] и штабс-кап. Мейнике [Альберта Львовича] и Ченгери [Иосифа Онуфриевича]. – СПб., 1899. С. 15.

⁹ Ахундзянов С. Из истории офицерских собраний // Вестник противовоздушной обороны. 1991. № 2. С. 79.

¹⁰ Систематический каталог Библиотеки Лейб-гвардии Измайловского полка / Сост. А.Л. Герхен. СПб., 1901.

¹¹ Систематический каталог Библиотеки Лейб-гвардии Семеновского полка: В 2 ч. / Сост. Г.А. Мин. СПб., 1903.

Памятник Лейб-гвардии Финляндскому полку на Бородинском поле. Поставлен в 1812 году по проекту архитектора Ф.С. Былевского

Нагрудный знак Лейб-гвардии Финляндского полка

Надпись на южной стороне памятника: «ПОДВИГАМ ДОБЛЕСТИ СЛАВА, ЧЕСТЬ, ПАМЯТЬ»

Н.И. Морылёва

**Строгова В.П. Древние топонимы
Великого Новгорода и его окрестностей / Строгова В.П., Секретарь Л.А. —
Великий Новгород, 2011. — 96 с., ил.**

Совсем недавно я уже вспоминала в своём обзоре книгу по новгородике Веру Павловну Строгову, в связи с выходом в свет «Новгородского областного словаря». Этот мощный том (1435 страниц) издан Институтом лингвистических исследований РАН, но в его основе лежат 12 выпусков «Новгородского областного словаря», опубликованных в НовГУ в 1992—1995 гг. В данном издании, в статье Л.Н. Сергеевой, посвящённой памяти Веры Павловны Строговой (1924—1996 гг.), эти 12 выпусков характеризуются как наиболее значимый труд, венец всей её научной деятельности в области русской диалектологии, результат более чем 30-летней совместной работы с коллегами и учениками.

Ученики — одно из значимых ключевых звеньев в деятельности Веры Павловны, поэтому результаты её труда востребованы по сей день. Она была не просто учёным-лингвистом, отдавшим все свои силы исследованиям северо-западных говоров и лексики древних новгородских письменных памятников, но и преподавателем НГПИ с 1958 года, прекрасным, любимым педагогом, воспитавшим целую плеяду учеников, ныне продолжающих развитие того научного направления, которому она оставалась верна всю жизнь.

Автор книги — Людмила Андреевна Секретарь, бывшая ученица, теперь известный историк, исследователь архитектуры и автор многих публикаций по новгородике. Она исполнила их с Верой Павловной замысел: переиздать брошюру «Древние топонимы Новгорода и его окрестностей», изданную Строговой в 1993 году. Основной организатор подготовки издания книги — заместитель председателя Думы, председатель топонимической комиссии при Думе Великого Новгорода Елена Фёдоровна Филиппова. Она писала диплом под руководством профессора Строговой. Причём это была работа по топонимике Новгородского района, но тогда Елена Фёдоровна не могла представить, в какой форме топонимика вернётся в её жизнь.

Веру Павловну не стало в 1996 году, а их совместный с Людмилой Андреевной Секретарь труд, задуманный

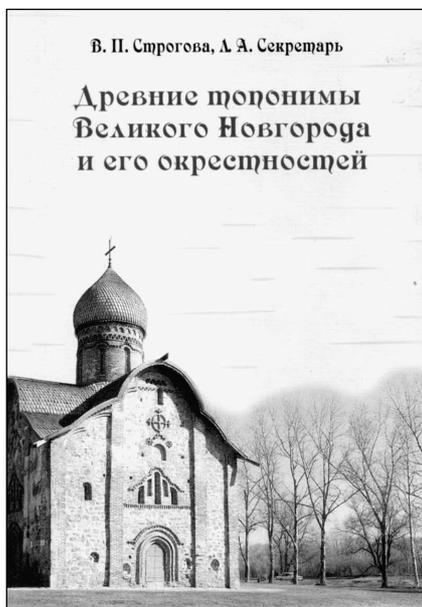
в 1995 году, когда Строгова предложила наполнить свой лингвистический текст историческими материалами с описанием монастырей и храмов новгородских, увидел свет в 2011 году. Ещё одним создателем книги стал фотохудожник Александр Иванович Орлов, и очень жаль, что прекрасными иллюстрациями в цвете пришлось пожертвовать в пользу увеличения тиража издания до 500 экземпляров.

Но и этот тираж мог быть не издан, если бы не совместные финансовые и организационные усилия

целого ряда новгородцев, понимающих всю значимость Великого Новгорода для истории, культуры, искусства Российского государства. Работу удалось довести до конца благодаря помощи мэра Великого Новгорода Юрия Ивановича Бобрышева; президента Новгородского городского общественного фонда содействия развитию местного самоуправления и городского хозяйства «Великий Новгород» Кондрашева Геннадия Дмитриевича; ЗАО «Новгородский металлургический завод»; депутата Думы Великого Новгорода Юрия Алексеевича Мурашова; Новгородского общества любителей древности во главе с его председателем Сергеем Викторовичем Трояновским; предпринимателя Вадима Генриховича Аликина.

И вот этот труд, плод усилий столь многих людей, предстал перед новгородцами, правда, чтобы познакомиться с этим изданием, придётся пойти в библиотеку, весь тираж уже разошёлся по учреждениям культуры и образования и вряд ли попадёт в книжные магазины. Но мы, библиотекари, будем только рады, что наличие подобного тома заставит жителей города лишний раз зайти в залы что-то опустевших в последнее время библиотек.

Издание «Древние топонимы Великого Новгорода и его окрестностей» состоит из 24 очерков. Источником для их написания послужили новгородские летописи, писцовые книги, берестяные грамоты, данные диалектной лексикологии, материалы археологических исследований и архивные документы. Книга даёт описание и толкование названий географических мест новгородской округи, объясняет происхождение названий исторических мест, а также включает

интересные факты, связанные со строительством там церквей или основанием монастырей. Ведь многочисленные новгородские храмы и монастыри, как сохранившиеся, так и утраченные, помимо имени данного им при основании христианского святого или церковного праздника, содержат топоним-ориентир, который позволяет легко отыскать их местоположение в черте города и его окрестностях. Исчезновение памятника нередко приводит к забвению топонима. Потому что появившиеся часто задолго до основания

христианских святынь названия отражали особенности забытого или изменившегося за века жизненного уклада, природного ландшафта, имена и прозвища людей, сведения о которых канули в лету и продолжали бытовать в человеческом сознании только благодаря существованию церквей и монастырей.

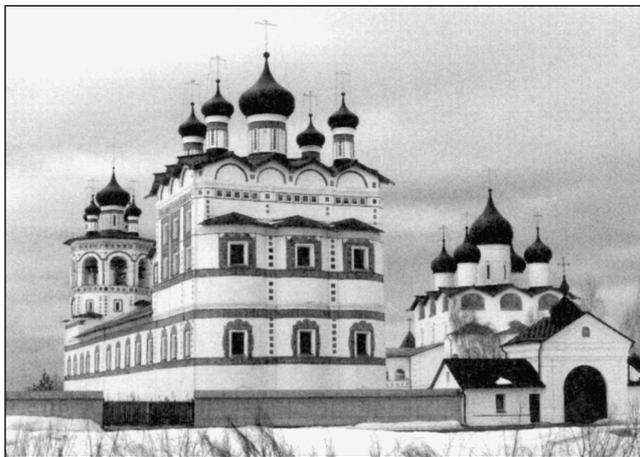
В каждом очерке даны подробные указания о местоположении памятника архитектуры, но мне всё-таки не хватало карты. Я вышла из этого положения просто — взяла книгу Людмилы Андреевны Секретарь, вышедшую в 2011 году в Москве: «Монастыри Великого Новгорода и окрестностей». Это уникальное издание, венец многолетней вдохновенной и скрупулёзной работы автора. И на форзаце этого мощного фолианта (656 с.) помещены карты Новгорода и новгородской округи со всеми принадлежащими им монастырями. Вообще, хотелось бы заметить, что эти столь разные по объёму, но сходные по тематике, прекрасно дополняющие друг друга книги надо читать и изучать обязательно вместе.

Топонимы-ориентиры, представленные в книге «Древние топонимы Великого Новгорода и его окрестностей», датируются XI—XIV веками и дают возможность не только увидеть своеобразие новгородского зодчества, но и являются животворным источником для познания как материальной, так и духовной культуры древней новгородской земли. Изучение всей топонимической системы Великого Новгорода и его окрестностей позволяет исследователям ответить на многие вопросы, связанные с расселением на этой территории племён и их этнической принадлежностью, историей землевладения, типами ведения хозяйства, особенностями исторического ландшафта, животного и растительного мира.

Авторы отмечают, что с точки зрения происхождения можно выделить две основные группы названий. Первую группу составляют топонимы, в основе которых лежат природные факторы: особенности ландшафта, рельефа местности — Нелезен остров, Сквородка, Красное поле, Пропасти; особенности почв — Опоки, особенности растительного мира — Липно, особенности животного мира — Вяжищи. К примеру, в верховьях Веряжи на берегу которой расположен Николаевский Вяжищский монастырь, издавна водились бобры, а их хатки — вяжи, на языке XI—XVII веков, по-видимому, дали обозначение местности.

Вторую группу составляют топонимы, в основе которых лежит всё, что связано с человеком и его деятельностью: имена людей — Антоново, Юрьево, Ярослав двор, Радоковичи; имена языческих богов — Перынь, Волоотово; род занятий жителей — Нередица, Сильнище, Кожевники, Ковалёво; результаты человеческой жизни и деятельности — Коломцы, Колмово, Мостищи, Городище, Зверинец. К примеру, топоним Ковалёво образован от коваль — кузнец. Согласно преданиям, до построения монастыря здесь жили несколько дворами кузнецы, то есть ковачи или ковали. Нередица от слова «*неред, нерет*» со значением «рыболовный снаряд из прутьев». Ловля рыбы нередями жителями этих мест на Волховце и дала название берегу и по смежности с ним холму (горе) Нередица, где вероятно, не только ловили рыбу, но и сушили после ловли эти рыболовные снасти.

Надо сказать, что трактовка происхождения названий топонимов во многих случаях неоднозначна, иногда одновременно существует несколько версий, высказанных разными исследователями, или иные версии появляются по мере появления новых научных знаний. Некоторые исследователи рассматривали происхождение топонима Хутын от слова «худый», худое место, которое от нечистой силы очистил Варлаам

Хутынский (Макарий). Современные археологические данные поддерживают языческую, худую с точки зрения христиан, древность этого места (В.А. Булкин, Г.М. Штендер). Другие объясняют происхождение названия от имени древнеславянского бога Хота (В.Я. Конечский, Е.Н. Носов). Есть ещё вариант с вовсе

противоположным значением, когда происхождение топонима возводят к словам «хоть и хотинь», в значении «желание, желанный, любимый». Топоним Волотово поле считался происходящим от имени языческого бога Велеса или Волоса, мужского имени Волот; теперь высказано предположение, что это название одного из финно-угорских племён, менее известных, чем чудь или воль.

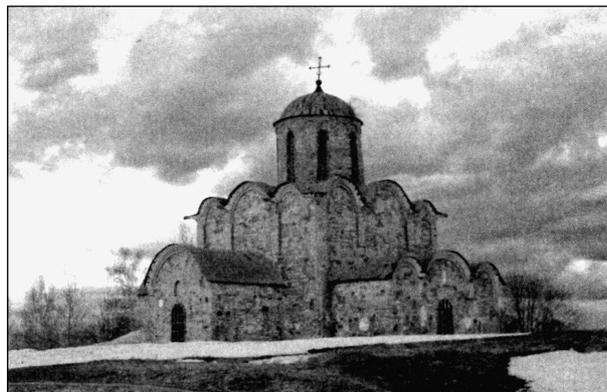
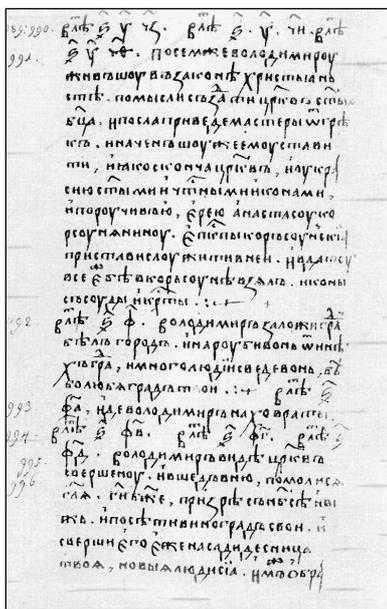
В связи с названием именно этого топонима, хотелось бы заметить, что в книге не хватает ударений. В средствах массовой информации, широко отображавших несколько лет тому назад восстановление церкви Успения в Волотово, ударение ставилось на первый слог. И это как бы общепринятое произношение этого слова. Т.В. Шмелёва в своей публикации в «Новой новгородской газете» отмечает, что в книге Строговой 1993 года, в которой она сама от руки ставила ударения, совсем другое звучание этого топонима — Волотово, с ударением на предпоследнем слоге.

Я приехала в Новгород из другого региона, и местная система ударений вызывает у меня затруднения. Как человек книжный, с местными топонимами знакомилась, читая книги по новгородике, отсутствие в тексте ударения приводило к тому, что в разговоре с местными жителями я произносила топонимы неправильно, а иногда сталкивалась и с разными ударениями в воспроизведении названий. Так что мне до сих пор непонятно, как правильно говорить: Нередица, или Нередица, Вяжищи или Вяжищи...

Печально констатировать, но эта одна из составляющих книжной культуры, к сожалению, вымывается из нашего сегодняшнего издательского дела. Даже современные энциклопедические издания не считают нужным использовать ударения.

Ещё хотелось бы подчеркнуть, что включение в состав книги древнерусских текстов, свидетельствующих о существовании разнообразных фонетических вариантов наименования топонимов в древних документах, позволяет дать более обоснованное лингвистическое и историческое истолкование топонимов, подойти ближе к достоверному объяснению их происхождения, хотя, как я уже говорила, новые гипотезы появляются всё время. Так, Т.В. Шмелёва указывает на то, что появились новые работы по новгородской топонимике, например, о Нутной улице, Вяжищах, что имеются иные объяснения топонима Радоковичи (В.Л. Васильев «Архаическая топонимия Новгородской земли». Великий Новгород, 2005).

В заключение хотелось бы сказать, что рассмотренные в очерках топонимы-ориентиры являются очень небольшой частью обширной топонимической системы нашего древнего города. Она складывалась на протяжении многих столетий и включала названия рек, ручьёв, улиц и переулков, окрестных населённых мест. К сожалению, у В.П. Строговой осталась неизданной вторая часть её книги, посвящённая объяснению названий концов и улиц Великого Новгорода. Будем надеяться на публикацию этого труда в ближайшем будущем и переиздание «Древних топонимов Великого Новгорода и его окрестностей». Издания, которое едва успевает выйти, уже становится библиографической редкостью. Подобные книги важны для каждого новгородца, чтобы мы осознавали себя наследниками и продолжателями славной истории нашего города, понимали тот исторический вклад, который сделал в общую копилку Российской истории Новгород Великий.

В статье использованы иллюстрации из книги В.П. Строговой, Л.А. Секретарь «Древние топонимы Великого Новгорода и его окрестностей».

Владимир Краснов — член Союза писателей России с 2002 года. Его рассказы и очерки печатались в новгородских, петербургских и московских газетах, журналах и альманахах: «Север», «Лад», «Русская провинция», «Муравейник», «Союзное государство», «Государственное управление ресурсами», «Чело», «Мирь» и «Вече».

Владимир Павлович Краснов родился в деревне Пирос Боровичского района. Вырос на берегу Мсты в старинном селе Опеченский Посад. Окончил филологический факультет Новгородского государственного педагогического института и спецотделение факультета журналистики МГУ. Работал учителем сельской школы, корреспондентом районных, областных и региональных газет. В настоящее время — главный редактор газеты «Красная искра», издающейся в г. Боровичи Новгородской области.

В 2001 году в Санкт-Петербурге вышел сборник рассказов и очерков В. Краснова «Вот опять приходит весна...». *«Скучный деревенский быт, неяркая северная русская природа, какие-то незначительные события... Но в каждом описании, в каждой (неслучайной) мелочи проступает вечная тема мимолётности жизни, невозвратимости каждого её бесценного мгновения, или, как я определяю это для себя, — горечи бытия», — пишет в предисловии к ней Руслан Дериглазов. «И в каждом рассказе, — продолжает Р. Дериглазов, — ничего как будто особенного, будничная жизнь, заурядные люди и обстоятельства, изображённые скупно, словно мельком, а то и вообще едва намеченные, — а поди ж ты, читаешь с тем невольным легким замиранием сердца, по которому безошибочно узнаётся настоящая литература».*

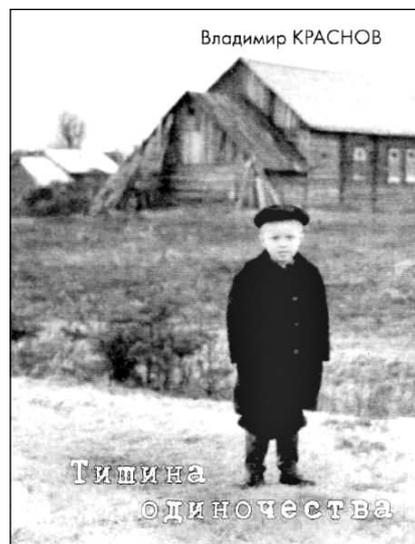
В 2007 году вышла книга «Керамический век Боровичей», посвящённая истории Боровичского комбината огнеупоров от первых кустарных промыслов белой глины до сегодняшнего дня флагмана огнеупорной промышленности России.

В 2008 году в возрождённой библиотеке «Огонька» в серии «Образцы современной русской прозы» издаётся книга «Горький дым памяти». После её выхода рассказы Краснова с их прекрасным русским языком, тонкой изящной стилистикой и глубоким задушевым лиризмом заслуженно получили всероссийскую известность. Рассказы, написанные им в последние годы, а также очерки писатель включил в книгу «Тишина одиночества», вышедшую в 2009 году в петербургском издательстве «Астерион».

«Рассказы Краснова — две-три маленькие страницы забытого космоса, который только и возникает „под лупой“ русского рассказа. С мурашками по спине от попадания в другое измерение, где время выпукло и медленно, всё явленное названо, всё обычно не достаивающее внимания, его удостоено», — так отозвалась о творчестве писателя после знакомства с ним корреспондент «Российской газеты» Елена Яковлева.

В ноябре 2010 г. в Новгородской областной универсальной научной библиотеке состоялась встреча с Владимиром Красновым и презентация его книги «Тишина одиночества».

«Облака» — небольшие зарисовки В.П. Краснова как раз и есть «маленькие страницы забытого космоса»...

Е.В. Барканова

В.П. Краснов

ОБЛАКА

*Как передать то мучительно зыбкое состояние между явью и сном, которое охватывает меня, когда неожиданно-негаданно, откуда-то из потаённых глубин памяти вытывают лёгкие, как облака, видения? Они и пахнут облаками, бестелесностью прожитых лет...
Чего только не вспоминается мне...*

Посмотрел по телевизору последние кадры «Дворянского гнезда» и вспомнил, как смотрел этот фильм в армии. Фильм без конца прерывался, в зале вспыхивал свет, и вместо Лизы Калитиной, Лаврецкого и старика Лемма я видел равнодушных к их судьбе товарищей по оружию, которые давно ушли бы из зала, если бы не железная воля отцов-командиров. Но снова гас свет, и на белом экране оживала давно забытая, давно ушедшая жизнь с тенистыми парками и затянутыми ряской прудами, со скучающими барышнями и тоскующими незнамо о чём русскими помещиками...

И мерещилось мне, что это в меня, а не в Лаврецкого, влюблена трепетная Лиза, и это ко мне, а не к нему дождливым вечером она вышла на балкон, и не ему, а мне адресованы её полные скрытого душевного огня улыбки и взгляды... И я забывал о том, что живу веком позже, что на моих плечах не дворянский сюртук, а гимнастёрка с погонами рядового Советской армии... Что рядом со мной не бедняга Лемм, вынужденный доживать свои дни на чужбине, а полные сил и нерастраченной энергии парни из Куйбышева, Новгорода, Махачкалы, Грозного, Фрунзе и Чарджоу. Но всех роднило то, что каждый из нас, как бы он ни храбрился, скучал по оставленному где-то далеко дому. Польша была для нас такой же чужбиной, какой была для старика Лемма холодная и непонятная Россия.

«Дождь мелко сеется, да долго тянется» — вспомнилась мне услышанная от мамы поговорка. Дождь льёт сегодня весь день. В такую погоду, если некуда спешить, хорошо работается. Если настроиться на работу утром. Но утром надо идти в больницу, терпеливо ждать, когда закончатся предписанные врачами процедуры. Чтобы скоротать время, читаю на больничной койке Набокова. Писать после Набокова тяжело: кажется, что точнее и лучше просто не скажешь. Правда, в прозе его (особенно в прозе) всегда присутствует холодок стороннего наблюдателя. Он решителен и безжалостен, как хороший хирург.

А читал я, краем глаза поглядывая, как кровь моя перетекает в стеклянную бутылку, а потом из бутылки возвращается назад, его заметки о Гоголе. И ещё смотрел в окно, за которым клубились низкие тучи, и яблонева ветка покачивалась от ветра.

Мурманск. Одиночество в портовом городе, маета, незакатное солнце, сопки, коммуналки в деревянных довоенных бараках, ресторан «Встречи», бесконечные встречи в городе, состоящем из моряков и бесчисленных бичей, женщины в летящих одеждах, бегущий по волнам ветер, вольный ветер странствий, комиссионки, набитые скучным заграничным барахлом, скучные разговоры о барахле («в Дакаре взял пару корейских футболок,

американские джинсы...»), скучное баночное пиво, скучная жизнь в весёлом, полном соблазнов городе...

В воздухе висит сухая ржаная пыль. Вода во Мсте тёплая, почти парная. Река заметно обмелела. Томительный запах сена. Лай собак. Облака на горизонте стоят неподвижно, как далёкие приморские города с церквями, башнями и минаретами. Закат болезненно красный. Птицы поют, как днём. Кто-то проехал на мотоцикле с копытой сена в коляске.

Заводят свою скрипучую песню дергачи.

Громкий назойливый скрип дергачей, зонтики травы-уроода борщевика смутно белеют в темноте. Лошади пасутся, печально позвякивая колокольцами.

Красный глаз луны бессонно таращится на притихший к ночи Опеченский Посад. Взревел где-то мотоцикл, и треск его, замирая, пропал во мгле.

Мелеют колодцы. За ночь истомлённая зноем земля исторгает из своих недр лужицу мутной, пополам с песком, воды, годной только для полива.

Продают землянику. стаканчик солнечных ягод, собранных, как сообщила словоохотливая «продавщица», на озере Крюково, стоит двенадцать целковых. Да и то сказать — жара, слепни, мухи, мошка... И за двенадцать долларов не каждый решится на подобную «экспедицию».

Воздух застыл, как вода в застоялом пруду. Кошки от жары не бегут — плывут, пересекая тротуар, как большие хвостатые рыбы.

Как передать то счастливое и безмерное ощущение жизни, которое не покидало меня той весной ни на миг? Всё, что случилось со мной, даже драка на ночной улице, даже это было овечно ореолом неизъяснимого счастья, да, да, именно счастья, и кровь на снегу, и выбитые зубы, и рассечённая губа, и тягостное чувство тоски, преследовавшее меня после той драки, и чугунная гирилка от часов, которую я носил в кармане вместо кастета, и та глупая драка, которую учинил я, пытаюсь расчитать с одним из обидчиков, и мои страдания по Н. (о, эти ветреные Н., Н.Н., Н.Ф.И., над загадкой которых бьются потом литературоведы, какой была бы без них русская литература!)

Я жил тогда в счастливом тумане ожиданий, из коего неясно, но уже вырисовывалась моя, ни на чью другую не похожая, судьба. Всё в этом тумане, как в предутреннем сне, казалось исполненным немислимого, непосильного счастья. Ночные блуждания по Опеченскому Посаду, тёмная, беззвёздная река, своей текучестью повторявшая небо, пузыри на воде, изменчивый рисунок которых напоминал древние нерасшифрованные письма...

Река и была той книгой судеб, где всё прописано до дня, до часа, до минуты и мгновения, и, когда мы

с другом Вовкой ходили по нестойкому апрельскому льду, источенному течением, и вода чавкала в бесчисленных лунках, наподобие гейзеров на застывшей вулканической лаве, я понимал, что с нами ничего пока ещё не случится: мы не провалимся под лёд, не утонем на глазах у Н., и посему, как гусары, играющие в русскую рулетку, хладнокровно играли на ходу «в дурака», держа в руках карты веером.

Чистым безумием было гулять так посреди реки, и я не знаю, как это осторожный Вовка ввязался вместе со мной в эту детскую игру со смертью. Я то знал, ради чего именно так поступаю, я и не мог иначе, а ему-то это было зачем? А вот зачем — просто так. Многое тогда делалось просто так. За компанию.

Я до сих пор не знаю, видела ли та, ради которой всё это было затеяно, наше гулянье между промоин. Купеческий особняк на берегу блестел намытыми к Пасхе стёклами, и ни в одном из окон, ни на первом, ни на втором этаже не заметно было никакого движения.

По реке давно уже никто не ходил, и какая-то бабка в плюшевой жакетке, размахивая пустой кошелкой, кричала нам с берега:

— Вы что, желанные, с ума сошли? Утонуть хотите? Лед-то, что сахар, провалитесь...

— Ничего, бабушка, — беспечно отвечали мы, — не провалимся... — Но в бодрых интонациях наших дрожали нотки с трудом сдерживаемого страха — лёд впереди был тонок, как папиросная бумага, и вздрагивал от каждого нашего шага. И когда дом, на окна которого я старался не смотреть, остался позади, не сговариваясь, мы с Вовкой прервали едва начатую партию «в дурака» (дураком всякий раз оставался я), рассовали карты по карманам и осторожно, точно по минному полю, двинулись к берегу. И только у берега, между кромкой льда и узкой промоиной, отделявшей нас от тверди земной, перевели дух и рассмеялись безо всякой причины.

А потом, примостившись на подстилке из сухой прошлогодней травы, источавшей бесплотный дух прошлого лета, мы хохотали долго, с надрывом, и никак не могли остановиться...

Высунув языки, со всем усердием, на какое способны лишь юные души, ладили мы огромный, как стог, пионерский костёр. Ради этого костра нас отпустили с уроков. Мы таскали хворост со всего леса, мы валили сушняк... Костёр получился на славу. В качестве бесплатного приложения к нему мы сделали (никто нас об этом не просил) некое подобие шалаша в Разливе и, довольные своей работой, явились в школу в ореоле победителей.

А когда вся школа со знамёнами, барабанами и горнами нестройной колонной двинулась на нашу поляну, наш костёр мирно догорал последними головешками...

Возглас разочарования вырвался из сотен детских уст. Мы оправдывались, и, если бы не шалаш, чудом спасённый от огня, нам ни за что не поверили бы. Костёр, конечно, сладили. Не такой, как у нас, похуже, но и он весело и беззаботно полыхал рыжим пламенем среди бела дня под пионерскую песню: «Взвейтесь кострами, синие ночи...»

В тот день, точнее, уже вечером, я испытал лёгкую, как простуда, влюблённость в одноклассницу Таню. Набившись в кузов школьного грузовика, мы возвращались в родные пенаты. Машину кидало из стороны в сторону, и

Таня, дабы удержаться на ногах, схватилась за рукав моей вельветовой куртки. Сердце у меня ёкнуло и зануло, не знаю от чего, но счастье длилось недолго. Ровно через минуту Таня уже уцепилась за другой рукав, это был рукав красавчика Толи. За мой рукав она больше не цеплялась, как ни старался я, рискуя упасть, оказаться поближе к ней...

На ночлег меня отпускали в общежитие к другу. Коротко стриженный, я шагал через весь город в общагу, где в восемнадцатом столетии располагалась семинарская библиотека. В комнате под сводами обитало человек пятнадцать парней. Койки стояли и так, и этак, и ещё как-то... Мишкина койка стояла у окна, забранного кованой решёткой. За окном цвела черемуха, чернели огородные грядки, крапива зеленела... Все были заняты делом, все знали друг друга, все знали, что будет с ними завтра, послезавтра... Один я ничего не знал. Судьба моя каждый день решалась и никак не могла решиться окончательно и бесповоротно.

Двор военкомата, суетный и многолюдный с утра, к вечеру пустел. Стриженные «под ноль» новобранцы уезжали на приземистых, как танки, «Икарусах», их провожали, им махали рукой, кричали что-то счастливое, напутственное, необязательное. А я оставался. Личное моё дело, не подписанное непреклонным в своей правоте врачом-отоларингологом, обнаружившим у меня воспаление среднего уха, опять откладывалось в сторону. До следующего утра.

Я сидел на Мишкиной койке, читал какую-то книжку, найденную у него в тумбочке, и не понимал прочитанного. Сквозь червленую вязь букв мелькали лица, в ушах звенели воинские команды, мальчишеские голоса, гитарные переборы...

Господи! Каким надёжным и прекрасным казалось мне в те дни нищее студенческое житие с его теснотой, запахом пыли и давно немых полов, с его низкими сводчатыми потолками и серыми, в подтёках и трещинах, стенами... Как хотел бы я оказаться среди этих счастливых, не понимающих своего счастья! Я смотрел на них с любовью и уважением, как пришелец из далёких нездешних миров, а они... Они едва ли замечали меня. Все они, включая моего школьного друга, были заняты собой, и ничего, кроме самих себя, не видели в окружающем их мире.

«Пара гнедых, запряжённых с зарёю...» Песню эту я впервые услышал от друга, прибывшего на побывку. И мы как-то раз горячо и неумело пели её, когда на поляне в сосновом лесу распили на двоих бутылку вина, закусив холодное вино плавленым сырком. Был март. Над нами, над соснами, тесно нас обступившими, сияли звёзды. Звёзд было так много, так ясно и чисто мерцали они, то приближаясь к земле, то отдаляясь, что нам невольно казалось, будто мы там, в небесах, и оттуда наблюдаем город, раскинувшийся внизу. И видим с поднебесных высот улицы и проспекты, освещённые фонарями, видим лес, видим костёр, догорающий на снегу, видим две тёмные фигурки у костра, слышим песню, от которой нам, преисполненным счастья, хочется плакать...

Но мы, только что спустившиеся с небес на землю, не плачем, мы допиваем остатки вина и, оставив у мерцающих углей пустую бутылку, два гранёных стакана и золотинку от плавленого сырка, по тропке, пробитой в снегу, выходим на дорогу, поблескивающую следами санных полозьев. От нас пахнет дымом, вином, мартовским снегом... А от дороги, от леса, темнеющего по краям, наносит конским навозом, сенной трухой, хвоей сосновой, корой и шишками... Шишками, сорванными по пути, мы швыряемся друг в друга, хохочем и... бросаем это никчёмное, легкомысленное занятие. Поскрипывает под сапогами зернистый мартовский снег, звенит в ушах звёздная тишина, и сквозь мерцающий сумрак вечности доносится до нас дальний звон колокольчика, конский топ и замирающий в звездной тиши голос: «Пара гнедых, запряжённых с зарею...».

Проводив сына на ранний утренний поезд, я возвращался домой, кипятил на газу чай и, прихлёбывая на тесной кухоньке горячий до горечи чай, вспоминал, как шли с ним к вокзалу, как шутили дорогой, как разговаривали потом под жёлтым пятном света у будки путевого обходчика, дожидаясь, когда вслед за мурманским пойдёт новгородский поезд... Мурманский часто запаздывал, и мы стояли, переминаясь с ноги на ногу, под студёным безжалостным ветром, смеялись над чем-то, и я наставлял сына, как жить ему в чужом городе среди малознакомых людей, хорошо сознавая всю бессмысленность таких наставлений.

И меня когда-то наставлял отец, и я, как и мой незаметно повзрослевший сын, вежливо соглашался: «Да, да, конечно, папа...». И думал о чём-то, о своём...

Воскресный вечер всегда исполнен печали: исчерпан блаженный запас свободного времени, которым ты волен распорядиться по своему усмотрению... В пятницу вечером кажется, что ты горы свернёшь за два выходных дня, но вот уже воскресенье, вечер, кошки на душе скребут и ничего, кроме тихого отчаяния и детской обиды на себя, так бездарно прокутившего драгоценные часы и дни, не чувствуешь ты.

А впереди, как палач в красной рубахе, маячит понедельник со свитком несделанных тобою дел и ты вспоминаешь, что не всё в том списке помечено, есть ещё дела заветные, до которых руки так и не дошли...

Почти двое суток прожили мы в буквальном и переносном смысле в темноте. Не было света, не было воды и тепла — такие последствия принёс с собой первый в этом году настоящий снегопад. Снег был мокрый, тяжёлый, не успев обратиться в сугробы, он, как ватой, облепил дома, заборы, деревья, столбы, провода... Провода превратились в канаты, канаты приобрели размеры и форму заводских труб. Налипший непосильной тяжестью снег повалил даже стальной канатный мост через реку. Он гнул и ломал деревья, рвал провода... Весь город всё это время жил со свечами и керосиновыми лампами, магазины не работали, автобусы не ходили... Слава Богу, это уже позади и можно опять включить компьютер и засесть за работу, до которой все эти дни у меня просто не доходили руки.

Я, правда, писал от руки, читал, но всё это было не то.

Если бы не цейтнот, я воспринял бы эту средневековую тьму, как благо. Хорошая половина моего детства прошла при керосиновой лампе. Когда гас свет, отец, бывало, устраивал дома громкие читки. За несколько зимних и осенних вечеров он прочитал нам, когда мне было лет семь, «Повести Белкина», «Каштанку», какие-то советские рассказы и повести. Читал он горячо, взволнованно, его низкий глуховатый голос чудесным образом уносил меня куда-то в неведомую даль, и в эти минуты мне казалось, что лучше моего отца нет никого на всём белом свете.

Какие бы страсти ни сотрясали редакционные стены в течение дня, какие бы горячие обличительные речи ни произносились здесь, какие бы люди ни толклись в редакционных кабинетах, явившись сюда по делу и без дела, завершается всё одинаково: сердитым шорканьем веника по затоптанному сотнями ног полу, позвякиванием помойного ведра, постукиванием швабры, запахом мокрой половой тряпки...

Жирную черту под прожитыми днём проводит, ни на минуту не задумываясь об этом, уборщица в синем халате. Она запирает двери, выключает свет в пустом коридоре и, спустившись в полуподвал, отдаёт ключи вахтёру, заступившему в ночную смену.

Я пишу в своей маленькой, тесной комнате, вся обстановка которой состоит из старой кушетки, старого письменного стола и книжного шкафа со скрипучими дверцами. Стол завален книгами, журналами и газетами, которые я вознамерился прочитать и которые, конечно же, не прочитаю: всего этого добра я натащил так много, а времени у меня остаётся так мало...

В воскресенье, ровно в полдень, за мной заедут, и я отбуду из Опеченского Посада в Боровичи, окинув прощальным взором набережную с полуоблетевшими берёзами, синюю ленту Мсты, церковь и кладбище. На этом кладбище, куда я в детстве, страшась крестов и могил, ходил за сиренью, давно поджидают меня мои друзья, знакомые, мой отец...

И меня уже не пугают могильные оградки и кресты, да и сама мысль о том, что и я когда-нибудь упокоюсь здесь, меня тоже уже не пугает. За кладбищенской оградой шумит, срываясь на порогах в бешеный неукротимый галоп, беспокойная Мста. Она для меня и есть та самая река Герклита, в которую нельзя войти дважды.

Так вышло, что за всю свою долгую уже жизнь я никогда далеко и надолго не отлучался от Мсты. Она и есть для меня то естественное течение жизни, которое ощущаешь ежесекундно, но которого не замечаешь, как не замечаешь многого из того, что видишь изо дня в день. На Мсте я научился плавать, на Мсте в детстве тонул, но, слава Богу, выплыл, на Мсте, уже десятиклассником, спас тонущего мальчишку...

Почему-то вспомнилась мне баня у тётки Тони Кисловой. Мы — я, Гена и Вовка — собирались на школьный вечер, и нас, может быть впервые в жизни, пустили в первый пар, строго-настроено наказав, чтобы мы не угорели. Баня топилась по-чёрному, в прибаннике гуляли свежие,

стужей вызнобленные сквозняки, пахло дымом, копотью, запаренным в бадье венником...

Напарившись, мы вылетали на улицу нагишом, нырком бросались в синие мартовские сугробы, барахтаясь в них, как в воде, швырялись друг в друга пригоршнями сухого мучнистого снега и, толкаясь, вновь вваливались в тесное банное нутро, лезли на полку, и ковшиком швыряли на камни кипятки.

Каменка взрывалась жгучим облаком пара, и мы, как от шрапнели, невольно клонили головы вниз. В висках стучало, сухую юношескую плоть томил угарный жар, но мы не замечали ни жара, ни угара, ни древнего запаха сажи и копоти... Мы хохотали, дурачились, кривлялись, нещадно истязая друг друга венниками и неся при этом несусветный вздор. Баня казалась нам тесной, как яичная скорлупа, и мы вновь и вновь ломались из неё наружу, топча уже утопанные сугробы и уже не замечая ни стужи, ни сквозняков, ни шатких затоптанных полов, ни дров, рассыпанных по снегу...

Пока мы плескались горячей водой и хлестались берёзовым венником, к бане дважды подходила тётка Тоня и, громко колотя в дверь поленом, спрашивала: «Мальчишки, вы там не угорели?»

— Нет, тётъ Тонь, не угорели... Классная у вас баня... — отвечали мы и смеялись незнамо чему.

О чём мы разговаривали, когда, распаренные и умиротворённые, одевались в холодном прибаннике, я не помню. Может, говорили о вечере, на который каждый из нас, тщательно скрывая это, возлагал какие-то туманные надежды, может, болтали о пустяках или просто молчали, изредка перекидываясь короткими, как выстрел, фразами.

...Присыпанный ольховыми опилками снег розовел, как раннее весеннее утро, звенела в тишине синица, звенела в небе синева, разорванная надвое инверсионным следом сверхзвукового самолета. Задрав вверх головы, мы смотрели вслед крохотному, серебристому лучу, летящему в небе, и уносились вместе с ним в высь поднебесную.

...Вот я взбегаю на крутое редакционное крыльцо, вот толкаю тяжёлую, обитую дерматином дверь, успеваю ощутить в коридоре прохладный запах тишины, которая сменяется пулемётным треском пишущей машинки и мягким перестуком канцелярских счётов. Это означает, что машинистка Валя с утра пораньше печатает очередной газетный опус, а Дарья Васильевна, как предписано бухгалтеру, сводит дебет с кредитом, между делом умудряясь переговариваться с сидящей за перегородкой литсотрудницей Любой... Люба в чём-то громко и горячо убеждает Дарью Васильевну, а та ей терпеливо и обстоятельно возражает. Не сходятся они в таком деликатном вопросе, как роль женщины в семье...

Я здороваюсь со всеми, на секунду прервав мирное течение утренней беседы, сажусь за колченогий стол у окна и начинаю накручивать телефонный диск: на первую полосу срочно нужна информация в тридцать строчек. Телефон, как назло, безмолвствует. Время идёт. Информации как не было, так и нет. За дощатой перегородкой слышится выразительное покашливание Константина Никаноровича. Редактор недоволен. Разговоры в кабинете стихают. Неутомимая модница Таня Кузнецова от греха подальше убирает в стол очередную обновку, которую

собиралась продемонстрировать равнодушной к нарядам Любе. Ничего им из-за меня не видно и переговариваются они между собой, то и дело адресуя томные девические взоры угрюмо застывшему у стены книжному шкафу, в стеклянных створках коего, как в зеркале, наблюдают друг друга.

И Люба, и Таня всё, что надо, давно сдали на строгий редакторский суд. Сдала зарисовку о пастухе Людмила Михайловна. Называется она «Пастух Рудень». Чем-то гоголевским веет от этого рядового газетного заголовка. Мне кажется, что он подошёл бы к рассказу, в котором мудрый, немногословный пастух рассуждал бы не о привесах и надоях, а о чём-то более глубоком и значительном, о жизни и смерти, например, по-крестьянски просто излагая философию бытия... Я только что начитался философских трудов француза Сартра, выписав оттуда утешительную для себя строчку: «Безрассудство — это праздник существования». Мне нравятся эти слова, и я, безрассудно оставивший учительскую профессию ради другой, совершенно незнакомой, лыщу себя слабой надеждой, что сделал это не зря...

Размышления мои прерывает голос Нины Григорьевны: «Люди, я написала двести строк с профсоюзного собрания...» Выход газеты своей нерасторопностью сдерживаю я. Сжалившись надо мной, всё на свете знающая Валентина Дмитриевна подсказывает, к кому обратиться, что спросить, и вскоре, справившись со своей задачей, я торжественно вручаю Валентине невнятный исписанный лист. В редакции я без году неделя, но уже знаю, что машинистка наша разберёт любой почерк, а если чего не поймёт, не моргнув глазом, вставит слово, а то и целую фразу, от себя. У меня уже был случай, когда крохотная заметка о трудовых свершениях механизатора Ивана Ивановича, заканчивалась фразой, что «он, Николай Иванович, плохо работать просто не умеет...» Какой Николай Иванович? Откуда он взялся? — Ломал я потом голову, переживая первое в своей короткой газетной практике порицание, справедливо высказанное редактором на планёрке.

На планёрках (а проходили они у нас, как правило, по четвергам) подводились итоги недели и определялись маршруты командировок. С таким расчётом, чтобы в пятницу в наш издавший виды «уазик» втиснулся, по возможности, весь наличный редакционный состав, за исключением бухгалтера, корректора и ответственного секретаря, обязанности которого обычно брал на себя редактор. По пути всех сгрузят, кого в одной деревне, кого в другой, а кого — и на берегу шелестящего тростником озера...

Как хорошо погожим летним днём оказаться у озера! Вода чешуйчато блестит на солнце. Пахнет рыбой, смоляными боками лодок, водорослями... Распухший от торпливых записей блокнот приятно тяготит карман. Командировка удалась. Можно спокойно посидеть на камушке, поджидая машину и думая о том, как передать словами голоса и звуки этого обычного, ничем непримечательного дня, который уже никогда не повторится, как и ничто не повторится никогда...

Шелестит, покачиваясь на ветру, озёрный тростник. В прибрежной траве точат свои крохотные серебряные косы труяги-кузнечики. Льёт золото за небес полуденное солнце. Ещё есть время сделать зарубки для памяти, записав обрывки разговоров и беглых наблюдений, которые не войдут ни в одну газетную статью, останутся в блокнотах и дневниках, как щепки вокруг недостроенного дома.

— «Сметан, перожки... Сметан, перожки»... — монотонно бубнит казах-буфетчик, проходя по вагону с корзиной, прикрытой несвежей салфеткой, под которой покоятся смертельно надоевшие нам чёрствые пирожки с рисом и яйцом, дребезжат, позвякивая, стаканы со сметаной, бутылки с минеральной водой.

— «Минеральный вода, вода минеральный»... — всё тем же тусклым от жары голосом бормочет буфетчик. Он присаживается к нам, расстёгивает изжённую, давно забытую, что такое уют, белую куртку, надетую на голое тело, ставит на полку опостылевшую поклажу:

— «Жарка, очень жарка»... — И смотрит в окно, за которым, на широких крыльях, парит степной орёл...

Мы едем вторые сутки. Вторые сутки валяемся на жёстких, комковатых тюфяках, застеленных измятыми простынями, укрываясь такими же простынями, серыми от частой стирки. В открытые окна, трепеща занавесками, бьёт горячий, пахнущий степью ветер, не приносящий облегчения. Раннее утро, а дышать уже нечем. Примерно так, наверное, ощущают себя в духовке «перожки», когда подрумянивается корочка. Пирожкам легче, они сохнут себе, черствеют, а мы, как глазурию, обливаемся липким сладковатым потом, который хочется смыть.

Прошлой ночью мне не спалось, и я слышал, как на какой-то станции в наш заполненный под завязку вагон сели два безбилетных пассажира, брат и сестра из города Лида.

— Мы брат и сестра... Из города Лида... — умоляюще проговорила она. — Возьмите нас... Пожалуйста! Нам ехать надо...

— Всем ехать надо, — зевая, равнодушно отозвался проводник.

— Ну, пожалуйста, я вас прошу...

— Ладно, садитесь где-нибудь в уголке и помалкивайте, что вы из города Лида. Студенты вы, из Новгорода, в стройотряд едете... Ясно?

Они обрадовано закивали, присели на краешек скамьи и сидели всю ночь тихо и бессонно. Как совы.

— О, у нас прибавление семейства! — Заорал, пробуждаясь под утро, Коля Добромислов. — Кто такие, почему не знаю?

Он быстро сходится с новыми пассажирами и уже через минуту болтает с ними о чём-то.

Сестра, тихая, улыбчивая, больше молчит, нежели говорит, зато брат, смуглявый, похожий на индийского киноартиста, болтает без умолку, как муку мелет...

Рассказывая что-то, «артист» говорит: «*трапка, каструля...*» И весь вагон вслед за ним, начинает, к месту и не к месту, повторять: «*Дайте мне мою трапку...*» «*Братцы, а куда у нас подевалась каструля?*»

«Артист» этого не замечает, подолгу разговаривает с каждым, подвернувшимся под руку человеком, рассуждая о чём-то длинно, монотонно, нудно...

В то давнее лето мы купались «у больницы» — так называлось это погребельное место, пользующееся в Опеченском Посаде дурной славой (прошлым летом именно здесь утонул одноногий инвалид). Но именно поэтому, из глупого детского куража, и выбрали мы это место для себя. И очистив от камней и стёкол дно, промерили в этих пределах всю реку, нашли омут, в котором, как уверяла

молва, жил большой, пуда на два, сом... Сомы мы, конечно же, побаивались, не признаваясь в том друг другу, да и омут вызывал у каждого из нас священный трепет, но... на миру и смерть красна, и мы отважно ныряли в зеленоватые глубины, доставали со дна мелкие камешки, ракушки и прочий донный сор, снова ныряли, рассказывая потом, как закладывает на глубине уши, как темна и холодна там вода, как шевелит хвостом тень огромного сома... Все говорили про сома, я тоже что-то такое говорил, но никто, как я теперь понимаю, его в глаза не видел. Да и не было, наверное, там никакого сома.

Лето в тот год было жаркое, долгое и счастливое. Целыми днями мы пропадали на реке, всяк по-своему обживая берег... У каждого был «свой» камень, каждый нацарапал известняком на нем своё имя. И имена наши светились и мерцали, отражаясь в речной воде...

Я сидел на тёплом от солнца «коньке» гниющего на берегу рыбацкого баркаса, жевал чёрствый батон, запивая его безвкусным магазинным молоком из бутылки, и рассеянно вглядывался в волховскую даль, где зудели, гоня лёгкую покатую волну, лодки-казанки, кричали чайки и гомонили на берегу пьяные финские туристы.

И мне казалось, что и финнам, и чайкам, и тем неизвестным мне рыбакам, которые, рассекая речные воды, выжимали из слабосильных лодочных моторов последние вздохи и всхлипы, гораздо лучше сейчас, нежели мне, прибывшему в город с утренним поездом и ещё никак не оформившему своё право на ночлег в институтских стенах. Превозмогая деревенскую робость, я сдал в приёмную комиссию аттестат зрелости, получив взамен справку с синим пятном печати, и отправился на поиски коменданта.

Коменданта на месте не было, и, чтобы скоротать время ожидания, я зашёл в гастроном, купил бутылку молока, батон и отправился на берег. От вросшего в землю баркаса наносило смолой и илом. Впрочем, смолой, илом, да ещё, пожалуй, рыбой чешуёй и гниющими на берегу водорослями пахло отовсюду, точно всё пространство реки за монастырскими стенами оккупировали вездесущие прасолы, готовые скупить оптом и в розницу всю пойманную рыбаками волховскую рыбу, от мелкой белоглазой сопы до огромных судаков, щук и лещей...

В Орше воинский эшелон загнали на запасные пути. И, уже распрощавшись со всеми и сказав всё, что в таких случаях говорится, мы почему-то не уходили, медлили, топчась на засыпанном щебнем пятачке у вагона, курили, вяло переговариваясь с Саней Васищевым и Жоркой Новинкиным — они ехали дальше, в Казахстан. Сигареты казались нам горькими, дым от сигарет — едким, а ночь казалась глухой и чёрной, как в лесу.

В ночь мы шагнули, так и не дождавшись, когда тронется состав. Хрустя щёбёнкой, перешли через мерцавшие огнями пути, поднялись на перрон и направились к видневшемуся в отдалении зданию вокзала. На вокзале, залитом светом, яблоку негде было упасть.

С трудом сдав дембельские чемоданы в переполненную вещами камеру хранения, выпили в буфете по стакану яблочного сока, терпкого, как уксус, и отправились искать комендатуру. Комендатура, как выяснилось,

располагалась в городе, а город от вокзала (нас это удивило) был в получасе ходьбы.

Заспанный дежурный в погонах капитана, зевая, поставил в проездных документах печати, спросил равнодушно, куда едем, и, не дослушав ответа, сказал: *«Езжайте, куда хотите, моё дело — сторона...»* И, захлопнув окошечко с надписью «Оформление воинских документов», отправился, по всей видимости, досыпать...

Вспомнилось мне, как я возвращался из пионерского лагеря домой. В памяти не сохранились подробности дороги. Помню только, что удивило меня, как вымахала в моё отсутствие придорожная трава. А я то полагал, что без меня всё осталось на своих местах. Помню эти зелёные разливы по обочинам дорог, помню волнение, охватившее меня при въезде в Опеченский Посад...

Машина остановилась у магазина «Подсельпо». Я распрощался с попутчиками, и с чемоданом (эдакий мистер Твистер девяти лет от роду) двинулся домой.

— Вовка приехал! — крикнул кто-то, завидев меня, и ко мне, как к герою-полярнику, бросилась вся, от мала до велика, ребятня, собравшаяся в то время у качелей. Меня тормозили, меня спрашивали, на меня глазели, как на чужестранца...

А я, чувствуя важность момента, раскрыл свой чемодан, представлявший собой футляр от патефона, достал из чемоданных недр кулёк крупных, как яблоки, конфет-драже, по совету воспитательницы купленных в Валдае, и щедро одарил всех, включая брата и сестру, оказавшихся рядом.

Но это ещё не всё. Порывшись в чемодане, я достал винтовочный патрон, настоящий винтовочный патрон (!), найденный мной на дне полужасыпанного стрелкового окопа.

Конфеты конфетами, их деликатно приняли из кулёка все, сказав мне «спасибо», а вот патрон... Патрон — это совсем другое! Такой вещи не было ни у кого. И я, не стесняя себя рамками сурового реализма, принялся рассказывать были и небылицы о военных играх, пионерских сборах, подъёмах и отбоях, об озере и катерах, фланирующих по озеру, о филинах, хохочущих в ночи... И, конечно же, не сказал о том, как тосковал в лагере по дому, как тяжело давалась мне размеренная лагерная жизнь с тихим часом и сном после обеда... Не сказал и о том, что нам, малышам, всего дважды за месяц разрешили искупаться, да и то лишь в мелком и тесном лягушатнике. Меня слушали, затаив дыхание, а я, не привыкший к роли записного оратора, заливался соловьём, благо урезонить меня было некому.

Вспоминается тревожная и голодная пора моей юности, когда, не зная чем занять себя, я, бывало, шёл в Эрмитаж, методически обходил зал за залом, безнадежно пытаясь хоть что-то из увиденного запомнить и понять. Но чаще всего рылся в старых книгах на книжных развалах, которые устраивали громоздкие неразговорчивые

букинисты на маленькой площади напротив Казанского собора.

Какой колоритный там собирался народ! Какие профессорские шляпы, плеши и седины склонялись над столами с книгами, в какие потёртые портфели бережно опускался очередной добытый из книжных руд фолиант, какие аспирантские очёчки рыскали по книжным корешкам, завораживающим меня золотым тиснением имён: Сократ, Платон, Ницше... Я имел о них самое приблизительное представление, но как хотелось мне, не будучи праздным зевакой, а с видом истинного знатока рыться в этом пропахшем плесенью старье... И спрашивать деловитой скороговоркой: «Бердяева случайно нет?», «А Лосева?» Я не слышал ни о Бердяеве, ни о Лосеве, и ведать не ведал, что Лосева успею увидеть, когда буду учиться на журфаке МГУ... И тогда, к стыду своему, я ещё не удосужился узнать, кто такой Лосев и что это за величина в научном мире. Высокий, костистый, в чёрной ермолке на лишённой какой-либо растительности голове, он поднимался по лестнице, держа за перила и опираясь на палку. Рядом с ним шла маленькая сухонькая женщина, по всей видимости, его жена Тахо-Годи. Я посторонился, пропуская их. Водянистые, ничего уже не видящие глаза Алексея Фёдоровича безучастно скользнули по тощей моей фигуре, женщина меня сдержанно поблагодарила... Они продолжили путь наверх, а я, перескакивая через две ступеньки, беспечно сбежал вниз.

Мы стояли у окна, прислонясь к подоконнику. Ветер дребезжал плохо пригнанным стеклом, из окна дуло. В кубовую время от времени кто-то входил, ставил чайник на плиту и, покосившись на нас, уходил. Свет мы не зажигали, довольствуясь слабым свечением звёзд и синим сиянием газа. В коридоре шаркали чьи-то шаги, с первого этажа доносилось раздражённое бормотанье вахтёрши Макаровны, отворявшей дверь очередному приподзвившемуся постояльцу...

О чём мы тогда говорили, я не помню. Помню только, что было в тот вечер как-то необыкновенно покойно и хорошо, будто и не было вокруг ни обшарпанных стен студенческой общаги, ни любопытных, подозрительно часто заглядывающих в кубовую с чайниками, не было внизу сердитой Макаровны, не было ничего и никого, кроме нас с тобой. Необитаемым островом казалась нам кубовая. И время для нас текло совсем по-иному: медленно и текуче, как большая полноводная река, вроде Амазонки или Нила. И смотрели мы на всё с высоты вечности. Мы не заметили, как унесли, в последний раз выразительно поглядев на нас, последний чайник, как Макаровна, ругаясь, впустила последнего постояльца, как, скрипя потревоженными пружинами, сама устроилась на ночлег на чёрном кожаном диване, ворча что-то себе под нос...

Замер родимый муравейник. Каких только снов не видели в ту ночь умаявшиеся за день студенты! Не видели они только того счастливого сна, который приснился нам обоим: как мы, обнявшись, стояли у холодного окна и смотрели на звёзды...

Ю.А. Симонов

Я — ШКОЛЬНИК!

Блокада, сентябрь 1942 года — январь 1943 года

Наступило первое сентября! Наконец, после перерыва длиною в год, началась привычная школьная жизнь, моя учёба в третьем классе. Но сразу пришло первое огорчение маме и мне. Нашу 160-ую школу из десятилетки сделали школой с неполным средним образованием, т.е. семилеткой! Этого мало... Из-за того, что в нашей школе не было бомбоубежища, не подготовили столовую (всю первую четверть я питался дома), хотели одно время её вообще закрыть, а нас распределить по другим школам.

Не помню в сентябре бомбёжек, а вот артобстрелы помню, они были, и порой неслабые... Но мы уже знали, что если слышишь свист снаряда, то это уже не твой снаряд... В нашем районе больших бед от обстрелов того времени не помню. Тревогу по радио теперь объявляли только в тех местах, которые подвергались обстрелу. Мы учились...

Нас, учеников-блокадников, на занятия в третьих классах пришло мало, в каждом классе было от 12 до 16 человек. Классы попытались объединить, но, в конце концов, оставили нас в покое, просто рассадили по партам, раздался звон колокольчика нянечки Феликсы, и уроки начались.

Все устные предметы шли хорошо. Из-за частой смены педагогов (а тогда это были только женщины) в сентябре 1942 года вновь приходящая учительница не всегда была в курсе — что мы уже знаем, а что нам ещё не рассказывали. Сначала это вызывало у нас недоумение, а потом и смешки. Но вели уроки учительницы интересно, смешки гасли, глаза становились внимательными, в классе наступала тишина. Учебники были в нашем классе у всех, поэтому с выполнением устных заданий проблем не было. А вот с письменными уроками была беда. В начале первой четверти в нашем классе ни у кого нормальных тетрадей ещё не было. Их выдали где-то в начале октября. А пока мы писали на чистых местах газет, на обратной стороне обоев, на отдельных листах бумаги непонятного происхождения. Писали фиолетовыми чернилами. Чернильницы были в гнёздах парты. В наших ручках стояли перья № 86 или № 11. Пером «малявочкой» нам писать запрещали, так как оно не показывало нажима при письме. У некоторых ребят уже были вставочки — предмет тихой зависти многих! Это были блестящие трубочки (из них можно было стрелять жёваной бумагой), в которые вставлялись с двух сторон наконечники: в одном — перо, а в другом — карандаш. Учителя на это новшество сердились, считая, что вставочки, из-за своей толщины, будут портить наш почерк.

При занятиях по русскому языку нас просили писать буквы с нажимом. Вот это и было ужасом. Начинаешь писать слово, стараешься, а вдруг перо зацепляет в бумаге ворсинку, палочку, она прилипает к кончику пера, и если

не заметишь вовремя, то на бумаге появляется фиолетовая размазня! Пользоваться резинкой аккуратно не получалось, приходилось всё переписывать.

Это время также запомнилось как бесконечные переводы нас из одного класса в другой (из класса «А» в класс «Б» и тому подобное), непрерывное пересаживание нас по партам в классе. Эта чехарда закончилась где-то в середине первой четверти разделением мальчиков и девочек по разным классам. Мы пытались бунтовать, просить, чтобы мы опять были бы вместе, но это никого не тронуло.

Где-то в конце первой четверти учителя неожиданно стали уговаривать мальчишек перейти из нашей школы в ремесленные училища. Соблазнили рабочей карточкой, интересной специальностью, красивой формой, заработком... Несколько ребят, по совету родителей, согласились перейти в училища. Но остальные очень просили оставить их для продолжения учёбы в нашей школе. Я первую четверть окончил круглым отличником, помогли занятия с мамой прошлой зимой, и радовался каникулам. Они совпали с праздником 7 ноября.

Неожиданно для меня на торжественное собрание в актовом зале хлебозавода, посвящённое 25-летию революции, и на праздничный концерт родителям разрешили пригласить ребят, возраст которых был не больше 14-ти лет. Увы, нас пришло очень немного. Было сказано принести с собой метрику и продуктовые карточки. На проходной нас встречали мамы, помогли разобраться с пропуском, карточками. Помню, что в проходной у нас вырезали хлебный талон за один день, вырезали талоны на крупу, сахар и ещё что-то. Затем нам устроили маленькую экскурсию по заводу, но предупредили, чтобы мы не брали нигде ни кусочка хлеба, ни корочки. Экскурсия была для меня настоящим потрясением. Нас провели по всему циклу изготовления хлеба: от начала замеса теста и до съёма хлеба из форм после выпечки и остывания на цепных конвейерах. Мы шли вдоль конвейера, огороженного сеткой, в море запаха горячего хлеба. Это было бесконечно приятно и вкусно. Мне как мальчишке в цехах были интересны механизмы, разные конвейеры. Меня привела в восторг механическая рука, месившая тесто в деже. (Дежа — это большущий чан из металла, в котором творят тесто, а когда оно поднимется, то дежу подвозят под механическую руку, которая вымешивает сразу почти две тонны теста.) Дежа казалась внешне очень неуклюжей, но когда тесто было готово, её при нас легко на подшипниках подвезли к большущей воронке, одели на специальную вилку и перевернули над воронкой. Мы от удивления открыли рты. Затем, этажом ниже, нам показали механизмы, которые делили на куски выполняющее из воронки тесто и отбрасывали в формы, установленные на конвейере... Мы видели, как тесто в формах уходило

в печь. Всё увиденное меня так заинтересовало, что я сразу решил — когда вырасту, буду работать на хлебозаводе.

Затем нас пригласили в большой зал. Был доклад, как теперь я знаю, посвящённый 25-й годовщине революции, для меня очень скучный и серьёзный, затем хвалили передовиков. И тут я стал гордиться мамой: её фотографию приказом директора т. Зозули поместили на доску почёта. Был перерыв, и затем концерт, в котором выступали и приглашённые артисты, и участники самодеятельности хлебозавода. Кто-то пел, кто-то читал стихи, кто-то танцевал... Это всё прошло, как в тумане, но вот на сцену вышел, тогда ещё молодой, Бен Бенцианов со смешным рассказом о рогулке. Зал смеялся до колик! Читал он превосходно, чувство радости храню до сих пор.

А потом для нас, для ребят, был праздничный обед. Отвели нас в столовую. Высокие металлические столы, металлическая посуда.

Но! У стены, на длинном столе лежал хлеб, очень некрасивый, ломаный, подгорелый, словом — брак. Но его можно было есть вдоволь. Нас предупредили, что если кого-нибудь на выходе поймут с хлебом, то его мама будет отдана под суд по законам военного времени. Выстроилась очередь к окну раздачи. Каждый из нас получил по тарелке замечательного, вкусного, густого горохового супа, по кружке сладкого чая, по две конфеты и по одному яблоку. Господи! Сколько же должен перенести человек, чтобы оценить подарок, который нам сделали на праздник.

Я ел... Сколько бракованного хлеба я умял с этой тарелкой горохового супа — я не представляю, но меня просто кинуло в сон, я осоловел, маме разрешили довести меня до дома. Да, такое не забывается.

Здесь я сделаю отступление... Перед войной уже были внедрены в жизнь некоторые ГОСТы, несоблюдение которых каралось, и очень сурово. Один из ГОСТов устанавливал требования к внешнему виду буханки хлеба, к цвету верха буханки («крышке») и т.д. В блокаду состав хлеба резко изменился, было много наполнителей, примесей. Были трудности с маслом, которым должны были смазываться формы. Поэтому, если буханки из обычного теста сами выскакивали на конвейер из форм, смазанных маслом, то при блокадной рецептуре хлеба буханки приходилось специальными лопаточками выковыривать из форм. Конвейер шёл непрерывно, не вынутый из форм блокадный хлеб опять уходил в печь. Горел! Это уже был ужас потерь, потерь невосполнимых. При спешке горячие буханки деформировались... Состав же блокадного хлеба был таков, что даже вынутый из форм бракованный хлеб повторно переработать было невозможно, а выпустить его на продажу в магазины запрещал ГОСТ. И стали этот хлеб реализовывать в столовой завода и в других столовых, нарезав его маленькими кусочками.

Кончились каникулы. Пришёл я в школу, а нас — школьников третьих и четвёртых классов, успешно учившихся в первой четверти, перевели в другую, в 176-ю школу, на Калашниковскую набережную, дом 5. Ребят, которые учились неважно, просто перевели в какое-то ремесленное училище. А в нашей 160-й школе пока остались учиться девочки. Мы были растеряны, очень обижены, мы вынуждены были просто подчиниться.

Новая школа мне понравилась. До революции это был дом какого-то иностранного посланника. Все помещения

дома были очень красивы. Чёрное дерево, покрытое резьбой, керамика, горельефы и барельефы на стенах, позолота, красивые каминные. Очень уютные тёплые классы.

Особенность жизни в новой школе была в том, что о нас, наконец, стали заботиться. Это было очень нужно, ведь практически у всех ребят мамы были на казарменном положении. Первым делом нас всех подстригли под машинку, у всех стали одинаковые смешные головы с большими ушами. В подвале школы организовали столовую, из наших продовольственных карточек вырезали какие-то талоны, мы стали в школе получать четырёхразовое питание. Утром — завтрак, затем занятия, потом вкусный обед, полдник и ужин. Между обедом и полдником на втором этаже здания мы или дремали на диванах, или играли. После полдника в классах мы учили уроки. После ужина — расходились по домам. Учёба у меня шла легко, несмотря на то, что нам добавили урок немецкого языка. Сказалось, что в детстве я ходил в немецкую группу. Появились и уроки физкультуры, но, скорее, это были уроки гимнастики под музыку. На втором этаже в большом зале с очень красивым паркетом, расписным потолком, зеркалами и позолотой на стенах стоял рояль. Играла на нём сама учительница физкультуры. Мы не раздевались (в зале было холодновато), а в домашней одежде, в бумажках или в валенках под музыку делали какие-то гимнастические упражнения. Классные помещения отапливались плохо, третьим классам топили печи взрослые, а четвёртым классам доверяли топить печи самим. Дрова к печам приносили взрослые. Мы отогрелись душой...

Были в нашей жизни и невкусности. Нам периодически стали давать пить по столовой ложке «бактериофага», лекарства, охраняющего наши желудки. Убеждали, что это необходимо для нашего здоровья. А перед концом второй четверти в полдник вместо киселя или чая ввели соевое молоко! Если биточки из соевого шрота мы съедали моментально, то пить соевое молоко, да ещё под контролем взрослых — поверьте, это было мучение. Я его мог выпить только в случае, если левой рукой зажимал себе нос. Нас убеждали, что оно полезно, но... Мы его ненавидели. Тогда у взрослых ходил анекдот про письмо мальчишки на фронт: «Папа, убей фрица и соевую корову!» Из нашего класса только Боря Ульянов был способен с удовольствием пить это молоко.

В моём доме № 32 на Калашниковской набережной в начале ноября поднялась суматоха. У берега Невы, за нашей церковью, пришвартовались несколько подводных лодок: плохо помню, то ли две, то ли три. Лёд на реке ещё не установился, шла шуга. Буквально через несколько дней после их швартовки образовался лёд, но очень тонкий, весь припорошенный снегом. Спускаться на него было нельзя. Я с ребятами наблюдал, как подлодки маскировали сетями, имитирующими берег. Стоял часовой и не подпускал нас к берегу. Через некоторое время моряки, чтобы не мёрзнуть зимой в корпусе подводной лодки, стали обходить квартиры, подбирая пустующие для своих нужд на время зимовки. В доме они заселили несколько квартир. В нашей квартире было устроено два кубрика (в комнатах) и камбуз (на кухне). Квартира ожила. Этого мало! От подводных лодок к нашему дому протянули электрический кабель, сделали что-то на щите в подворотне, обошли все открытые квартиры и вывинтили все наши лампочки на 110 вольт, а в нужных им местах

ввинтили свои. Жильцам в квартирах, где размещались моряки, выдали по одной лампочке на комнату. Нам категорически запретили включать другие электрические приборы. И вот у меня в комнате появился свет на два часа в день!!! Пришла мама, очень обрадовалась свету, а потом ужаснулась, глядя на потолок. При электрическом освещении стало видно, как же он закоптился за первую блокадную зиму.

Теперь на большой кухне трещали дрова в плите, стояли большие кастрюли, в них варили морякам еду, запах от которой перехватывал дыхание.

Запомнил случай с коком на нашей кухне. Это был суровый, строгий, высокий мужчина, с очень сильными руками. Мне стыдно, но я не могу вспомнить его лицо. Я, честно сказать, его побаивался. Пришёл я домой после школы, он открыл мне дверь, посадил на табурет, потребовал, чтобы я открыл рот. Посмотрел на меня, отвернулся, помолчал, потом проверил и покачал мои зубы. Опять помолчал, затем достал из мешка кочан холоднющей капусты, стал отрывать листы с кочана, греть их на плите и давать мне. Потребовал, чтобы я всё тщательно жевал. Он заставил меня съесть, таким образом, почти половину кочана. А сам он — стоял, смотрел на меня, молчал. Теперь я понимаю, это был порыв души. Думаю, что где-то у него осталась семья, по которой он скучал, что у него были дети. Я у себя в комнате заплакал, так остро вдруг встала память о папе.

У меня появился друг. К нам в класс пришёл из другой школы невысокий мальчишка, белообрый, с очень большими глазами и удивительным взглядом. Это был Толя Трофимов. Он с мамой приехал жить в доме 26 по нашей же Набережной. Был физически слаб, но через пару дней стал бесспорным лидером в классе. Случилось так, что мы с ним очень быстро подружились, стали вместе играть, бывать друг у друга дома. Его мама дежурила сутками, поэтому я скоро с ней познакомился, она иногда разрешала мне ночевать у них, чтобы не идти в комнату, где я был бы один. Спал я у них на большом сундуке, в их компании мне было тепло и спокойно. Толя принёс в класс новую игру — «Морской бой». Игрой увлеклись практически все, эта игра прошла в нашей компании аж до конца седьмого класса. Кроме того, Толя нам показал, как пользоваться картой страны, как на карте можно отмечать линию фронта.

Мы знали, понимали, чувствовали, что на фронте идут упорные бои. Мы недавно сами пережили тяжёлую блокадную зиму. Слова: «*битва под Москвой*», «*битва за Сталинград*», «*бои местного значения*» — всё это было у нас на слуху. Но никто из взрослых не догадался нас обучить чтению географических карт и тем более отмечать линию фронта на карте. Наверное, нас считали ещё маленькими. И вот теперь все ребята из нашего класса раздобыли карты страны (даже вырывали из старых учебников), повесили их у себя дома. Одну большую карту для класса нам дали учителя, мы её повесили, стали булавками с цветными головками и красной ниткой отмечать линию фронта. Было интересно.

Оканчивалась вторая четверть. Я по-прежнему хорошо учился, за что был назначен редактором «Боевого Листка». Мы не могли воевать, но учиться хорошо могли. Рапорты об этом и были основным содержанием заметок.

Эти боевые листки от всех классов учителя относили в госпиталь на Исполкомовской улице. В середине декабря нас пригласили в этот госпиталь — писать письма раненым, показать наши дневники и тетради, просили почитать стихи в палатах. На нас это действовало очень сильно. Мы увидели привезённых с фронта, обожжённых в бою, тяжело раненых людей. Но как эти люди смотрели на нас, как слушали наши стихи, с каким неподдельным интересом смотрели наши тетради! Как были благодарны за написанные письма. Благодарю учителей той поры! Для мальчишек лучшей агитации против фашистов, лучшего посыла серьёзно относиться к учёбе, к жизни, придумать было бы трудно. Визиты в тот госпиталь были раз в две недели до конца учебного года.

Конец декабря я запомнил по ночному шуму на проспекте Бакунина, на Калашниковской набережной. В полной темноте по улице и по набережной проходила тяжёлая техника в сторону Охтинского моста. Я не удержался, оделся и вышел посмотреть, почему наш дом так сильно трясло. Мальчишеское сердце было в восторге. Мощные трактора тащили большие артиллерийские орудия, проходила какая-то техника под чехлами, танки и многое другое, мне не понятное. Мне было холодно, я подзамёрз, пока неподвижно стоял, но сердце моё замирало от радости за мощь Красной Армии. Мне было понятно, что всё это неспроста, что скоро будет серьёзный бой, что, может быть, и блокаду прорвут — этого мы все очень-очень ждали. Словом, все мои друзья, все жильцы нашего дома затаили надежду.

Огорчён, но ни встречи Нового года, ни праздника своего дня рождения в ту зиму я не помню. От этого времени сохранилась только книжка, которую подарила мне мама на день рождения за хорошую учёбу, да приятная память об очаровательном вкусе бутерброда с паштетом из жареных дрожжей с луком! Каникул тоже не помню. Всё заслонила радость от прорыва блокады.

Дело в том, что Нева хорошо передавала шум выстрелов. Город тогда был тихим, поэтому звуки выстрелов часто были слышны всем живущим на Набережной. В середине января 1943 года лёд на Неве гремел, стонал. Мы догадывались, что происходит на фронте. Многие молились, чтобы солдаты нас вызволили из блокады. По звукам чувствовали, что идёт очень большой бой. Так было несколько дней. И вот 18-го января 1943 года сбылась мечта и надежда всех ленинградцев. Блокада была прорвана. Радио объявило о прорыве блокады около полуночи. Я уже писал, что в годы войны репродуктор «Рекорд» (чёрная тарелка) в комнатах никогда не выключался. Как только радио объявило эту новость, наш тихий дом вдруг ожил, все моментально проснулись, захлопали двери в квартирах и комнатах, люди в темноте бежали друг к другу, чтобы сообщить радостную новость. Некоторые просто стали однотонно кричать от радости и прыгать на одном месте. Надо было выхлестнуть из себя волну радости, поделиться со всеми.

Да, цена этой победы, как мы теперь знаем, была очень велика, да, очень многие отдали жизнь для этой победы. Но мы с мамой, как и все ленинградцы в блокаду, не сдались, не уронили своей чести, не потеряли мужества. Смогли дожидаться помощи военных! **МЫ ПОБЕДИЛИ!**

Этот день, 18 января 1943 года, я и мои друзья-блокадники будем помнить всегда!

Г.К. Насурдинова

ЧАСОВНЯ

Часовня — усыпальница графини Евгении Александровны Строгановой, урождённой княжны Васильчиковой, у церкви Николая Чудотворца на Струпинском погосте у деревни Бор

В трёх километрах от Шимска, на противоположном берегу реки Шелонь, у д. Бор находятся развалины Струпинского монастыря, где сохранились семейные захоронения князей Васильчиковых. Рядом с разрушенной церковью Николая Чудотворца возвышается белая часовня, усыпальница графини Евгении Александровны Строгановой.

3 марта 1882 года молодой граф Строганов, морской офицер, участник Русско-турецкой войны, женился на 19-летней фрейлине, княжне Евгении Александровне Васильчиковой, дочери церемониймейстера, председателя Новгородского дворянства князя Александра Илларионовича Васильчикова. Счастливый брак был недолговечен — 10 декабря 1884 года графиня Строганова умерла¹. Граф Сергей Александрович в память жены основал Шимский детский приют, в селе Выбити — больницу, в Петербурге — Строгановский технический институт, в селе Вошьново — приюты и больницу².

Строганов был безутешен — целый год он прожил в усадьбе Бор, не мог заняться делами.

В мастерскую известного архитектора Дмитрия Александровича Шагина Сергей Александрович прибыл внезапно, без предварительного сообщения о своём визите.

— Граф Строганов желает вас видеть, — доложил слуга.

Старый мастер понял, что знатного дворянина так неожиданно, как порыв бури, привело какое-то сверхважное обстоятельство. Интуиция его не обманула. С первых фраз гостя он понял, что в душе его поселилась отчаянная боль.

— Дмитрий Алексеевич! Убедительно прошу Вас исполнить для дорогой моей, безвременно ушедшей жены усыпальницу, чтобы увековечить её память. Вопрос об оплате не должен Вас ни в коем случае беспокоить. Я прикажу, и мой управляющий Марценфельд вступит с Вами в деловые переговоры³.

Он говорил медленно, короткими, уже давно выношенными за бессонные ночи, лаконичными чёткими фразами. Говорил столь уверенно и твёрдо, словно предвидел — отказа со стороны архитектора не последует. И ему, мэтру, придётся согласиться. При этом нужно будет отложить все заказы, художественные замыслы и срочно, безотлагательно приняться за выполнение художественного проекта.

Перед мастером, изведавшим и радости, и горести, поражения, победы, стоял морской офицер, участник Русско-турецкой войны с громкой российской фамилией, прославившийся не только несметными

богатствами, уникальными художественными сокровищами, но и крупными благотворительными деяниями. Он внимательно слушал и в то же время как художник изучал собеседника: богатый заказчик и его, безусловно, привело сюда большое горе, усыпальница — прощальный подарок любимой. За четыре прошедших года граф потерял четырёх близких людей — деда Сергея Григорьевича, мать Татьяну Дмитриевну, тестя князя Александра Илларионовича Васильчикова и жену Евгению Александровну.

Потеря же молодой жены, как осознал архитектор, навсегда выбила из деловой и жизненной колеи последнего отпрыска Строгановых...

Часовня в д. Бор Шимского района Новгородской области, источник фото: <http://sobory.ru/photo/?photo=34983>

И он понял с первых минут беседы, что бы отныне ни делал граф, куда бы ни ехал, ни разговаривал — мысль об ушедшей любимой его не покинет никогда. Также он понял, что усыпальница в тихом монастыре на Шелони должна быть просторной, чтобы рядом со своей женой место занял и он, граф, когда подойдёт его черёд покинуть этот бранный мир...

Архитектор согласился и поклонился — нет, не сану, а человеку с ясной душой, открытому, с большим любящим сердцем. Среди знатных вельмож эти качества не столь уж и часто встречались: порою прелесть материальных богатств с бездной соблазнов открывала для них новые дали, и старая боль исчезала, улечивалась, словно вчерашних печалей и не бывало. Но здесь был иной случай, блестящий аристократ вещает о потере любимой, как о вчерашнем случившемся горе.

— Я выполняю ваш заказ в наикратчайшие сроки, — ответил мастер, — только хочу выяснить: в каком стиле мне надо выполнить проект будущей усыпальницы?

— В русском, истинно русском, народном, чтобы при посещении места упокоения моей жены создавалось ощущение, — тут он на минутку задумался. — Знаете, часовня должна быть вся белая, строгая по контуру и силуэту, как непорочная крестьянская дева в кокошнике⁴.

Видимо, в этот миг Строганов припомнил ту памятную встречу, когда княжна Евгения появилась в полусумеречной гостинной вместе со своими сёстрами. Тогда он впервые увидел её, возвратившись с Русско-турецкой войны, цветущей девушкой в обличии крестьянки: белой расшитой блузке и светлом длинном льняном сарафане.

Через три месяца проект часовни был готов. Её предполагалось построить в духе русской архитектуры XVII века, то есть квадратную в основании, высокую, стройную и очень строгую. Верх её должен был заканчиваться шатром, увенчанным рядом затейливых резных по камню кокошников.

Выбор стиля, русского, народного, ярко отражал не только художественную позицию графа Строганова, его вкус, но и способствовал гармоничному влиянию памятника с рядом стоявшим Николаевском собором в старинном монастыре на крутом берегу широкой полноводной реки Шелони, текущей привольно среди зелёных лугов и дубрав неподалёку устья при впадении в озеро Ильмень.

Сергей Александрович получил письмо своего управляющего, старого верного помощника, в котором тот указывал стоимость сооружения в 100 700 рублей. А также подчёркивал, что «при возведении этой часовни в старой традиционной архитектуре, строительные материалы необходимо использовать современные».

Иван Дмитриевич Шагин описал детали своего проекта в мельчайших подробностях. При строительстве он настаивал, чтобы стены и фундамент сделать из бетона. При этом подчёркивал: «...необходимо строго соблюдать все рекомендации автора, чтобы памятник стоял вечно!»⁵

Также рекомендует: «Цоколь обложить бело-серым гранитом — самый прочный в России — хаукосерский. Лепные украшения, то есть кокошники, выбить на мраморе, знаменитом пермском, который будет искриться на солнце, как январский снег. Дверь должна быть высокохудожественной работы, её надобно выполнить из кованого железа, при этом необходимо поручить опытному литейщику». При этом добавил: «Заказать на Каслинских литейных заводах, что на Южном Урале. Окна и двери с внутренней стороны сделать зеркальными». Над входом он рекомендует писать «иконцу» — лик Старорусской Богородицы; выполнить её из майолики. Главка над шатром должна быть золочёной, украшенной яблоком и цепями, на ней будет стоять бронзовый крест, инкрустированный уральскими самоцветами. Крышу необходимо покрыть специально отлитым на заводе фигурным железным листом.

Внутреннее убранство усыпальницы должно быть «торжественно нарядным и очень благородным». По этому поводу архитектор детально поясняет каждый штрих предстоящей работы: «...стены окрасить кеймовскими цементными красками самых нежных оттенков той цветовой гаммы, которая посылает в душу благоговение, радость и любовь. Эти краски от бледной алости розовеющего солнца до юной листвы и голубизны майского неба». Именно в этих тонах, лучезарных, искристых,

должна быть произведена «роспись стен на влажной основе», орнамент использовать в русском стиле. Он должен напоминать вышивки праздничных крестьянских девичьих блузок, незатейливых, но очень изящных, поэтому приятных для глаз.

«Пол выложить серо-голубым мрамором — карельским, серебристым — особо указывает автор. В центре должен возвышаться киот из белоснежного мрамора. Он будет простого, но изящного покроя и четкого силуэта»⁶.

Строганов, получив описание будущей усыпальницы, тщательно изучил и попросил архитектора добавить к этому проекту дополнительные чертежи убранства.

Он предлагает вокруг усыпальницы выложить мраморные плиты, сделать крыльцо со ступеньками, сбегаящими к реке. Также просит, чтобы вход в усыпальницу был повернут к Шелони, тогда с крыльца откроется вид на старую усадьбу Бор, родовое гнездо князей Васильчиковых.

Когда новые чертежи от Шагина были получены, граф подал прошение на имя новгородского губернатора. 23 июля 1907 года оно было рассмотрено и рекомендовано строительным отделением Новгородского губернского правления к возведению⁷.

На закладку фундамента с пением хора Николаевского собора Струпинского монастыря присутствовал Сергей Александрович с сёстрами Ольгой и Марией. Прибыл и брат Евгении, князь Борис, сёстры Екатерина и Ольга, бабушка — Татьяна Васильевна.

Два летних месяца — июнь и июль — граф неустанно следил за ходом строительных работ. Но потом неотложные дела по ведению хозяйства его заставили покинуть д. Бор и выехать в Петербург⁸. Видимо, за это время он настолько глубоко вновь переживал своё горе, что сердце его устало от тяжести печальных воспоминаний и грустных дум. И здесь, в столице, у него внезапно созрела идея — уйти в кругосветное путешествие. В пустых роскошных петербургских дворцах тоска ещё острее заключила в жестокий плен, и он никак не мог из него вырваться... Куда бы ни приехал — Петербург, Москва, Волышево, Выбыти, Урал, Крым, Прага, Венеция, Париж, которые он посещал с молодой женой, где она блистала своей уникальной красотой — всё напоминало о былых счастливых минутах.

Белоснежная яхта «Заря»⁹ — гордость русского флота с преданным, испытанным в морских походах экипажем, ожидала его у петербургской малолодной пристани. Было раннее утро, неяркое солнце, повисшее бледным розовым кругом на востоке, слегка освещало далёкую гладь залива. Город плыл, как сказочный корабль, в голубой дымке тумана. На берег то и дело прибывали упряжки норовистых коней. Видимо, их нещадно гнали, чтобы в эту утреннюю рань поспеть к отходу судна.

Играл духовой оркестр, все прибывшие поднялись на палубу, где был накрыт стол, матрос разливал шампанское...

— Успешного плавания тебе, Сергей Александрович! — Испытанный и преданный друг Василий Иванович Бутурлин провозгласил тост, и перед тем, как чокнуться, крепко обнял его. — Свидимся ли?

— Ну что ты, дружище, мы ещё молоды!

И, зная, что тот крепкий помещик и любит своё хозяйство, и из своего имения в страду или сбор урожая — никуда, оптимистично добавил:

— А давай встретимся в Лондоне, я рассчитываю придти туда в ноябре. Ты подъезжай, присоединяйся, и мы пойдем в просторы океана, в Америку... Как тебе моё предложение? Подумай.

Подошла сестра Ольга с мужем князем Александром Григорьевичем Щербатовым. Горько заплакала:

— Серж, увижу ли я вас вновь?

— Ну что вы так трагедийно вещаете, дорогая моя, — успокаивал её брат. — Знай, теперь по доверенности Вы — полновластная хозяйка в Строгановском майорате, ты властная моя! Распоряжайтесь на своё усмотрение, что только душа твоя пожелает и сердце прикажет, — было заметно, что он глубоко был взволнован, поэтому то говорил ей «ты», то вновь переходил на «Вы». Вторая сестра Мария ничего не смогла промолвить, только тихо глотала слёзы и беззвучно прижималась к брату...

Несмотря на запрет императором ношения формы графу, Строганов был в морском мундире. Провожающие чувствовали, что последний отпрыск знатного рода Строгановых по мужской линии, так много сделавший для России, покидает Петербург навсегда. Прощальная музыка сливалась с шелестом волн, обволакивая сердца той щемящей печалью, какая случается обычно при долгих расставаниях.

Наконец, время прощания завершилось, небольшая группа людей выстроилась линейкой вдоль причала. И яхта, издав по-особому проникновенный, уходящий в бесконечное пространство протяжный гудок, с особенной торжественностью, которая присуща только изящным роскошным судам, медленно отскользнула от пристани.

Сергей Александрович Строганов покидал Россию с выдавшим виды прадедовским потёртым от времени дорожным саквояжем из светло-коричневой кожи, где среди небольшого домашнего архива лежали вперемешку два девичьих альбома матери Татьяны Дмитриевны и жены Евгении Александровны, их письма, записки. Из многочисленных Строгановских сокровищ он увозил одну-единственную драгоценную вещь — ту памятную брошь в виде якоря, подаренную жене на годовщину их свадьбы, отпразднованную в русском посольстве в Париже.

Когда пристань растворилась в серо-голубой дымке утреннего тумана, граф кинул мелочь в волны родной Невы. Вновь сердце сжала тоска, и в эти минуты он понял, что крест одиночества суждено нести действительно вдали от родной земли. Он прошёл в капитанскую каюту, которую украшала единственная картина кисти русского художника Ивана Крамского. Это был большой портрет его жены Евгении Александровны Строгановой, урождённой княжны Васильчиковой. Лицо молодой женщины излучало доброту и обаяние, большие тёмно-фиалковые глаза светились и так любовно смотрели на мужа.

Яхта «Заря», белоснежная гордость России, так и не вернулась в отеческие воды, как и её капитан более не ступил на родную землю. Многие годы граф путешествовал в морских просторах, побывал на разных континентах.

Когда прибывал во Францию, то обычно жил в маленьких южных городках. Ни в общественной, ни в светской жизни за границей не участвовал. Если в распоряжении обширными владениями требовалось его участие, то он по просьбе сестры Ольги высылал ей всяческие деловые расписки. Жил отшельником, вёл аскетический образ жизни. На яхте часто исполнял корабельные обязанности — драил палубу вместе с матросами, чинил шлюпки, сети, помогал спускать их на воду, любил красить мачты...

Сергей Александрович умер в 1923 году. Это случилось в Ницце¹⁰, в небольшом уютном, спрятанном в густой листве обширного парка замке, приобретённом ещё дедом Григорием Александровичем. Стоял мягкий тёплый сентябрь. После завтрака граф расположился в кресле на балконе. Читал, потом при какой-то ассоциации на него нахлынули давние воспоминания. Он вспомнил другой сентябрь, далёкие Выбиты, утро... Вот княжна Евгения в белой амазонке выезжает на стройном белом Билимбае, любимом его рысаке. Томящая душу многие годы тоска вырвалась из его уст.

В этот миг сжалось сердце. Закрыв глаза, и ему почудилось, что руки вновь налились юношеской силой. Сделал рывок и вырвал молодую жену из седла. А она, прижавшись к нему, рассмеялась изумительно чудесным серебристым голосом. «Серж, я очень люблю Вас, Вы так долго не были в Выбитях, поехали!» — Он ощутил на щеке мимолётное прикосновение: теплоту её губ и лёгкое прозрачное дыхание. В эту секунду от неожиданного восторга сердце Строганова учащённо забилося и душа вырвалась на волю...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Памяти Е.А. Строгановой // Санкт-Петербургские Ведомости. 12.12.1884.

² Из дневника графа С.А. Строганова // Строгановы. Сб. док. М. 2005. С. 37.

³ Там же. С. 39.

⁴ Васильчиков Б.А. Воспоминания. Прага, 1927. С. 11.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Кузнецов С.О. Жизнь графа С.А. Строганова // Порховские чтения. Псков, 2004. С. 67.

⁷ Государственный архив Новгородской области. Ф. 209. Оп. 2. Д. 4. Л. 21.

⁸ Там же. Л. 68.

⁹ Кузнецов С.О. Жизнь графа С.А. Строганова... С. 68.

¹⁰ Васильчиков Б.А. Воспоминания... С. 30.

Памяти поэта

«НЕ НАЗНАЧАЙТЕ ВСТРЕЧИ, Я БОЛЬШЕ НЕ ПРИДУ...»

Валерия Ситникова, настоящее имя — Валерия Аркадьевна Клебанова родилась 20 декабря 1944 года в городе Нолинск Кировской области, умерла 20 декабря 2009 года в Великом Новгороде.

Свою трудовую деятельность Лера начала в 1961 году музыкальным работником в детском саду. В 1963 г. окончила вечернюю школу и поступила на заочное отделение Кировского училища искусств.

Стихи начала писать с 1956 года, публиковала их в периодических изданиях.

С 1964 по 1969 годы работала в Краснокамске Пермской области преподавателем по классу фортепиано в Детской музыкальной школе. В 1970 году закончила теоретико-композиторское отделение Кировского училища искусств. Но всё больше её привлекала журналистика и поэзия. С 1970 по 1982 годы Валерия Ситникова работала в газете «Кировец» в городе Кирово-Чепецк Кировской области, руководила литературным объединением «Поиск».

В 1974 году стала членом Союза журналистов России. В 1976 году поступила в Литературный институт имени Максима Горького, на факультет поэзии. Окончила его в 1982 году.

В 1980 году в Волго-Вятском книжном издательстве вышел первый сборник стихов Валерии Ситниковой «Земная душа».

Муж Валерии был военным, поэтому вместе с ним она колесила по всей стране. В 1983 году переехала в город Джамбул Казахской ССР, потом в город Россошь Воронежской области: работала корреспондентом областных газет, руководила литературными объединениями.

В 1987 году семья переехала в Новгород на постоянное место жительства. Валерия работала корреспондентом в местных изданиях, была собственным корреспондентом по Новгороду, Твери и Пскову газет «Труд» и «Российские вести».

В 1990 году — она в числе основателей и первых сотрудников газеты «Новгородские ведомости». В 1999 году вышла на пенсию.

С 1964 по 2006 годы печаталась в альманахах «Вятские зори», «День поэзии», «Княженика», «Современники», «Собеседник», в журналах «Аврора», «День и ночь», «Молодая гвардия», «Москва», «Невский альманах», «Север», «Подъём», «Просторы», «Щит и меч».

С 2006 года Валерия Аркадьевна руководила литературным объединением имени Владимира Кулагина при Новгородском отделении Союза писателей России, вела передачу «Поэтическая тетрадь» на радио «Славия».

В 2006 году вышла книга Валерии Ситниковой «Избранное. Стихи и сказки», в этом же году она была принята в Союз писателей России, в 2009 стала действительным членом Академии русской словесности и изящных искусств имени Г.Р. Державина. Лауреат премий имени Марии Ульяновой и Надежды Крупской, Ветеран труда.

Литературные объединения, клубы, которые создавала и вела Валерия Аркадьевна, стали школой для начинающих писателей XXI века в Великом Новгороде. Их произведения опубликованы в двух альманахах «Ювенильное море», изданных в 2007 и 2009 годах при непосредственном участии Валерии Ситниковой.

С уходом Валерии Аркадьевны осталась неопубликованной книга, над которой она работала в последние годы. На задуманных страницах предполагалось познакомить ценителей таланта Ситниковой с ещё одним направлением её деятельности — литературными переводами. Сегодня на страницах альманаха у нас есть возможность отдать дань памяти новгородской поэтессе и открыть широкому кругу читателей новую грань её творчества.

Ольга Запольская, декабрь 2011 г.

Литературные переводы

Темир Юсупов
(с башкирского)

БУЛАНЫЙ КОНЬ

Серебром рассыпается ржанье коня...
Успокойся, о чём ты, дружок?
Неужели огонь, что сжигает меня,
Мой скакун, твоё сердце обжёт?
Я мальчишка вчерашний, пригнулся в седле,
Жизнь, сгорая, вдогонку летит.
Рассыпается эхом за мной по земле
Грохот времени, цокот копыт.
Морда добрая ткнётся в сухую ладонь,
Звёзды катятся с гривы коня.
Я сегодня прощаюсь, буланный мой конь:
Эта скачка не для меня.
Кони плачут в степи, потеряв седоков,
Я, прощаясь, целую коня,
Потому что услышал в смятении подков:
Эта скачка — не для меня.

Самовар, как девушка, горяч,
Белый пар, как завитки над бровью.
...Из военной дали слышу плач.
Брат мой, это плачем мы с тобою.

Как колола пальцы нам стерня,
Каждый колос с кровью отдавая.
Брат мой! Знаю, ты поймёшь меня,
Мы с тобою хлебу цену знаем.

Потому-то на любом пиру,
Оттолкнув соленья и варенья,
Корку хлеба выронив из рук,
Перед нею встанем на колени.

Это память о голодных днях,
О сиротстве, о холодном небе.
Брат мой, знаю, ты поймёшь меня:
Мы с тобою знаем цену хлебу.

Ованес Казарян
(с армянского)

— А что в земле?
— Корней переплетенье.
— А что ещё?
— Венчальное кольцо
С руки, что в прахе
Стало прахом.
— А что ещё?
— Великие цари,
Чьи имена трава вверху не помнит.
— А что нетленно?
— Вечна сердца боль.
Она, как лава, разрывает недра.

Алвади Шалхив (с чеченского)

«Вперёд, вперёд!» —
С холодным ветром споря,
Журавль-вожак уводит клин на юг,
Торопит стаю за седьмое море,
Прощальный в небе сокращая круг.

Как просто птицы
Гнёзда покидают:
«Курлы, курлы», — последний взмах крыла.
И за семью морями забывают
Тепло земли, что крылья им дала.

Я не считаю,
Сколько зим и вёсен
До старости осталось мне лететь.
Пусть будет вечная в моей отчизне осень, —
Лишь здесь хочу я жить и умереть.

В тепло и в стужу,
В радости и в горе
Земле родимой верен навсегда,
Ведь я, как птица, мне за синим морем
Не быть счастливым и не вить гнезда.

Литературные переводы
представлены в авторской редакции

Информация об авторах

Акифьева Светлана Викторовна, заведующая кабинетом Центра творческой интеллигенции им. В.В. Сороки НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Ананичев Александр Сергеевич, секретарь правления Союза писателей России, руководитель Сергиево-Посадской писательской организации, кандидат педагогических наук, г. Сергиев Посад, Московская обл.

Барканова Елена Владимировна, главный редактор альманаха «Чело», член Союза журналистов России, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

Вавилова Любовь Александровна, директор музея истории НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Витушкин Сергей Фёдорович, заведующий отделом публикации документов ГОУ «ГАНИНО», главный редактор областной Книги памяти, г. Великий Новгород.

Володина Татьяна Владимировна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник НГОМЗ, доцент кафедры художественной и пластической обработки материалов НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Данков Михаил Юрьевич, научный сотрудник Карельского государственного краеведческого музея, президент КРОО «Осударева дорога», г. Петрозаводск.

Данько Татьяна Александровна, заведующая отделом краеведения Новгородской областной универсальной научной библиотеки, г. Великий Новгород.

Демидов Валерий Васильевич, преподаватель Новгородского областного колледжа искусств им. С.В. Рахманинова, заведующий музеем А.С. Аренского, А.К. Лядова, С.В. Рахманинова, заслуженный работник культуры РФ, г. Великий Новгород.

Запольская Ольга Владиславовна, заведующая информационно-аналитическим отделом ГУК НОСБ «Веда», г. Великий Новгород.

Клебанова Валерия Аркадьевна (1944—2009).

Кнапиньски Ричард, профессор кафедры церковного искусствоведения, г. Люблин, Польша.

Конивец Анна Валентиновна, старший научный сотрудник Эрмитажа, г. Санкт-Петербург.

Краснов Владимир Павлович, член Союза писателей России, главный редактор газеты «Красная искра», г. Боровичи, Новгородская обл.

Курбанова Мария Примовна, заместитель директора автономной некоммерческой организации «Новгородский научно-просветительский центр „Наследие“», г. Великий Новгород.

Кушнир Илья Иосифович (1921—1997), архитектор.

Михайлов Дмитрий Александрович, доктор геолого-минералогических наук, Санкт-Петербургское отделение АН России, г. Санкт-Петербург.

Морылёва Наталья Ивановна, главный библиотекарь НБ НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Насурдинова Галия Камиловна, краевед, г. Великий Новгород.

Рукавичникова Валентина Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая сектором редкой книги НБ НовГУ им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.

Секретарь Людмила Андреевна, ведущий документовед учебно-научной лаборатории социально-экономической истории Северо-Запада России НовГУ им. Ярослава Мудрого, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

Семёнов Владимир Михайлович, корреспондент Чудовской районной газеты «Родина», г. Чудово, Новгородская обл.

Симонов Юрий Анатольевич, блокадник, ветеран труда и ВОВ, г. Санкт-Петербург.

Цветкова Светлана Ивановна, переводчик, г. Великий Новгород.

Перепечатка материалов и использование их в любой форме разрешается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна. Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Адрес редакции:

173003, Россия, Великий Новгород, ул. Саши Устинова, д. 1, каб. 6507.
Телефон: (816-2) 62-75-85, e-mail: chelo@list.ru.

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.
Подписано в печать 19.05.2012. Заказ № 842. Бумага 80 г/м².
Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816-2) 73-76-76.

Художественное оформление — В.И. Поветкин

Над номером работали:

Главный редактор — Е.В. Барканова
Редактор отдела — Е.М. Ипатова
Ведущий программист — А.Б. Кудряшов
Редактор — М.К. Кулиничева